

1797

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ИМАГОЛОГИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ СССР И США

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2024

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

ИМАГОЛОГИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ:
«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»
В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ
СССР И США

Сборник научных статей

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2024

УДК 327.54
ББК 63.3(0)6
И50

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
РГПУ им. А. И. Герцена*

Издание подготовлено при поддержке Российского научного фонда (грант № 22–18–00305) «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Рецензенты:

С. И. Белов, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;

Г. Л. Тульчинский, доктор философских наук, профессор, Высшая школа экономики

Редакционная коллегия

Рябов О. В., д-р филос. наук (отв. ред.); *Журавлева В. И.*, д-р ист. наук; *Клеценко Л. Л.*, канд. полит. наук; *Кубышкин А. И.*, д-р истор. наук; *Рябова Т. Б.*, д-р социол. наук

И50 **Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США : сборник научных статей / под ред. О. В. Рябова.** — Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. — 1 электронно-оптический диск. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8064-3577-5

Сборник содержит статьи по материалам докладов, сделанных на Всероссийской научной конференции «Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США», которая состоялась 3–5 октября 2024 года в РГПУ им. А. И. Герцена.

УДК 327.54

ББК 63.3(0)6

Минимальные системные требования:

Тип компьютера, процессор, частота: IBM/PC; Intel Core J3 3,3 ГГц

Оперативная память (RAM): 512 Мб

Необходимо на винчестере: 2,5 Мб

Дополнительные программные средства: Adobe Acrobat Reader

ISBN 978-5-8064-3577-5

© РГПУ им. А. И. Герцена, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1 ВВЕДЕНИЕ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ

<i>Рябов О. В.</i> Легитимация Холодной войны и массовая культура СССР и США	6
<i>Кубышкин А. И.</i> Массовая культура как предмет академических дискуссий в США и СССР в период Холодной войны	15
<i>Сергунин А. А.</i> Восприятие администрацией Дж. Кеннеди намерений и действий советской стороны в период Берлинского кризиса 1961 г. (на основе данных архивов США)	22
<i>Быстрова И. В.</i> Шарль де Голль и СССР в условиях Холодной войны	30

Раздел 2 КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

<i>Ромашин М. И.</i> Персонажи фильмов о Вьетнамской войне на киноафишах разных стран: друзья и враги	37
<i>Осинов С. В.</i> Оттенки красного: Советский Союз и коммунистический Китай в классической кинобондиане (1962–1974 гг.)	44
<i>Смирнов Д. Г.</i> Семиотическая динамика образов в кинематографе Холодной войны	52
<i>Пахомова С. В.</i> Образ Америки в картине Сергея Урсуляка «Русский регтайм» в контексте репрезентации еврейской эмиграции в советском кинематографе	59

Раздел 3 ДИНАМИКА ОБРАЗОВ В ВИЗУАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ЭПОХИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

<i>Журавлева В. И.</i> Американская карикатуристическая индикатор разрядки во взаимоотношениях СССР и США в годы Холодной войны	67
<i>Просолова Е. В.</i> Ядерная угроза в плакате СССР и США: Опыт сравнительного анализа	75

<i>Куликова М. Н., Спутницкая Н. Ю.</i> Репрезентации русской женщины в комиксах США 1950-х гг.: Синтез лингвистических и кинематографических приемов	81
<i>Дзюба Е. В., Rogozinnikova Ю. В.</i> Жанр комикса в презентации образа Холодной войны	88
<i>Фельдт А. Е.</i> Портреты советских руководителей на обложках американского журнала «Time» в годы Холодной войны: образ и контекст	96
<i>Давыдова О. С.</i> Тревожное присутствие: стратегии репрезентации СССР в фотографиях журнала «Life»	103
<i>Фоминых А. Е.</i> Образ США в массовом представлении советских посетителей американских выставок в СССР (1973–1976 гг.)	110

Раздел 4

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ СЕБЯ И ДРУГОГО В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СССР И США

<i>Левин Я. А.</i> ФБР и массовая культура США в условиях начала Холодной войны	118
<i>Юдин К. А.</i> Образ СССР в культурном пространстве США середины 1950 -х – 1970-х гг.	124
<i>Лекаренко О. Г.</i> «Свои» и «чужие» в космической гонке: американская пресса о «Спутнике»	130
<i>Райкова В. А.</i> Социальный оптимизм и репрезентация американского образа жизни на страницах журнала «Америка» (1945–1952)	137
<i>Нечипорук Д. М.</i> «Надо же, он и это знает!»: газета «Новое русское слово» о восприятии Советского Союза корреспондентом «Нью-Йорк таймс» Дэвидом Шиплером	145
<i>Лебедев А. Л.</i> Образы «Запада» и «Востока» на страницах газеты Ярославского медицинского института «За медицинские кадры» (1958–1964)	152
<i>Раздобреев О. В.</i> Образ «маленького человека» западного мира в постановках драматических театров Сибири периода «оттепели»	159
<i>Кузнецов И. К.</i> Рок-поэтика в Городе ангелов 1960-х гг: две перспективы политического и войны	166
<i>Селезнев А. Т., Романов И. Э.</i> Образы «своих» и «чужих» в анекдотах СССР периода Холодной войны	173

<i>Дагаева К. И.</i> Новая революция: интерпретация августовского путча в американской прессе	179
---	-----

Раздел 5

НАСЛЕДИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

<i>Рябова Т. Б., Туркин И. А.</i> Символы Холодной войны в современной политической риторике: опыт изучения СМИ России и США методами анализа больших объемов информации	185
<i>Канаев А. А.</i> Образы США времен Холодной войны в дискурсе Национал-большевистской партии 1990-е гг.	194
<i>Белова А. В.</i> Образы Холодной войны в представлениях о ГДР в современной массовой культуре	201
<i>Невзоров М. В.</i> Образы «разрушительной силы» ядерного оружия в массовой культуре в контексте режима ядерной безопасности между СССР и США	208
<i>Гончаренко В. Ю.</i> Влияние событий Холодной войны на современные тенденции мировой политики: новая Холодная война как историческое событие и социальный конструкт	216
<i>Шейман В. В.</i> Продолжение Холодной войны? Исторический контекст Специальной военной операции глазами ее участников	222
<i>Рябова Т. Б., Клещенко Л. Л.</i> Киногерои Холодной войны в социальных представлениях современных россиян и американцев	229
Сведения об авторах	236

Раздел 1

ВВЕДЕНИЕ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ

ЛЕГИТИМАЦИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА СССР И США¹

Рябов Олег Вячеславович

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
riabov1@inbox.ru*

Аннотация. В статье впервые рассматривается вопрос о том, как в СССР и в США проходила легитимация Холодной войны, то есть ее объяснение и оправдание, обеспечивавшее принятие ее населением обеих стран. Выделяются критерии легитимности советско-американской конфронтации и формы ее легитимации. Обосновывается положение о том, что необходимым условием Холодной войны и одним из инструментов политической мобилизации выступала массовая культура.

Ключевые слова: Холодная война, массовая культура, легитимация, образ врага, советско-американские отношения.

LEGITIMATION OF THE COLD WAR AND SOVIET AND AMERICAN MASS CULTURE

*Riabov Oleg Viacheslavovich,
Herzen University*

Abstract. The paper focuses on the question how in the USSR and the USA legitimation of the Cold War, that is its explanation and justification which provided its support by the population of both countries, was carried out. The criteria of the legitimacy of the Soviet-American confrontation Cold War and the forms of its legitimation are identified. The author points out that mass

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

culture served as a necessary condition of the Cold War and one of the instruments of political mobilization.

Keywords: the Cold War, mass culture, legitimation, the image of the enemy, Soviet-American relations

В 1961 г. в инаугурационной речи Дж. Кеннеди произнес известные слова: «Пусть каждое государство, желает ли оно нам добра или зла, знает, что мы заплатим любую цену, вынесем все трудности, преодолеем любые испытания, поддержим своих друзей и остановим врагов ради спасения и укрепления свободы». «Война во имя свободы», таким образом, как и любая другая война, была неразрывно связана с требованиями «заплатить цену», «вынести трудности», «преодолеть испытания»... Между тем убедить несколько поколений в необходимости жить в постоянной готовности принять участие в полномасштабной войне было непростой задачей; особенно сложно это было сделать в отношении того поколения, которое прошло через испытания Второй мировой и при этом вышло из них победителем. То, что Холодную войну удалось сделать приемлемой для большинства населения стран по обе стороны «железного занавеса», едва ли вызывает сомнения.² Очевидно, должна была быть проделана огромная работа, чтобы жители США и СССР были готовы эту цену платить. Оптимальным для анализа этой работы является понятие легитимации. Оно широко применяется в политологии, при изучении легитимности власти, но используется и в более широком смысле. П. Бергер и Т. Лукман характеризовали легитимацию социального порядка как объяснение и оправдание его [Berger, Luckman, 1966], выделяя тем самым ее когнитивный и нормативный компоненты.

Цель исследования — проанализировать, какие образы «своих» и «чужих» должны были быть созданы и каким способом они должны были распространяться среди населения СССР и США для «объяснения и оправдания» Холодной войны с ее ограничениями и жертвами так, чтобы она стала легитимной, то есть

---

² Например, об этом свидетельствуют результаты исследований общественного мнения; так, согласно данным опроса, проведенного в 1985 г. в США, 28 % респондентов полагали, что во Второй мировой войне СССР сражался против Соединенных Штатов [Silverstein, 1989: 903; см. также: Рукавишников, 2005].

приемлемой для жителей двух стран. Вначале мы остановимся на вопросе о критериях легитимности Холодной войны. Далее речь пойдет о двух формах легитимации, позитивной и негативной. Наконец, предметом рассмотрения станет проблема роли массовой культуры в политической мобилизации той эпохи.

Легитимность Холодной войны и ее критерии

Легитимация Холодной войны — это обоснование ее легитимности; среди критериев ее легитимности следует отметить, прежде всего, соответствие базовым ценностям социума, что предполагало апелляцию к коллективному мифу и важнейшим символам общества. О. Вестад, характеризуя ключевые ценности идеологического противостояния Холодной войны, обозначил позиционирование себя Советским Союзом и Соединенными Штатами как, соответственно, «империю справедливости» и «империю свободы» [Westad, 2005]. Защита свободы как высшей ценности и была важнейшим пунктом легитимации Холодной войны в США. В СССР такой ценностью объявлялось коммунистическое общество как общество справедливости, где будет ликвидирована такая важнейшая форма несправедливости, как эксплуатация человека человеком. При этом следует принимать во внимание влияние мессианских идей в российской и американской культурах, что сказалось и на дискурсе Холодной войны [Журавлева, 2023]. В подобном контексте жертвы и ограничения приносились во имя счастья всех людей, ради спасения человечества, а не просто коллективного эгоизма.

Далее, это критерий нравственности, соответствие моральным нормам общества. Скажем, такая норма советской морали, как осуждение эгоизма помогала «объяснять и оправдывать» выполнение «интернационального долга» в Афганистане или помощь угнетенным западным колониализмом народам Африки, порой даже в ущерб интересам населения собственной страны.

Затем, это соответствие универсальным законам: природы, истории или же воле высших сил. В США Холодная война нередко позиционировалась как богоугодное дело, борьба с коммунизмом — как крестовый поход, а СССР — как царство антихриста [Рябов и др., 2023]. В советской идеологии функцию высших сил

выполняли законы истории как краеугольный камень доктрины исторического материализма; смена капитализма коммунизмом — это неизбежный естественно-исторический процесс, и те, кто стоит на его пути, должны быть сметены ходом истории.

Наконец, это связь с законным интересом сообщества, коллективным благом (например, защита Советской Родины-матери), а также с неотъемлемыми правами личности.

Позитивная и негативная легитимация

В целом легитимация Холодной войны базировалась на образно-символической системе и самым непосредственным образом была связана с ее имагологией, которая аккумулировалась в образе врага. Данный образ можно интерпретировать как социальный конструкт; его черты определяются теми функциями, которые он призван выполнять. *Функция мобилизации* требует создания картин смертельной опасности; поэтому враг должен быть страшным. *Функция укрепления коллективной идентичности* реализуется при помощи репрезентаций врага как максимально отличающегося от «своих»; так, конструирование идентичности Америки как бастиона свободного мира было бы невозможно без создания картин «советской тирании». *Функция легитимации власти* связана с репрезентациями правящей элиты как надежной защитницы от врага, а оппозиции — как внутреннего врага и пособника врага внешнего. *Функция легитимации насилия* предполагала изображать врага таким образом, чтобы оправдать негативные чувства к нему, насилие над ним или даже его уничтожение. В связи с этим использовалась дегуманизация врага, которая проходила в двух формах: анималистской (через уподобление врага животному) — механицистской (через уподобление механизму), что находит выражение в создании и тиражировании таких образов, как, например, «Russian Bear» и «Red Machine», широко распространенных в массовой культуре США. Важнейшее место в реализации данной функции занимал образ зверств, совершаемых врагом. Наконец, реализация функции *предсказания победы* требовала, чтобы враг был показан как не только опасный, но также слабый и комичный — чтобы «своих» не покидала уверенность в конечном триумфе, а также в том, что цена победы не будет слишком высокой.

Таким образом, эффективно сконструированный образ врага должен максимально отличаться от образа «своих» и вызывать, прежде всего, страх, а также гнев, моральное негодование, отвращение, готовность его уничтожить, смех.

Образ врага и связанной с ним угрозы — это квинтэссенция легитимации войны, ее необходимое условие. Однако достаточным оно не является; требуются еще и соответствующие репрезентации «своих» — тех, кто войну поддерживает. Центральное место занимают образы военнослужащих: принимающих участие в боевых действиях или стоящих на страже мира. Рекрутируются образы уже существовавших на тот момент героев массовой культуры — например, «Капитан Америка», который появляется еще во время Второй мировой войны, теперь уничтожает «проклятых коммуняк» [Спутницкая, 2024]. Поскольку акторы легитимации говорили от имени социума, было необходимо показать всенародную поддержку; так, на советском плакате «Нас не запугаешь!» (1984, В. Сачков) врагу противостоит не военнослужащий, а рабочий, человек из народа. Еще один важнейший аспект этой поддержки — демонстрация единства общества, его сплоченности; в этом противостоянии принимают участие все социальные, этнические, политические группы. Так, в американском фильме «Стальной шлем» (1951, реж. С. Фуллер) представители различных расовых групп США плечом к плечу борются с «красной угрозой» в Корее. Особое значение для легитимации советско-американской конфронтации имели образы тех, кто, хотя и не должны воевать, тем не менее также вступают в схватку с врагом — женщины и дети (как, например, в советской ленте «Застава в горах» (1953, реж. К. Юдин) или в американском фильме «Красный рассвет» (1984, реж. Дж. Миллиус). Наконец, легитимность подтверждается позицией мирового сообщества, будь то «свободный мир» или «люди доброй воли»; поэтому, в частности, для советской пропаганды была крайне значима идея «двух Америк»: «реакционной», враждебной Советскому Союзу, и «прогрессивной», которая ему симпатизирует.

Привлечение образов тех, кто поддерживает противостояние с «врагом номер один», может быть обозначено как позитивная легитимация Холодной войны. Была и другая форма легитимации — негативная. Негативная легитимация предполагает под-

черкивание *относительной* ценности легитимируемого варианта по сравнению со всеми прочими. Соответственно, делегитимация альтернативных вариантов является неотъемлемой частью процесса легитимации.³ Один из приемов негативной легитимации, отмечаемых в книге П. Бергера и Т. Лукмана, состоит в том, что альтернативные варианты наделяются низшим онтологическим статусом. В качестве примера авторы приводят применение маркера «варварский» как попытку приписать статус нецивилизованности альтернативной интерпретации социальной реальности [Berger, Luckman, 1966]. В американском дискурсе Холодной войны само появление приверженцев коммунистической идеологии объяснялось за счет атрибутирования им низшего онтологического статуса при помощи соответствующих репрезентаций (например, в качестве аморальных безбожников, азиатов, медведей и так далее). Так, Голливуд показывал американский коммунизм в качестве не идеологии или политической партии, с которой нужно вести дискуссии, а, скорее, преступного сообщества [Shaw, 2007: 51]. В советском обществе, в свою очередь, если внутренние «чужие» выражали симпатии к «буржуазной» культуре Америки (хотя при этом и не касались вопросов политических или идеологических непосредственно) или просто проявляли недостаточно энтузиазма в мероприятиях, направленных на легитимацию Холодной войны, то подвергались остракизму; их позиция делегитимировалась за счет приписывания им разнообразных пороков, от туеядства до пособничества агентам ЦРУ (как, например, стилигам в советском кинематографе [Рябов и др., 2023]).

Массовая культура и политическая мобилизация

Так вкратце может быть представлена образно-символическая система, которая легла в основу легитимации советско-американской конфронтации; однако еще было необходимо обеспечить

---

³ Примером негативной легитимации политической системы может служить известный афоризм У. Черчилля «Демократия — наихудшая форма правления, если не считать всех остальных» [см. подробнее: Рябов и др., 2023].

принятие ее массами, поддержку с их стороны — то есть, политическую мобилизацию. Очевидно, именно массовая культура была таким «средством доставки» требуемых образов «своих» и «чужих» и инструментом этой мобилизации.

Среди тех черт продукции массовой культуры, которые в большей или меньшей степени характерны и для США, и для СССР и которые обеспечивали ее способность выступать ресурсом легитимации Холодной войны, отметим, прежде всего, ее широкое распространение. Так, о масштабе потребления соответствующих образов может свидетельствовать следующий факт: около четверти населения Земли посмотрела по меньшей мере один фильм о Джеймсе Бонде [Dodds, 2005: 270].

Другой чертой является упрощение; сложные вопросы международных отношений редуцировались до простых и понятных. С. Вебер исследовала на материале голливудской продукции феномен, обозначенный ею как моральная грамматика — прием, при помощи которых осуществляется перевод проблем международных отношений на язык массовой аудитории. Зрители видят не соперничество ведущих держав за реализацию своих интересов, а борьбу добра со злом, «хороших» и «плохих» парней, любовь и ненависть, благородство и низость, верность и предательство [Weber, 2006: 11]; примером могут служить кинофильмы, повествующие о романтических отношениях между представителями противоположных лагерей Холодной войны [Рябов, 2013]. Та же тенденция упрощения характерна и для других видов массовой культуры; при этом борьба велась действительно, прежде всего не за «умы», но за «сердца»; произведения апеллировали, в первую очередь, к эмоциональной сфере аудитории.

Далее, это интерактивность; характерное для массовой культуры снижение художественного уровня произведений облегчало привлечение широкой аудитории к сотворчеству (например, в исполнении или даже сочинении песен). В конце эпохи интерактивность приобрела еще одно измерение: с появлением в США видеоигр, посвященных советско-американской конфронтации, своеобразное «сотворчество» проявлялось в непосредственном, пусть и виртуальном, уничтожении энтузиастами врагов «свободного мира» [Белов, 2024].

Наконец, это ориентация массовой культуры на коммерческий успех (хотя в СССР это могло обозначаться другими терминами). Коммерческая чуткость творцов массовой культуры выступала драйвером, помогающим реагировать на спрос и многократно усиливать те или иные общественные настроения. При этом следует учитывать, что отклик был и на вкусы, далекие от мейн-стрима, и что оборотной стороной массового характера продукции была сложность организации контроля за ней.

Но эта оговорка не мешает сделать вывод о том, что в целом массовая культура внесла существенный вклад в легитимацию Холодной войны, наделяя ее события значениями, пробуждая эмоциональный отклик на них, создавая условия для распространения и потребления соответствующих образов «своих» и «чужих» — и помогая тем самым реализовывать цели ее участников. Без нее Холодная война — как соперничество не только военное, политическое, экономическое, но и «борьба за сердца и умы», в том числе на глобальном уровне — была бы невозможна. Следует также заметить, что наследие массовой культуры исследуемого периода используется для легитимации современных войн, в том числе и той, которую «коллективный Запад» ведет против Российской Федерации. Вместе с тем, необходимо принимать во внимание, что массовая культура, производя враждебность, создавала столь убедительный образ возможной глобальной катастрофы, что тем самым внесла существенный вклад в то, что человечеству удалось избежать ядерного конфликта сверхдержав.

Заключение

Подведем итоги. Легитимация Холодной войны представляет собой многоаспектный и многоуровневый процесс, предполагающий демонстрацию ее нравственного характера, ее связи с базовыми ценностями общества, ее соответствия высшим законам, и выражения в ней справедливых интересов сообщества.

В этом процессе можно выделить позитивную легитимацию, связанную с созданием образов врага, а также образов тех, кто поддерживает Холодную войну, и негативную, связанную с делигитимацией тех, кто эту войну не поддерживает.

Инструментом политической мобилизации, направленной на обеспечение общенациональной поддержки Холодной войны, выступала, прежде всего, массовая культура, благодаря таким ее свойствам, как широкая распространенность, демократизм, упрощение, эмоциональность, интерактивность, ориентация на коммерческую выгоду. В то же время массовая культура создавала возможности для сопротивления главному нарративу Холодной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов С. И. «Враг интерактивный»: американские видеоигры 1980-х гг. как ресурс позиционирования «советского чужого» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. № 2. <https://ras.jes.su/history/s207987840030742-5-1> (дата обращения: 20.11.2024)

Журавлева В. И. «Холодная война» образов в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 10. <https://ras.jes.su/history/s207987840028758-2-1> (дата обращения: 20.11.2024)

Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический Проспект, 2005.

Рябов О. В. «From Russia with love»: образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа (1946–1963 гг.) // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 166–176.

Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023.

Спутницкая Н. Ю. Образ президента и его критика в супергеройских комиксах в историческом контексте российско-американских отношений 1980-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 22–37.

Berger P. L., Luckman T. The social construction of reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. L.: The Penguin Press, 1966.

Dodds K. Screening Geopolitics: James Bond and the early cold war films (1962–1967) // Geopolitics. 2005. Vol. 10. No. 2. P. 266–289.

Silverstein B. Enemy Images: The Psychology of U. S. Attitudes and Cognitions Regarding the Soviet Union // American Psychologist. 1989. Vol. 44. No. 6. P. 903–913.

Shaw T. Hollywood's Cold War. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2007.

Weber C. Imagining America at War: Morality, Politics and Film. L.; N. Y.: Routledge, 2006.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В США И СССР В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ⁴

Кубышкин Александр Иванович

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российский государственный педагогический университет*

им. А. И. Герцена

kubyshkin.alexander@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема обсуждения в советской и американской историографии характера массовой культуры и ее роли в современном обществе. Анализируются концептуальные подходы представителей академического сообщества СССР и США в оценке динамики развития массовой культуры в обеих странах. Показана роль научных институций в выработке национальных моделей изучения массовой культуры.

Ключевые слова: Холодная война, массовая культура, научные институции, культурологические исследования

MASS CULTURE AS A SUBJECT OF ACADEMIC DISCUSSIONS IN THE USA AND THE USSR DURING COLD WAR

Kubyshkin Aleksandr Ivanovich,

St. Petersburg State University / Herzen University

Abstract. The article deals with the problem of discussing the nature of mass culture and its role in modern society in Soviet and American historiography. The conceptual approaches of representatives of the academic community of the USSR and the USA in assessing the dynamics of the development of mass culture in both countries are analyzed. The role of scientific institutions is shown.

Keywords: Cold War, mass culture, scientific institutions, cultural studies.

В минувшем столетии массовое общество и сопряженная с ним массовая культура стали предметом исследований виднейших ученых в разных научных областях. Массовая культура определялась различными способами, с тех пор как представители Франкфурт-

---

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>

ской школы ввели этот термин в научный оборот. По их мнению, массовая культура была широко распространенной «низкой культурой», которая развилась в эпоху индустриализации в США. Важную роль в изучении влияния массовой культуры на международные отношения сыграли М. Маклюэн, Ч. П. Сноу, К. Гирц.

Теории адептов Франкфуртской школы во многом перекликались с марксистскими принципами социальной критики буржуазного общества (К. Маркс, А. Грамши). Основные постулаты представителей Франкфуртской школы в области культуры, в том числе и массовой, сводят к следующим:

1) исследования в области культуры (*Cultural Studies* — CS), в том числе и культуры постиндустриального общества, должны быть взаимосвязаны с изучением социальных отношений, прежде всего классовых;

2) культура связана с властью и способом создания асимметрии в способности индивидов и социальных групп определять и удовлетворять свои способности;

3) культура не является ни автономной, ни внешне детерминированной областью, а представляет особый участок социальных различий и борьбы.

В сравнении с утвердившейся в России в 1980-х гг. научной дисциплиной «Культурология», *Cultural Studies* считают значительно более прикладной и локальной по своему пафосу, так как основной акцент делается на социальных и политических аспектах культуры, на формировании в первую очередь так называемого «дискурса низших классов» (феминизм, постколониализм, политическая корректность и т.д.). CS основываются на представлении о том, что современный мир — это тотальная множественность (классовая, расовая, этническая, культурная). Отсюда вовлечение в предмет исследования таких некогда маргинальных объектов и феноменов, как телевизионные новости, поп-музыка, комиксы, реклама и др. [Усманова, 2003].

В январе 1958 г. было подписано первое в истории российско-американских отношений Соглашение о научном, техническом и культурном сотрудничестве (Соглашение Лэйси – Зарубина). Этот документ в значительной степени расширил возможности для сотрудничества и диалога между академическими сообществами США и СССР в гуманитарной сфере, в том числе и в области изучения

проблем массовой культуры [Иванян, 2005]. Именно в период оттепели в СССР публикуются первые работы, пытавшиеся в сбалансированной форме представить свое видение массовой культуры как проявления не только американской культурной экспансии, но и феномена глобализации. Отметим проведение в 1960–1980-х гг. исследований советских ученых массовой культуры США, в которых наблюдался отход от стереотипов и штампов времен Холодной войны в момент ее высшей точки. В качестве примера можно привести исследования по массовой литературе (А. Зверев), кинематографу (И. Вайсфельд, А. Соболев, Е. Карцева, Г. Капралов), теории массовой культуры (М. Лифшиц, А. Караганов) и др.

В периоды обострения отношений между СССР и США большинство работ советских авторов по проблемам массовой культуры было написано в полемической форме с отчетливым акцентом на критику пороков буржуазного общества в целом и массовой культуры в частности. Примерами могут служить сборник «США: взгляд изнутри. Наследники Джозефа Маккарти [США: Взгляд изнутри, 1984] или труды известных киноведов В. Баскакова или А. Караганова [Баскаков, 1968, 1984; Караганов, 1974, 1977].

Своеобразный итог изучению проблем массовой культуры на большом теоретическом и фактическом материале был подведен в монографии А. Кукаркина, опубликованной в начальный период перестройки [Кукаркин, 1985]. Не отказываясь от традиционных оценок буржуазной массовой культуры (прежде всего американской) как идеологически опасной и вредной для демократических и социалистических идей, А. Кукаркин в то же время отмечал в целом высокую эффективность каналов ее распространения. По его мнению, массовая культура — это прежде всего коммерческий продукт, штампуемый звезд и идолов массовой культуры во всех ее видах [Кукаркин, 1985].

В эпоху перестройки проблемы массовой культуры активно разрабатывались отечественными социологами (Ю. Замошкин, К. Мяло, Б. Фирсов) и политологами (К. Гаджиев). Социологический центр Ю. Левады регулярно проводил опросы общественного мнения относительно нынешнего состояния и перспектив развития культуры и культурной политики.

Необходимо рассмотреть и институциональные аспекты изучения массовой культуры в СССР в период Холодной войны. Во многих

работах современных российских специалистов подчеркивается, что в СССР была создана жесткая и регламентированная система управления как культурными процессами, особенно в кинополитике, театре и музыкальном искусстве, так и системой подготовки кадров и контроля научных исследований в области культуры [напр.: Рябов и др., 2023]. Так, вопросы культурной политики в нашей стране курировались отделами культуры ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, обкомами и райкомами союзных республик, НИИ в системе АН СССР и Минкультуры. Определенную роль играли общественные организации (профсоюзы и Комитеты по связям с зарубежными странами, Всесоюзное общество «Знание») и творческие союзы (Союз советских писателей, Союз кинематографистов, Союз композиторов, Союз журналистов). Огромное значение в формировании культурных ценностей играла печать (многотиражные «Советская культура», «Искусство кино», «Советский Экран», «Советский театр» и т.д.) и академические издания.

В результате на экраны кинотеатров, на сцены театров и в концертные залы выпускалась идеологически выдержанная художественная и литературная продукция с глубоким социальным и антибуржуазным подтекстом. Всякие попытки в виде неформального искусства отклониться от генеральной линии социалистической идеологии и системы ценностей оттеснялись на культурную обочину или подвергались жесткой и не всегда справедливой критике, в том числе и в научных публикациях.

В то же время и в теории, и на практике допускалась стилизация, имитация и прямое использование некоторых практик массовой культуры Запада, например, вестерна (в жанре приключенческого фильма «истерн»), популярной музыки (рок и ВИА); джаз, хотя и был признан символом американской национальной культуры, все же звучал в кино и на сцене. В университетах и институтах, и не только профильных, в 1980–1990-е гг. начинается институализация культурологии как науки и как учебной дисциплины. Это дало сильный толчок к интенсификации исследований и по проблемам массовой культуры

В США была иная картина. Прежде всего, внешне система изучения массовой культуры и культурной политики выглядела гораздо менее централизованной и контролируемой государством. Тем не менее такие институции, как Государственный департамент

и его отделы образования и культуры, Информационное Агентство Соединенных Штатов (ЮСИА), ЦРУ и ФБР, Американский Совет по делам культуры, частные благотворительные фонды, пресса, университетские департаменты оказывали огромное влияние на культурные процессы в стране, особенно на раннем этапе Холодной войны, в эпоху маккартизма [Сондерс, 2013]. Это влияние несколько ослабло в конце 1970 — начале 1980-х гг., когда в культуре США широко распространились так называемые эмансипационные концепты (гендер, постколониализм, политическая корректность и др.), но оно не исчезло совсем.

Именно в этот период американская поп-музыка, комиксы и литература, Голливуд, ТВ-шоу превращаются в глобальные бренды мировой культуры. В самих Соединенных Штатах резко возрос интерес к изучению CS, были сформированы сотни департаментов по изучению массовой культуры в университетах и колледжах, даже самых скромных. Читались тысячи учебных курсов, проводились сотни конференций и фестивалей. Ряд престижных университетов, таких как Университет Дьюка, Университет Дж. Хопкинса, Питтсбургский университет, Университет Джорджа Мейсона сделали преподавание и изучение CS своим приоритетом в гуманитарных науках.

Таким образом, возникла своеобразная дискуссия между академическими сообществами СССР и США в виде концептуального сопоставления и противопоставления теории и практики основных форматов массовой культуры, их роли в процессе идеологической и политической конфронтации. Постулаты советской культурологии можно в самом общем виде сформулировать следующим образом:

- советская культура — это инструмент идеологии и продвижения демократических (социалистических) ценностей;
- массовая культура Запада — это эффективный инструмент усиления своих позиций в целях деконструкции социалистических ценностей; пропаганда чуждого образа жизни, культ наживы и насилия, оправдания преступлений империализма; это коммерческий проект.

Следует отметить особый интерес советских авторов к изучению демократической прогрессивной культуры — произведений антивоенного и антиимпериалистического характера, фильмов

прогрессивных режиссеров, песней протеста и молодежной субкультуры. Постепенно в советской научной литературе происходит смещение акцентов в сторону более глубокого и взвешенного анализа основных трендов западной массовой культуры.

Что касается американской историографии, то прежде всего следует отметить, что до середины 1980-х гг. большинство авторов занимались внутренней тематикой и о массовой (популярной) культуре в СССР имели весьма приблизительное представление. Исключение составляли, пожалуй, лишь советская литература и кино, которые изучались в университетах и колледжах в рамках программ исследований России (*Russian Studies*). Многие изменилось с началом перестройки в СССР, но система стереотипов в целом осталась неизменной.

Наиболее распространенным положением в концептуализации советской культуры было следующее: культура СССР — это культура тотального контроля над творчеством со стороны партии и государства, что серьезно ограничивало ее развитие. Во многих работах отмечалась позитивная роль научной и культурной иммиграции из России в распространении знаний о русской культуре в США. Отсюда особый интерес американских исследователей к оппозиционному / неформальному искусству в СССР. Предметом изучения становились литературные, театральные, художественные группировки и объединения (диссиденты, эмигранты, неформалы и др.). Особый интерес вызывало развитие в Советском Союзе отечественного рока (книга Дж. Стингрей «Красная волна») и движения бардовской песни.

Расширение круга исследовательских тем способствовало росту интереса американцев к русской / советской культуре и, в частности, к русскому языку. Число студентов, посещавших классы, значительно возросло к периоду окончания Холодной войны. Автор этих строк во время пребывания в Кентском университете (Огайо) отмечал, что студенческие группы по изучению русского языка, литературы и культуры набирали от 25 до 40 студентов.

Эта тенденция сохранялась и после распада Советского Союза. В 1996–1997 гг. Университет штата Пенсильвания имел на своих программах *Russian Studies* более 60 студентов, а в сравнительно небольшом Мэнсфилдском университете (Пенсильвания), где училось 3,5 тыс. студентов, автору довелось преподавать рос-

сийскую и советскую историю и культуру на четырех курсах более чем сорока американским студентам. В рамках Года России, организованном при самом активном участии американских преподавателей и студентов, было проведено более 20 культурных мероприятий, включая демонстрацию фильмов, проведение Вечера русской народной и популярной песни и даже постановку чеховских водевилей на сцене университетского театра.

К сожалению, в начале 2000-х гг. интерес к России в американском обществе и в академическом сообществе пошел на спад. На авансцену вышел интерес к культуре, истории и политике Китая, что вполне объяснимо. Правда, в последние годы ситуация вновь поменялась, но академический диалог ведется уже в ином дискурсе интересов и, соответственно, исследований. Наблюдается рост интереса к русскому языку, индикатором чего являются Русские недели в кампусах.

Подводя итоги, укажем на следующие процессы:

- снижается интерес к эмансипационным концептам на фоне кризиса неолиберального экономического, политического и социокультурного демократического проекта;
- идет фрагментация и дробление культурных исследований на множество отдельных и частных научных дисциплин, как правило, прикладного характера, и как результат, можно наблюдать уменьшение значения CS как академического проекта;
- развивается институциональный кризис CS. В университетах США количество программ культурных исследований неуклонно сокращается и интерес к ним, начиная с 2005 года, падает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскаков В. Е.* Спор продолжается. М.: Искусство, 1968.
- Баскаков В. Е.* Сражающийся экран: Современная идеологическая борьба и киноискусство. М.: Просвещение, 1984.
- Иванян Э. А.* Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М.: Международные отношения, 2007.
- Караганов А. В.* В спорах о кинематографе. М.: Искусство, 1977.
- Караганов А. В.* Киноискусство в борьбе идей. М.: Политиздат, 1974.
- Кукаркин А. В.* Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес М.: Политиздат, 1985.
- Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А.* «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023.

Сондерс Ф. С. ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны. М.: Кучково поле, 2013.

США 80-х: взгляд изнутри. Наследники Джозефа Маккарти / Под ред. С. М. Плеханова М.: Прогресс. 1984.

Усманова А. Р. Культурные исследования // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2001. С. 394–400.

ВОСПРИЯТИЕ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ДЖ. КЕННЕДИ НАМЕРЕНИЙ И ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКОЙ СТОРОНЫ В ПЕРИОД БЕРЛИНСКОГО КРИЗИСА 1961 г. (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ АРХИВОВ США)

Сергунин Александр Анатольевич

*Санкт-Петербургский государственный университет
sergunin60@mail.ru*

Аннотация. В статье изучаются факторы, повлиявшие на формирование представлений администрации Дж. Кеннеди о планах и действиях СССР в отношении берлинской проблемы. Рассматривается борьба между различными идеологическими группировками за влияние на президента, а также роль межведомственных противоречий в принятии решений по берлинскому вопросу. Дается оценка роли личных отношений между Дж. Кеннеди и Н. С. Хрущевым в формировании позиции США по берлинской проблеме.

Ключевые слова: Берлинский кризис, Дж. Кеннеди, Н. С. Хрущев.

JOHN F. KENNEDY ADMINISTRATION'S PERCEPTIONS OF THE SOVIET INTENTIONS AND ACTIONS DURING THE 1961 BERLIN CRISIS (ON THE BASIS OF THE ARCHIVES OF THE USA)

Sergunin Aleksandr Anatol'evich

St. Petersburg State University

Abstract. The article examines the factors that affected the Kennedy administration's perceptions of the USSR plans and actions with regard to the Berlin problem. The struggle between various ideological groupings for influence on the President, as well as the role of interdepartmental conflicts in decision-making on the Berlin crisis is studied. The role of personal relationships between

J. F. Kennedy and N. S. Khrushchev in shaping the US position on the Berlin problem is discussed.

Keywords: The Berlin crisis, John F. Kennedy, N. S. Khrushchev.

Введение

В данном исследовании ставится цель изучить процесс формирования представлений администрации Дж. Кеннеди о целях и политике СССР в отношении берлинского вопроса в 1961 г. Данное исследование опирается, прежде всего, на документальные источники из мемориальной Библиотеки Дж. Кеннеди (г. Бостон), Национального архива США и Архива национальной безопасности (оба — в Вашингтоне).

Ранний период (январь-май 1961 г.)

Восприятие Дж. Кеннеди берлинской проблемы имело идеологизированный характер еще со времен его пребывания в сенате США и избирательной кампании 1960 г. Не разбираясь в деталях этой проблемы, он априори воспринимал Западный Берлин как «остров свободы» посередине «океана тоталитаризма» и враждебно относился к любым предложениям Москвы по урегулированию этого вопроса [Schlesinger, 1965: 346–347].

Характерной особенностью принятия решений в администрации Дж. Кеннеди с самого начала стало выдвижение на первые роли аппарата Совета национальной безопасности (СНБ) и Белого дома, которые отодвинули в сторону другие ведомства — Государственный департамент, Министерство обороны и ЦРУ. Именно им Дж. Кеннеди больше всего доверял в вопросах внешней политики, включая берлинский вопрос.

В то же время эти сотрудники из ближайшего окружения президента обладали весьма поверхностными знаниями о сути берлинской проблемы и путях ее решения, что и сказывалось на качестве представляемых ими президенту рекомендаций. 23 февраля 1961 г. Дж. Кеннеди ознакомился и одобрил две аналитических записки аппарата СНБ — «Политические и военные аспекты берлинского кризиса» и «Позиция по Германии в связи с возможными переговорами четырех держав» [Rostow, 1972: 224]. В них ставился вопрос: нужно ли решать берлинскую проблему отдель-

но или сосредоточиться на урегулировании германского вопроса в целом. Поскольку у советников президента в тот момент не было определенной позиции по берлинской проблеме, было признано необходимым более тщательно изучить ее в контексте американской политики в рамках НАТО.

Несмотря на то, что Дж. Кеннеди находился под несомненным влиянием сотрудников аппарата СНБ и Белого дома по вопросу о Берлине, он все-таки не мог полностью игнорировать мнение других внешнеполитических органов. В то же время президент не желал передавать разработку своего берлинского курса в руки Госдепартамента. Он принял компромиссное решение, назначив главой консультативной группы по Берлину Д. Ачесона (госсекретарь при президенте Г. Трумэне), подчинив его непосредственно себе и обязав действовать от имени СНБ.

Д. Ачесон подготовил свой доклад к заседанию СНБ от 29 марта 1961 г. Он предложил целый комплекс мер военного характера, включая, в том числе, создание воздушного моста, переброску дополнительных сил в Западный Берлин в случае блокады его со стороны СССР и ГДР [NSC Action 2405, 1980: 1–3].

Доклад Д. Ачесона вызвал критику со стороны умеренно настроенных сотрудников аппарата СНБ и дипломатов, которые предлагали решать проблему путем переговоров с СССР и ГДР. Прежде всего, они не согласились с трактовкой Д. Ачесоном целей, которые преследовала Москва в случае с Берлином. Как указывал в своем меморандуме госсекретарю Д. Раску от 19 июня 1961 г. посол США в СССР Л. Томпсон, Н. С. Хрущев стремился, прежде всего, стабилизировать ситуацию в ГДР и добиться ее признания Западом. Что касается таких далеко идущих целей, как «политическое унижение» США и «раскол» НАТО, которые приписывались Москве американскими «ястребами», то посол считал их маловероятными [Llewellyn, 1961: 1]. Сотрудник аппарата СНБ У. Росту также полагал, что, если Москва и ставила перед собой такие цели, то лишь как второстепенные [Soviet Handling of the Berlin Problem, 1961: 9]. Его коллега М. Раскин вообще считал, что Западный Берлин не имеет особого стратегического значения для США и предлагал обменять его на Магдебург, входивший в ГДР [Marc Ruskin to McGeorge Bundy, 1961: 2–4]. То есть, эта группа сотрудников администрации явно была настроена на достижение сделки с СССР и ГДР.

В целом же из-за описанных выше разногласий между различными правительственными ведомствами у администрации Дж. Кеннеди в течение довольно долгого времени не было четкого представления о самой берлинской проблеме, ее месте в системе внешнеполитических приоритетов США, вариантах ее решения и позиции Москвы по этому вопросу.

Венский саммит (3–4 июня 1961 г.)

На этой встрече Н. С. Хрущев передал Дж. Кеннеди «памятную записку» по Западному Берлину, в которой он предлагал свое решение этой проблемы. Несмотря на то, что «записка» содержала вполне разумные предложения, на основе которых через 10 лет (в 1971 г.) будет подписано Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, инициатива советского лидера была весьма негативно воспринята президентом США. Этому есть несколько объяснений.

Во-первых, Дж. Кеннеди не был должным образом подготовлен к встрече с Н. С. Хрущевым. Он ожидал, что на Венском саммите главными темами будут подготовка договора о запрете ядерных испытаний в трех сферах и кризис в Лаосе [Beschloss, 1991: 211]. Видимо, его дезориентировали сотрудники аппарата СНБ и Белого дома, которые не дали дойти до президента целой серии справок Госдепартамента по берлинскому вопросу.

Во-вторых, Дж. Кеннеди воспринял «памятную записку» Н. С. Хрущева не как искреннее предложение по урегулированию сложной проблемы, а как ультиматум, к которому он не был готов и на который он среагировал весьма эмоционально [Salinger, 1966: 182]. Надо сказать, и манера Н. С. Хрущева общения с молодым американским президентом, которая характеризовалась то прессингом, то демонстративно снисходительным обращением, способствовала формированию у Дж. Кеннеди негативного впечатления о советском руководителе.

Наконец, в-третьих, еще одним фактором, повлиявшим на неадекватное восприятие Дж. Кеннеди инициативы Н. С. Хрущева, по мнению американских историков, были инъекции, которые президенту, с детства страдавшему от болей в позвоночнике, делал врач М. Джейкобсон. Уколы, содержавшие амфетамин, привели

к нестабильному психоэмоциональному состоянию Дж. Кеннеди в Вене [Lertzman and Birnes, 2013: 91–104].

Развитие кризиса и влияние межведомственной борьбы на позицию Дж. Кеннеди по берлинскому вопросу

Вернувшись в Вашингтон в весьма взвинченном состоянии, Дж. Кеннеди, с одной стороны, решил действовать по официальным каналам и потому поручил Госдепартаменту подготовить ответ на «записку» Н. С. Хрущева. С другой стороны, желая, наконец-то, определиться со своей позицией по Берлину, он реанимировал группу Д. Ачесона.

Последний подготовил доклад к заседанию СНБ 29 июня 1961 г. В дополнение к своим прежним рекомендациям он предложил объявить в стране чрезвычайное положение, призвать резервистов и направить в Германию дополнительные контингенты войск [NSC Action 2452, 1980].

Однако с резкой критикой доклада Д. Ачесона выступили аппарат СНБ и Белого дома. К ним присоединились те подразделения администрации, которые отвечали за оценку экономических аспектов военной политики США — Управление гражданской и военной мобилизации, Бюджетное бюро, Совет экономических консультантов, ибо они считали, что резкое наращивание военной мощи станет непосильным бременем для экономики США [Edward A. McDermott to Frank Cash, 1961].

6 июля 1961 г. А. Шлесинджер, консультант Госдепартамента А. Чейс и сотрудник аппарата СНБ К. Кейсен выразили президенту свою «коллективную озабоченность» тем, что «доклад Д. Ачесона предполагает формирование политики в ограниченных рамках и в потенциально опасном направлении» [Schlesinger, 1965: 385]. На следующий день А. Шлесинджер написал по этому поводу подробный меморандум, в котором не только указывал на недостатки рекомендаций Д. Ачесона, но и предупреждал президента о возможности нового фиаско, подобного тому, что было в Заливе свиней (вторжение наемников на Кубу в апреле 1961 г.), и вновь настаивал на переговорах с Москвой [Arthur Schlesinger to the President, 1961: 1–2]. Под влиянием докладных

записок своих помощников Дж. Кеннеди собрал 8 июля неформальное совещание высших руководителей администрации, на котором обязал их подготовить более умеренные рекомендации по берлинской проблеме [McGeorge Bundy to the Secretary of Defense, 1961].

Желая избавиться от влияния «ястребов», Дж. Кеннеди учредил новую Группу по разработке берлинской политики, куда включил в основном представителей умеренного «лагеря»; характерно, что Д. Ачесон не был включен в нее. Дж. Кеннеди собрал эту группу на неформальную встречу перед заседанием СНБ 19 июля 1961 г. Ему удалось убедить ее членов принять более умеренный вариант берлинской стратегии. В частности, было решено уменьшить заявку на увеличение военных расходов с 4,3 до 3,2 млрд. долларов и просить конгресс принять резолюцию о поддержке берлинской политики администрации (вместо введения чрезвычайного положения) [National Security Action Memorandum no. 62, 1961]. Последовавшее затем официальное заседание СНБ просто «проштамповало» принятое «берлинской группой» решение.

Параллельно, путем нехитрой интриги, сотрудники аппарата СНБ и Белого дома нейтрализовали своего основного конкурента в вопросах внешней политики — Госдепартамент. Они намеренно задержали подготовленный Госдепартаментом ответ на «записку» Н. С. Хрущева на полтора месяца и тем самым дискредитировали Фогги Боттом в глазах президента.

Результатом всех этих межведомственных противоречий стало то, что с конца июля 1961 г. Дж. Кеннеди практически не использовал СНБ как коллективный орган и Госдепартамент как главное внешнеполитическое ведомство США для принятия решений по берлинскому вопросу. Дальнейшая выработка берлинской политики администрации проходила в рамках неформальных структур и неизменно под жестким контролем аппарата СНБ и Белого дома.

При этом вся черновая работа была возложена на «рабочую группу по Берлину» — межведомственную структуру, включавшую в себя, в том числе, представителей Госдепартамента, Пентагона, ОКНШ, спецслужб, аппарата СНБ и возглавлявшуюся директором европейского бюро Госдепартамента Ф. Колером [Gelb, 1986: 126–127]. Ф. Колер был подчинен непосредственно

М. Банди и должен был отчитываться, прежде всего, перед ним. Это ставило чиновников из министерств и ведомств, входивших в группу, в весьма неловкое положение, ибо они оказывались в положении «слуги двух господ»: своего департамента и Белого дома.

Проблем с координацией берлинской политики добавила склонность Дж. Кеннеди к созданию, наряду с официальными, тайных каналов связи с советским руководством. Один канал был установлен еще в мае 1961 г. с помощью брата президента — Роберта, являвшегося министром юстиции, и заместителя главного редактора журнала «Советский Союз» Г. Н. Большакова, бывшего в действительности представителем ГРУ в США. По этому каналу Дж. Кеннеди и Н. С. Хрущев решали ряд деликатных вопросов в ходе берлинского кризиса [Beschloss, 1991: 287–288].

Другой секретный канал сообщения между Дж. Кеннеди и Н. С. Хрущевым был установлен в конце сентября 1961 г. через того же Г. Н. Большакова и пресс-секретаря Белого дома П. Элинджера. По этому каналу лидеры СССР и США вели личную переписку, в ходе которой они не только дискутировали по мировоззренческим вопросам, но и обсуждали берлинский кризис [Foreign Relations of the United States, 1993: 502–508, 567–580, 681–691].

* * *

Формирование представлений администрации Дж. Кеннеди о берлинской проблеме происходило в условиях, с одной стороны, идеологического прессинга антисоветских сил, а, с другой, ожесточенной межведомственной борьбы за влияние на президента. Ситуацию осложнял и тот факт, что личные отношения между Дж. Кеннеди и Н. С. Хрущевым складывались весьма непросто. В этих обстоятельствах Дж. Кеннеди было сложно принимать взвешенные решения, берлинская политика США часто становилась заложницей этих противоречивых процессов. Даже наличие тайного канала связи с советским лидером не смогло предотвратить нарастание Берлинского кризиса, достигшего своего апогея к октябрю 1961 г. И хотя этот кризис в конце концов удалось преодолеть (в том

числе при помощи секретных каналов связи между Белым домом и Кремлем), в целом враждебное отношение администрации Дж. Кеннеди к СССР осталось, и конфронтация двух сверхдержав продолжилась, приведя к самому опасному в истории советско-американских отношений кризису — Карибскому (1962 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Arthur Schlesinger to the President (memo). 1961. July 7. «Germany, Berlin, General». Box 81. National Security Files. John F. Kennedy Library, Dorchester, Mass.
Beschloss M. The Crisis Years. Kennedy and Khrushchev, 1961–1963. N. Y.: Harper Collings, 1991.

Edward A. McDermott to Frank Cash (memo). 1961. July 10. «Germany, Berlin, General». Box 81. National Security Files. John F. Kennedy Library, Dorchester, Mass.

Foreign Relations of the United States, Berlin Crisis, 1961–1963. Washington, 1993, Vol. 14.

Gelb N. The Berlin Wall, Kennedy, Khrushchev, and a Showdown in the Heart of Europe. N. Y.: Times Books, 1986.

Lertzman R. A., Birnes W. J. Dr. Feelgood: The Shocking Story of the Doctor Who May Have Changed History by Treating and Drugging JFK, Marilyn, Elvis, and Other Prominent Figures. N. Y.: Skyhorse Publishing, 2013.

Llewellyn E. Thompson to the Secretary of State (memo). 1961. June 19. Box 81. «Germany, Berlin, General» series, National Security Files. John F. Kennedy Library, Dorchester, Mass.

Marc Ruskin to McGeorge Bundy (memo). 1961. June 1. Box 81. “Germany, Berlin, General” series, National Security Files. John F. Kennedy Library, Dorchester, Mass.

McGeorge Bundy to the Secretary of Defense (memo). 1961. July 10. «Germany, Berlin, General». Box 81. National Security Files. John F. Kennedy Library, Dorchester, Mass.

National Security Action Memorandum. 1961. No. 62, July 24. National Security Council, Record Group 273. National Archives, Washington, DC.

NSC Action 2405 // Documents of the National Security Council, 1947–1977. Washington: University Publications of America, 1980. Reel 5.

NSC Action 2452 // Documents of the NSC, 1947–1977. Washington: University Publications of America, 1980. Reel 5.

Rostow W. The Diffusion of Power, 1957–1972. N. Y.: MacMillan, 1972.

Salinger P. With Kennedy. Garden City: Doubleday & Co., Inc., 1966.

Schlesinger, Jr. A. M. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston: Houghton Mifflin Co., 1965.

Soviet Handling of the Berlin Problem (memo) by Walt W. Rostow. 1961. June 21. Box 81, «Germany, Berlin, General» series, National Security Files. John F. Kennedy Library, Dorchester, Mass.

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ И СССР В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Быстрова Ирина Владимировна
Институт российской истории РАН
irin-bystrova1@mail.ru

Аннотация. В годы Холодной войны Франция стремилась стать посредником между СССР и Западом. Основой независимой позиции было, по мысли де Голля, ядерное оружие. В статье показаны тренды развития советско-французских отношений в 1958–1969 гг. Начальный период отмечен визитом Н. С. Хрущева во Францию и завершился «саммитом, которого не было» в мае 1960 г. Сближение в середине 1960-х отличалось развитием научного, военного, экономического сотрудничества и общности позиций стран по политическим вопросам. Де Голль считал отношения между Францией и «вечной Россией» особыми и развил концепцию «Европы от Атлантики до Урала».

Ключевые слова: ядерное оружие, советско-французские отношения, холодная война, посредник, «Европа от Атлантики до Урала».

CHARLES DE GAULLE AND THE USSR IN CONDITIONS OF THE COLD WAR

Bystrova Irina Vladimirovna
The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Abstract. In the years of the Cold War France wished to become mediator between the USSR and the West. According to the idea of De Gaulle the basis for independent position was nuclear weapons. The article shows the main trends of Soviet-French relations in 1958–1969. The initial period was marked by N. S. Khrushchev's visit to France and was terminated by «Summit which did not take place» in May 1960. In the mid- 1960s the rapprochement was characterized by development of scientific, military, economic cooperation, and common positions on political questions. De Gaulle considered relations between France and «Eternal Russia» to be special, and developed «from the Atlantics to the Urals» concept.

Keywords: nuclear weapons, Soviet-French relations, the Cold war, mediator, «Europe from the Atlantics to the Urals».

В условиях Холодной войны Франция стремилась стать посредником между СССР и Западом. В выступлении 7 апреля 1954 г.

Шарль де Голль выразил это так: «Если между Соединенными Штатами и Советским Союзом открывается возможность сосуществования, то на нас ложится обязанность сделать все, чтобы содействовать им в этом. Первой целью французской политики должно быть стремление найти почву для соглашения между двумя соперничающими блоками. Чтобы играть решающую роль посредника между двумя блоками, нужно... чтобы Франция существовала сама по себе, чтобы она имела свою систему обороны и свободно распоряжалась своими ресурсами и своими базами» [«От Атлантики до Урала», 2015: 62].

Будучи у власти во второй раз (1958–1969), де Голль смог реализовать свои идеи. Французский историк Г. Ж. Муллек писал: «наделенный полномочиями власти в соответствии с Конституцией Пятой республики, Шарль де Голль безошибочно оценивал высшие интересы государства, действуя ... во благо страны, что позволило Франции... обрести статус международной державы... в рамках западного мира, в котором с конца Второй мировой войны безраздельно господствовали США» [«От Атлантики до Урала», 2015: 5]. Отношения с «вечной Россией», которая «была сильнее любых теорий и любых режимов» (по терминологии де Голля) [De Gaulle, 1959: 61] носили особый характер.

Залогом независимого внешнеполитического курса стал военно-промышленный комплекс. В годы Холодной войны Франция приобрела способность производить автономно все виды вооружений, создать такие отрасли, как аэрокосмическая, сухопутная, военноморская, электронная и ядерная.

Начало атомной программе положил генерал де Голль, когда был у власти в первый раз (1944–1946). 18 октября 1945 г. он создал особый орган — Комиссариат по атомной энергии (КАЭ) (с небольшим отставанием от СССР, где Спецкомитет при Государственном комитете обороны был создан 20 августа 1945 г.). Возглавивший его Ф. Жолио-Кюри предлагал помощь советским ученым в решении атомной проблемы, противодействовал созданию атомной бомбы во Франции, которая в условиях Холодной войны могла быть использовано против СССР. В 1950 г. он был отстранен от руководства КАЭ.

После отставки де Голля в 1946 г. руководители IV Республики взяли курс на создание атомного оружия во Франции только

после 1954 г. — под влиянием поражений в войне в Индокитае, нежелания США оказать военную помощь Франции, а затем Суэцкого кризиса 1956 г.

С приходом де Голля к власти атомное оружие получило официальный статус: оно стало символом национальной независимости, о чем тот заявил на заседании Совета обороны 17 июня 1958 г. Были предприняты особые усилия по развитию центра ядерных испытаний в районе оазиса Регган в Алжире. Как и СССР в свое время, Франция стала «спринтером» в создании ядерного оружия.

После успешного испытания первой атомной бомбы 13 февраля 1960 г. («Синий тушканчик») и серии испытаний в Сахаре Франция, рассматривая ядерное оружие как гарантию независимости, не присоединилась к Договору 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в трех средах, подписанного США, СССР и Великобританией, и продолжила ядерные испытания.

По данным рассекреченных по запросу автора документов архива Министерства обороны Франции, французского института стратегических исследований, к концу 1963 г. атомные силы страны начали выходить на оперативный уровень, была утверждена программа второго поколения ядерных вооружений. 30 января 1964 г. был издан декрет о создании Управления ядерных экспериментальных центров. Франция нацелилась на создание ядерной триады (воздушных, наземных и военно-морских носителей ядерного оружия) к 1966–1967 гг. [Service historique de la defense, 1R61: 18].

Значительно возросший потенциал Франции позволил президенту играть более серьезную роль в мировой политике. Де Голль выдвинул концепцию «От Атлантики до Урала». В беседе с советским послом С. А. Виноградовым 16 октября 1962 г. он разъяснил свою позицию: «Франция хочет быть сильной лишь для того, чтобы она могла быть независимой и говорить с вами и США как равная с равными. Когда я говорил о Европе от Атлантики до Урала, то имел в виду создание единой большой Европы с Советским Союзом как европейской державой» [«От Атлантики до Урала», 2015: 168].

В сентябре 1959 г. состоялся визит во Францию президента США Д. Эйзенхауэра. Вторым лидером, которого пригласил де Голль, стал Н. С. Хрущев. Великолепным источником о его визите в 1960 г. являются мемуары де Голля: «По мере пребывания Хрущева атмо-

сфера в Париже значительно потеплела. К тому же сам Хрущев предпринял большие усилия в этом направлении. Приняв вид доброго малого, он приехал по-семейному, с женой, сыном, двумя дочерьми и зятем. Повсюду он появлялся пылким, живым и проворным... расточая улыбки и сердечность» [Де Голль, 1971: 198].

В ходе общения двум лидерам удалось установить личный контакт: «Темы наших разговоров и совещаний, которые мы проводили вместе с нашими министрами — Косыгиным и Громыко с его стороны, Дебре и Кув де Мюрвилем с моей, а также вместе с послами Виноградовым и Дежаном, не содержали ничего непредусмотренного, и, если в ходе переговоров выявились ...разногласия, они не привели к внезапным потрясениям. К тому же Хрущев, разговаривающий очень охотно, в процессе беседы чувствует себя непринужденно и свободно, особенно когда мы остаемся наедине... Сколь ни велика была разница в нашем происхождении, образовании, убеждениях, между нами установился реальный человеческий контакт» [Де Голль, 1971: 199].

Де Голль при этом твердо отстаивал независимую позицию своей страны: «Хрущеву, как и недавно Эйзенхауэру, я дал понять, что Франция не подчинится правилам их игры, что она хочет быть независимой и создаст сама в меру своих возможностей боевое ядерное оружие. Случилось так, что именно 1 апреля мы провели второе испытание атомной бомбы в Сахаре. Отчет о его полном успехе поступил ко мне в Рамбуи утром того же дня. Я сообщил об этом Никите Хрущеву... Он отвечает мне доброжелательно и очень по-человечески: “Спасибо за внимание! Я понимаю вашу радость. Мы испытывали в свое время то же самое”. ...спустя некоторое время добавил: “Но знаете ли, это ведь очень дорого!”» [Де Голль, 1971: 204].

Итоги визита обнадеживали: «К концу... переговоров советский премьер-министр с энтузиазмом заверяет меня, что будет присутствовать на совещании в верхах и целиком полагается на меня в вопросах места, времени и повестки дня заседания... Должен сказать, что он произвел на меня впечатление жизненной силой своей личности... Я думаю, что произошло нечто важное в вековых отношениях между Францией и Россией» [Де Голль, 1971: 206].

Главы «Большой четверки» договорились встретиться в Париже в мае 1960 г. для решения вопросов мирного урегулирования

и разоружения. Однако 1 мая 1960 г. над территорией СССР был сбит американский самолет-разведчик. По словам де Голля, «со стороны американской разведки это было абсурдное и тем более несвоевременное нарушение советского воздушного пространства», Госдепартамент заявил о «случайной ошибке воздушной навигации». Но, как писал де Голль, «Кремль решил придать этому инциденту драматические размеры и ...тем самым работа совещания была заранее сорвана» [Де Голль, 1971: 217]. На встрече в Париже 14 мая 1960 г. собрались Н. С. Хрущев (СССР), Д. Эйзенхауэр (США), Г. Макмиллан (Великобритания) и Ш. де Голль (Франция). Хрущев потребовал от Эйзенхауэра личного извинения за полет Г. Пауэрса над СССР. В итоге лидеры СССР и США обвинили друг друга в провале конференции. Так закончилась встреча, которую позже назвали «саммитом, которого не было».

Де Голль же сделал все возможное для предотвращения серьезного кризиса. Все участники обратились к президенту Франции с письмами, выразив «единодушную благодарность и похвалы»: «Я ... ощущаю за их словами — причем у всех — вздох облегчения в связи с тем, что мы вышли без катастрофы из опасного кризиса, и чувство удовлетворения, что после всего случившегося весьма важно уже то, что можно продолжать существование, пусть даже на условиях сохранения статус-кво» [Де Голль, 1971: 222].

Отношения между СССР и Францией вступили в полосу «похолодания», усилившуюся из-за позиции СССР по алжирскому вопросу. Советская пропаганда стала обвинять де Голля в «диктаторстве», возродился и обычный «антиимпериалистический» дискурс. Намечавшийся визит де Голля в Москву был отодвинут до периода после смены власти в СССР, когда Хрущев был заменен «коллективным руководством».

Даже в годы охлаждения культурные связи между странами оставались «оазисами разрядки». С 1957 г. культурные и научные связи между СССР и Францией осуществлялись на основе двусторонних годовичных и двухгодичных протоколов [«От Атлантики до Урала», 2015: 224]. Отчитываясь в 1963 г. об успехах советских артистов во Франции, гастролях французских исполнителей в СССР, Панорамном кинотеатре в Париже, где советские фильмы посмотрело 2 млн человек, советское посольство не преминуло отметить, что «французская сторона пытается повернуть эти связи в направ-

лении усиления проникновения в СССР буржуазной идеологии», «стремится увеличить число своих научных и технических миссий с целью изучения экономического потенциала нашей страны и успехов советской науки и техники». Эта оценка противоречила приводимым в том же документе цифрам: «в 1963 г. Францию посетило... свыше 150 советских делегаций. Для сравнения можно отметить, что в 1957 г. во Франции побывало лишь 28 делегаций. Число советских научно-технических делегаций, приезжающих во Францию, примерно в 2–2,5 раза превышает число французских делегаций, посещающих с теми же целями Советский Союз» [«От Атлантики до Урала», 2015: 225]. Было заключено торговое соглашение на 1960–1962 гг., соглашение об установлении прямого воздушного сообщения между Парижем и Москвой.

Новая полоса советско-французского сближения началась в 1964–1965 гг. В справке советского посольства во Франции от 24 февраля 1965 г. отмечалось: «прошедший год примечателен появлением новых тенденций в политике Франции» [«От Атлантики до Урала», 2015: 225]. Так, «контакты между двумя странами поднялись до правительственного уровня», Франция проявила интерес к развитию научно-технического и экономического сотрудничества, будучи единственной страной Запада, которая закупила ряд советских лицензий. Сотрудничество стало приобретать и политический характер. Как неоднократно подчеркивал в беседах с советским послом де Голль, сотрудничество Франции и Советского Союза в этой области важно не только с экономической, но и с политической точки зрения и имеет антиамериканскую направленность.

Наметилось сближение позиций СССР и Франции по международным вопросам (многосторонние ядерные силы, Вьетнамская проблема), в переговорах по разоружению и в германском вопросе. И де Голль, наконец, объявил советскому послу, что ответный визит в СССР является предрешенным вопросом, «связанным лишь с выбором надлежащего момента» [«От Атлантики до Урала», 2015: 248–253].

Проводя курс на самостоятельную военную политику, в 1966 г. Франция приняла решение о выходе из объединенного военного командования НАТО. Еще в 1959 г. де Голль настоял на выводе американских баз с ракетно-ядерным оружием с территории Франции.

Визит президента де Голля в Москву летом 1966 г. стал символом «разрядки». В ходе визита в СССР было объявлено о выходе Франции из военной организации НАТО. Обращаясь с балкона Моссовета к гражданам страны, которую он называл «Россия», де Голль провозгласил на русском языке: «Да здравствует Москва! Да здравствует Россия! Да здравствует дружба России и Франции!». Фотодокументы этого визита зафиксировали чрезвычайно теплый прием, оказанный французскому президенту. Толпы советских людей восторженно встречали гостя. Он посетил Москву, Новосибирск, космодром Байконур (секретная часть визита, впервые зарубежный лидер присутствовал при пуске советской ракеты), Киев, Ленинград, Волгоград (о котором сказал, что «в мировой и советской истории он всегда будет только Сталинградом») [Хромова, 2016: 36–37].

Во время визита были подписаны «Декларация разрядки», соглашение о сотрудничестве в освоении и изучении космоса, принято решение об установлении прямой телефонной связи между Кремлем и Елисейским дворцом. Начал создаваться новый механизм сотрудничества между странами с двух сторон Холодной войны. «Новым словом» стали договоренности по развитию, в том числе и военного сотрудничества между странами.

В условиях Холодной войны Франция при президенте Шарле де Голле, став ядерной державой, проводила самостоятельную линию в мировой политике, претендуя на роль посредника между двумя блоками. Несмотря на возникавшие противоречия, традиция «особых» дружественных отношений Франции и России, зачастую объединявшихся как противовес США и НАТО, оставалась фактором, влиявшим на реалии эпохи Холодной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Де Голль Ш. Мемуары надежд. Обновление 1958–1962. М.: Прогресс, 1971.
«От Атлантики до Урала»: Советско-французские отношения. 1956–1973 / Под ред. А. Артизова. М.: МФД, 2015.

Хромова Е. Б. Шарль де Голль в СССР: к юбилею визита 1966 г. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 3. С. 30–40.

De Gaulle Ch. Mémoires de Guerre. Le salut. Le rang. Le voyage du Général à Moscou. Decembre 1944. Paris: Plon. 1959.

Service historique de la défense. 1R61 : Dossier 2.

Раздел 2

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

ПЕРСОНАЖИ ФИЛЬМОВ О ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЕ НА КИНОАФИШАХ: ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Ромашин Матвей Игоревич

Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого

matvei.romashin@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен сравнительный анализ афиш кинофильмов о Вьетнамской войне, снятых в США, СССР, Вьетнаме, Германии с 1962 по 2022 г. Выявлены факторы отбора персонажей и сюжетов для изображений, определена их динамика во взаимосвязях с международной политической ситуацией и общественными настроениями рассмотренного периода.

Ключевые слова: афиша, военное кино, Вьетнамская война.

CHARACTERS FROM THE VIETNAM WAR MOVIES ON THE POSTERS: FRIENDS AND ENEMIES

Romashin Matvey Igorevich

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article provides a comparative analysis of Vietnam War movie posters from USA, USSR, Vietnam, Germany (1962–2022). The factors of selection of characters and plots for images are identified, their dynamics are determined in their relationships with the international political situation and public sentiments of the period under consideration.

Keywords: poster, war movie, Vietnam War.

Военное игровое кино и материалы его проката представляют интерес для исторического анализа: они не только содержат

отсылку к реальному событию прошлого, но и отвечают «определенной исторической ситуации с характерными для нее проблемами и моделями мышления и поведения» [Корте, 2018: 59]. Кинопроизведение отражает позицию автора — носителя тех или иных общественных настроений; вместе с тем, характер восприятия ленты зрителем и профессиональным сообществом является важным свидетельством динамики тех или иных социальных процессов и отношений. Отметим, что в этом контексте наиболее информативным источником о нормах, ценностях и стереотипах являются не «авторские» фильмы, но коммерческие продукты, ориентированные на запросы массовой культуры: заданные в них системы образов и символов имеют важное социальное и философское значение [Куренной, 2009: 11–12], поскольку порождая «коннотативные смыслы в фильмическом дискурсе», закрепляя их «в форме денотативных значений изображения», они конструируют и транслируют некое адресное послание [Соколов, 2008: 86], активно формирующее «исторические представления о конкретном событии, времени, эпохе» [Rosenstone, 1988: 1175].

Одна из ключевых характеристик изображения войны в экранных медиа — образы друзей и врагов [Колесникова, 2015; Сенявская, 2001; Рябов, 2021]. Это сущностная конвенция жанра, именно она во многом определяет его событийную и психологическую канву. В военных фильмах враг всегда присутствует — как обязательная антитеза «мы — они», «свои — чужие», как идеологема «инаковости», без которой нет войны, и нет движения сюжета в *combat movie*.

В кинематографическом процессе афиша служит прежде всего целям рекламы, она отражает как жанровую специфику фильма, так и его главную идею. Выбор сюжета(ов) и персонажа(ей), вынесенных на афишу, маркирует взаимоотношения и взаимосвязи в системе автор(ы) — кинотекст — зритель. Взаимодействие между ними невозможно без согласованного «кода», который, в свою очередь, есть не что иное, как «форма часто повторяемого социального события, с его характерными участниками и их намерениями» [Communication, 1988: 107, 183]. Фильмы о войне так же, как и любые другие, предлагают зрителю определенный диапазон изображений, персонажей и эмоций. Анализ их афиш в контексте исторического исследования — способ ответить на следующие вопросы:

- как меняются (и меняются ли) кинообразы «своих» и «чужих» в зависимости от отношения социума к событиям того или иного военного конфликта? можно ли проследить историческую динамику изображения?
- существуют ли взаимосвязи между историко-культурной ситуацией и тем, как выглядят друзья и враги на афишах военного кино?
- от каких факторов зависит выбор и характер изображения на афише?

Постараемся ответить на них на основе сравнительного анализа афиш и постеров фильмов о Вьетнамской войне, снятых в разных странах с 1962 по 2023 гг. В рамках данного текста эти понятия будем использовать как синонимичные, однако имеющие некоторые оттенки значения: афиша — объявление, анонс фильма; постер — плакат, реализующий не только рекламную, но и декоративную функцию.

Для анализа нами были отобраны 92 изображения к 25 фильмам, снятым в США, России, Северном и Южном Вьетнаме, Великобритании, Германии. Некоторые сложности анализа и допущения в его результатах возникли в связи с тем, что в ряде случаев имеющиеся ресурсы не позволили определить, *что* перед нами — афиша, постер или обложка DVD-диска. Мы постарались отфильтровать контент и не использовать визуальный материал в случаях сомнения, однако допускаем и ошибки. Еще одной трудностью оказалось определение времени создания плаката — далеко не всегда оно совпадает с моментом выхода фильма на экраны. Однако мы решили использовать и более поздние изображения, поскольку их анализ наглядно демонстрирует динамику отбора сюжетов и дизайна. Характеризуя выборку, также отметим достаточно большое разнообразие вариантов афиш и постеров к каждому фильму в 1960-х — 1990-х гг. и их значительное сокращение (до 1–2) с середины 1990-х гг., вызванное формированием промоушен-технологий киностудий. Учитывая, что Голливудом сняты почти 500 фильмов о Вьетнамской войне, большинство использованных материалов относятся к продукции США [Vietnam war, 1994].

Обнаружилось, что в абсолютном большинстве случаев для афиши или постера выбрано изображение главного положительного героя — крупный план кадра фильма. Таким образом зрите-

лю демонстрировался объект его будущего эмоционального сопереживания и сочувствия. Для европейского и азиатского кино-рынков этот принцип сохранялся: афиши на немецком, испанском, русском, китайском, турецком языках дублировали американские версии, хотя восприятие картин вряд ли было идентично внутренней ситуации США.

Среди проанализированных изображений нами обнаружено всего три примера, когда крупный план на афише — образ не друга, а врага. Наиболее очевидный из них — афиши к «Апокалипсису сегодня» Ф. Копполы (1979). Из 15 вариантов на 8 постерах изображен «главный злодей» картины — полковник Курц. Этот парадокс, вероятно, имеет маркетинговое объяснение: Марлон Брандо — наиболее именитый актер каста, его имя (во всех случаях крупно вынесенное на афишу) — залог интереса зрителя и успеха картины.

Два других случая более интересны. Первый — постер к фильму С. Кубрика «Цельнометаллическая оболочка» (1987), где изображен второстепенный и антагонистический персонаж — сержант Хартман. Это во многом символ картины — солдафон, превращающий живых людей в машины для убийства. Вероятно, решающим обстоятельством стала работа в фильме Ли Эрми — ветерана Вьетнама, инструктора по строевой подготовке новобранцев, которая стала неожиданной актерской удачей. Позднее отставной военный был произведен в звание комендор-сержанта — беспрецедентный случай в практике присвоения воинских званий за роль гротескного плана в антивоенном фильме.

Третий пример «врага» на афише — самый неоднозначный. Речь идет о западно-германском фильме «o.k.» (1970) режиссера Михаэля Ферхевена. Пятеро американских солдат задерживают вьетнамскую девушку, жестоко насилуют и убивают ее. На афише — один из них. Именно из-за этого фильма единственный раз в истории был сорван Берлинский фестиваль: после снятия «o.k.» с конкурса как «антиамериканского», разразился скандал, жюри вынужденно ушло в отставку. В 1971 г. фильм выдвигался на премию «Оскар», но не был допущен к номинации. Афиша олицетворяет страшную метафору фильма: улыбающийся человек в военной форме сидит верхом на буквах «o.k.» — все в порядке, обычный случай военного времени.

Как мы уже отмечали, достаточно часто на афише — портрет главного героя = ведущего актера. Нередко его имя набрано более крупным шрифтом, чем название фильма (Р. Де Ниро, С. Сталлоне, М. Брандо, Т. Хэнкс, М. Стрип), что соответствует «звездному» принципу кинопроизводства Голливуда. Интересный вариант, когда фигура основного персонажа на афише повторяется дважды или трижды: одинаковые по размеру изображения демонстрируют героя в разных ситуациях и психологических состояниях, подчеркивая многомерность и внутреннюю драматичность личности. Для *combat movie* этот прием весьма характерен: внешняя безжалостность супер-героя уравнивается мелодраматичностью отдельных поворотов сюжета. Но какая из ипостасей — человек или боевая машина — вынесена на первый план в афише, является выбором каждого конкретного случая (те и другие варианты существуют, например, в постерах франшизы «Рэмбо»).

Более редкий вариант афиши — коллаж из нескольких сцен (иногда в сочетании с крупным планом героя), как бы «визуальный конспект» всего фильма. В нашей выборке таких оказалось 21; шестнадцать из них — *не*-американские афиши (турецкие, китайские, российские) к голливудским фильмам, три относятся к фильмам, снятым во Вьетнаме, и две — в США. Возможно, это иллюстрирует сомнения прокатчиков в знакомстве зрителя со звездами американского кино. В итоге афиша отсылает к конвенции жанра, а не к узнаваемому облику актера. Отметим, что в этом варианте афиши, как правило, присутствуют сцены противостояния с врагом, но «чужие» всегда обезличены: мелкие фигуры не несут угрозы и не вызывают сочувствия, это «маленький» враг большого и значимого «своего». Этот аспект повторяет общую тенденцию самих фильмов: вплоть до конца 1980-х гг. в американских лентах вьетнамцы были изображены как «чужие», которыми можно пренебречь или коих стоит опасаться — без лиц, без имен, без языка и т.д. Позднее (рубежом стоит считать «Доброе утро, Вьетнам!» Б. Левинсона, 1987) вьетнамцы с афиш пропали вовсе.

На афишах вьетнамских фильмов ситуация прямо противоположная. Американцев на них нет, присутствуют только соотечественники, и очень сильно представлено женское начало: на всех пяти проанализированных афишах изображены героини фильмов

и подчеркнута скорее жертвенность, чем героизм народа Вьетнама в той войне.

Есть ли хронологическая динамика в отборе сюжетов для киноафиш? Да, но она не так ярко выражена, как в самих кинофильмах. В картинах акцент на боевые действия или человеческую драму менялся в зависимости от политического курса, патриотических или антивоенных настроений в США. Но на афишах подобная взаимосвязь оказалась не линейной и далеко не очевидной. Мы обнаружили всего пять примеров, когда изображение сконцентрировано, собственно, на *войне*, все они относятся к двум фильмам — «близнецам»: «Зеленые береты» Дж. Уэйна (1968) и «Мы были солдатами» Р. Уоллеса (2002). Не случайно и сами афиши похожи: более новая явно отсылает к предшественнице.

В скобках отметим еще один очевидный ремейк афиши — изображение Рэмбо на фоне рассвета и вертолетной атаки из «Апокалипсиса сегодня». Афиша явно обращена к стереотипам восприятия потенциального зрителя: «про Вьетнам».

Для большинства проанализированных нами военных фильмов на платформах указан дополнительный жанр — драма. Практически все афиши и постеры адресуют именно к этому аспекту: изображение посвящено не конкретному историческому событию, но общему противостоянию добра и зла — иногда внешнему («свои» и «чужие»), чаще — внутреннему, теме Человека на войне. Этот выбор характерен для всего рассмотренного периода — с 1960-х до 2020-х гг. Афиша оказалась гуманнее (или прагматичнее?), чем кино...

К середине 1990-х гг. из фильмов о Вьетнамской войне фактически ушли сюжеты, непосредственно связанные с показом боевых действий, все больше лент посвящены антивоенному движению, переменам в общественном настроении («Форрест Гамп» Р. Земекиса, 1994; «Три сезона» Т. Буи, 1999; «Секретное досье» С. Спилберга, 2017; «Суд над чикагской семеркой» А. Соркина, 2020 и др.). На афишах теперь вовсе нет «войны», однако сохранилась идея драматического противостояния положительных героев иному олицетворению зла — чиновникам, предвзятым судьям, людскому равнодушию и т. д. Герой совершает неординарный поступок не на поле боя, но по-прежнему в борьбе с врагом.

Особо скажем об афишах и постерах, на которых нет фигуры человека, а дано некое символическое изображение: «воздушная кавалерия» на фоне кроваво-красного рассвета («Апокалипсис сегодня»); каски с провокационными надписями «When I die Bury me Upside down So the world Can kiss my ass» («Взвод») и «Born to Kill» («Цельнометаллическая оболочка»); ряд патронов, где одно место занимает человеческий силуэт («Цельнометаллическая оболочка») и др. Таких примеров немало (мы обнаружили двенадцать), и это всегда фильмы антивоенного характера. Визуальная метафора обращена к экзистенциальным вопросам жизни и смерти.

Наконец, обратимся к изображениям, которые стоят особняком в корпусе проанализированных источников. Это авторские постеры, созданные значительно позже выхода фильмов в свет. Удалось обнаружить подобные работы к шести фильмам: «Охотник на оленей» (1978), «Апокалипсис сегодня» (1979), «Рэмбо: Первая кровь» (1982), «Взвод» (1986), «Цельнометаллическая оболочка» (1987), «Форрест Гамп» (1994). Имя художника или дизайнера не всегда удается определить, часто это продукт, созданный в пространстве фан-клуба фильма или актера. Но во всех случаях это изображение с высоким уровнем символизации и абстрагирования, не повторяющее кадры фильма, но привносящее в его понимание дополнительный смысл: прямая визуализация цитаты Курца из «Апокалипсиса» — «Я наблюдал, как улитка ползла по лезвию опасной бритвы...»; отпечаток босой ступни, соответствующий девизу «Беги, Форрест, беги!»; «Охотник» глазами оленя; профиль Рэмбо, «стекающий» по желобу окровавленного ножа и т.д., — все это примеры переосмысления давней войны в современной культуре, актуальности ее для сегодняшнего дня.

Подведем итоги. Афиши и постеры военного кино демонстрируют образы «своих» и «чужих» в исторической динамике и в зависимости от политического курса и настроений социума. Однако на протяжении рассмотренного периода они чаще анонсировали зрителю драматическую, а не событийную сторону *combat movie*, акцентировали внимание не на войне, а на Человеке. В 1960-е — 1980-е гг. это, как правило, супер-герой, совершающий подвиги с оружием в руках; позднее — неконформист и зачастую неконкомбатант, противостоящий войне как таковой. Образ врага на афишах представлен не часто, но, если это происходит, то

в большинстве случаев изображены массовые сцены, где «чужие» обезличены и служат фоном для презентации положительного героя.

Анализ продемонстрировал, что, помимо детерминации обстоятельствами конкретной историко-культурной ситуации, содержание и манера исполнения афиш тесно связаны с маркетинговыми условиями: составом актеров, местом проката, языком дубляжа и т.д. Таким образом, целый комплекс факторов определял, с какими персонажами фильма зритель познакомится до его начала, какого рода «послание» адресовано ему авторами фильма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Колесникова А. Г. «Бой после победы»: Образ врага в советском игровом кино периода холодной войны. М.: РГГУ, 2015.

Корте Г. Введение в системный киноанализ. М.: НИУ ВШЭ, 2018.

Куренной В. Философия фильма: упражнения в анализе. М.: НЛО, 2009.

Рябов О. В. Регуманизация «чужих»: эволюция репрезентаций «Врага номер один» в американском кинематографе Холодной войны // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 277–290.

Сенявская Е. С. Проблема «свой — чужой» в условиях войны и типология «образа Врага» // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Междунар. науч. конф. СПб.: Нестор, 2001. С. 13–15.

Communication and culture: An introduction / Ed. by G. Kress. Kensington: New South Wales Univ. press, 1988.

Rosenstone R. History in Images / History in Words: Reflections on the Possibility of Really Putting History onto Film // American Historical Review. 1988. Vol. 93. No 5. P. 1173–1185.

Vietnam war films: over 600 feature, made-for-TV, pilot, and short movies, 1939–1992, from the United States, Vietnam, France, Belgium, Australia, Hong Kong, South Africa, Great Britain, and other countries / Ed. by J.-J. Malo, T. Jefferson. N. C.: McFarland, 1994.

ОТТЕНКИ КРАСНОГО: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И КОММУНИСТИЧЕСКИЙ КИТАЙ В КЛАССИЧЕСКОЙ КИНОБОНДИАНЕ (1962–1974)

Осипов Сергей Викторович

*Ульяновский государственный технический университет
mail2mee@mail.ru*

Аннотация. Предметом исследования является динамика репрезентаций СССР и КНР в популярной медийной франшизе о Джеймсе Бонде

де (бондиане) в период с 1962 по 1974 гг. Отслеживаются насыщенность и особенности использования советской и китайской тематики на протяжении первых 12 лет существования кинофраншизы в контексте динамики трехсторонних отношений СССР — КНР — Запад.

Ключевые слова: Холодная война, бондиана, стереотипы, медийный образ, западный кинематограф, Иэн Флеминг.

SHADES OF RED: THE SOVIET UNION AND THE COMMUNIST CHINA IN CLASSIC BOND MOVIES (1962–1974)

Osipov Sergei Viktorovich
Ulyanovsk State Technical University

Abstract. The subject of the study is the dynamics of the representation of the USSR and Communist China in the popular media franchise about James Bond since 1962 to 1974. The saturation and features of the use of Soviet and Chinese themes are tracked during the first 12 years of the existence of the film franchise in the context of the dynamics of the trilateral relations USSR — PRC — West.

Keywords: Cold War, James Bond franchise, stereotypes, media image, Western cinema, Ian Fleming.

Применяемое к нынешнему противостоянию России и коллективного Запада понятие Холодная война 2.0 делает неизбежным обращение к исходной версии, Холодной войне 1.0, которая при всей общей конфронтационности была явлением сложным и неоднозначным; периоды напряженности чередовались с периодами разрядки, что означало понижение степени враждебности «чужого» и временный перевод его в категорию «другого» (как конкурента, соперника, но не экзистенциального противника). К примеру, политические реалии 1960-х гг. привели к тому, что на какое-то время и для СССР, и для США более опасным (т. к. менее предсказуемым) противником оказался коммунистический Китай, при том что идеологически КПК, безусловно, была ближе к советским идеалам, нежели «американский империализм». Различие между «другим» и «чужим» в данном случае может быть представлено как понимание (и отчасти принятие логики) действий «другого» и непонимание (и непринятие логики) действий «чужого». К примеру, СССР стремится к распространению

коммунизма, но высказанная председателем КПК Мао мысль о победе коммунизма через ядерную войну и гибель половины человечества неприемлема для советского руководства. Соперничество с «другим» ведется по известным правилам, соперничество с «чужим» по правилам невозможно, потому что стороны не понимают логики действий друг друга; «чужой» по большому счету непознаваем. При этом возможна как эволюция, так и «де-эволюция»: «чужой» может стать более понятным и предсказуемым «другим», но и «другой» может перейти в статус «чужого».

Формирование образа «другого», его стереотипизация всегда осуществлялись (в том числе) посредством массовой культуры. Ниже мы рассмотрим, как отразилось раздвоение коммунистического «другого» в популярнейшей западной кинофраншизе 1960-х гг., бондиане (т.е., серии полнометражных художественных фильмов по произведениям британского автора Иэна Флеминга).

Вселенная Бонда — это наш мир после Второй мировой войны; то есть фоном для художественного произведения стала политическая реальность биполярного мира. Таким образом, зритель получал систему образов, в целом соответствующую окружающей его действительности, но адаптированную к законам жанрового кино, которое в доступной и развлекательной форме подтверждало и закрепляло картину мира, изначально внушенную западному зрителю семьей, школой, СМИ и т.д.

Обратившись к классическим сюжетам бондианы 1960-х — начала 1970-х гг., где СССР и КНР присутствовали одновременно, отметим, что стремление к поддержанию внешнего реалистического контура в нарративе бондианы отражено даже в наименовании Китайской Народной Республики. Как известно, КНР возникла по итогам затяжной гражданской войны, закончившейся победой коммунистов на континенте и отступлением сторонников Гоминьдана на острова (в том числе на Тайвань). Для западного мира законным китайским правительством долгое время оставалось именно правительство Гоминьдана на Тайване, именно Тайваню принадлежало место в Совете Безопасности ООН. Соответственно, на протяжении первых фильмов бондианы упоминание материкового Китая происходит с неизбежным уточнением «красный Китай» (как отличие от не-красного гоминьдановского Китая). Однако в начале 1970-х гг. происходит нормализация отношений

материкового Китая с Западом, это приводит не только к исчезновению из лексикона бондианы выражения «красный Китай», но и к исчезновению КНР из сюжетных схем по причинам, которые будут указаны ниже.

Обратимся непосредственно к репрезентации Китая и китайцев в фильмах 1962–1974гг.: дебютный фильм бондианы «Доктор Но» (1962) во многом сформировал канон франшизы, в том числе канон злодея, которым в данном фильме является пресловутый доктор Но, сын китайки и немецкого миссионера. В оригинальном романе Флеминга (1958) доктор выполнял задания советской разведки, но в фильме эта связь отсутствует, доктор является первой инкарнацией типичного злодея кинобондианы (психически неуравновешенная личность, использующая реалии Холодной войны для обогащения/удовлетворения тщеславных амбиций). Что же делает доктора Но «чужим» в сюжетной конструкции бондианы? Представляется, именно вынесение доктором самого себя за пределы биполярного противостояния, т. к. СССР в классической кинобондиане — не «чужой», но «другой» (конкурент, уважаемый соперник, а иногда и партнер). Литературная основа бондианы распределяла роли иначе: СССР был именно Главным «чужим», а все прочие оппоненты Бонда (доктор Но, Голдфингер и др.) лишь выполняли злую волю «чужого». Этому есть очевидное объяснение: первые романы о Бонде были опубликованы в 1953–1954 г., то есть еще на ранней стадии Холодной войны, когда две противоборствующие системы испытывали друг друга на прочность самым непосредственным образом, а границы сфер влияния не были окончательными. Кинобондиана была запущена в производство в 1961 г., к этому времени многое изменилось: умер И. В. Сталин, закончилась Корейская война, сферы влияния были более-менее зафиксированы и т.д. Произошедшие перемены сказались и на творчестве Флеминга: в романе 1961 г. у Бонда появился новый враг, международная организация СПЕКТР, в кинобондиане же градус антисоветизма был понижен изначально.

Таким образом, само понятие двухполюсного мира делало СССР олицетворением некоей противоположной Западу системы, но именно системы, порядка, государственного/общественного устройства с четким набором ценностей и правил. При таком раскладе сил «чужим», то есть действительным врагом для обоих полюсов,

становится актор, пытающийся внести хаос в устоявшуюся систему, причем действует он, исходя не из каких-то принципов, а из примитивной материальной выгоды. Доктор Но в этом контексте — «чужой» дважды, во-первых, он полукровка, сын китайки и немца, обманувший китайских гангстеров и шантажирующий западное правительство (предатель по обеим линиям крови); во-вторых, доктор отвергает оба полюса, Восток, и Запад, следовательно, его аморальный эгоцентризм, лишенный этнической и идейной идентичности, представляет опасность для обеих систем.

Динамика международных отношений повлияла на сюжетные схемы бондианы — как литературной, так и кинематографической: СССР из «чужого» превращается в «другого». Та же самая динамика международных отношений передает роль «чужого» коммунистическому Китаю: со второй половины 1950-х гг. ухудшаются советско-китайские отношения, Мао обвиняет советское руководство в отходе от принципов марксизма-ленинизма, в 1958–1959 гг. КНР проводит крайне рискованную политику в отношении Тайваня и Тибета, а наличие атомной бомбы делает КНР опасным и непредсказуемым режимом и для СССР, и для США. Эта своего рода попытка нарушить установившийся биполярный баланс, создать третий полюс силы («концепция трех миров») через войну, хаос и разрушение вполне соотносима с действиями стандартного злодея бондианы; именно поэтому начиная с третьего фильма бондианы КНР предстает в качестве зловещей разрушительной силы, угрожающей не только «свободному миру», но и в меру цивилизованному Советскому блоку. Характеризуя флеминговский антикоммунизм, американский критик Р. Гранье писал: «Плохие парни в его триллерах всегда были представителями международного коммунизма и/или Советского Союза. Антикоммунизм Флеминга был примитивным, приписывающим русским такую необузданную и безграничную разрушительность, какой не может обладать ни один разумный противник» [Granier, 1981]. Ключевое слово в этом определении — «разрушительность»; русские являются врагами, так как они стремятся разрушить западную цивилизацию, утверждал Флеминг в начале 1950-х гг. Десятилетием позже советская внешнеполитическая доктрина подразумевает мирное сосуществование стран с разной общественной системой, а, значит, «неразумная разрушительность» не может быть поставлена СССР

в вину. Но лидеры коммунистического Китая допускают ядерную войну как средство достижения победы коммунизма; и вот перед нами истинный «чужой» для Западного мира.

В третьем фильме «Голдфингер» (1964) замещение ролей происходит четко и недвусмысленно: если литературный злодей Голдфингер пытался похитить золотой запас США по приказу из Москвы, то в фильме ему помогает целая команда китайских специалистов, выполняющих распоряжения из Пекина, смысл которых — проникнуть в Форт-Нокс и взорвать там ядерную бомбу. Радиация обесценит золотой запас США (и, соответственно, привязанный к нему курс доллара), создав экономический хаос. То, что цель китайской операции — создать хаос в американской экономике — проговаривается открыто. По сюжету фильма, КНР производит акт вооруженной агрессии на территории США, сопровождаемый убийством американских военнослужащих, а также акт ядерного терроризма; таким образом, «Голдфингер» устанавливает именно КНР как нового «чужого», враждебную жестокую силу, стремящуюся к нарушению установленного порядка. Красный Китай, как и доктор Но, «чужой» дважды, во-первых в дихотомии капитализм (свобода) — коммунизм (диктатура), во вторых, в дихотомии Европа — Азия; здесь китайские персонажи (да и собственно доктор Но) наследуют давним традициям изображения китайцев и азиатов вообще безжалостными убийцами (архетипический злодей доктор Фу Манчу, чье появление в массовой культуре начала XX в. исходило из распространенных предубеждений о «глубине развращенности китайской расы, настолько шокирующей и ужасной, что об их характере невозможно даже намекнуть» [Haddad, 2008]). В «Голдфингере» китайцы же олицетворяют страх белого человека перед бесчисленной азиатской ордой. Если советские противники Бонда — конкретные персонажи со своей индивидуальностью, то китайцы в «Голдфингере» — это десятки одинаково одетых людей, разговаривающих между собой на непонятном языке; они не то чтобы умны или храбры — скорее наоборот, — но многократный численный перевес позволяет им одолеть даже Джеймса Бонда.

Четвертый фильм бондианы «Шаровая молния» (1965) подтверждает тезис о деструктивной деятельности коммунистического Китая в Америке: в сцене заседания зловещей преступной

организации СПЕКТР как достижение преподносится распространение на территории США произведенных в Китае наркотиков.

В пятом фильме бондианы «Живешь только дважды» (1967) некая сила снова пытается столкнуть США и СССР: с околоземной орбиты исчезает американский пилотируемый корабль, и американцы обвиняют СССР. Затем исчезает советский космический корабль, следуют предсказуемые обвинения Москвы в адрес Вашингтона, и мир оказывается на грани ядерной войны. Злодейская роль Китая в похищении космических кораблей не проговаривается напрямую, по фильму разбросаны намеки и подсказки, которые в итоге, безусловно, указывают на КНР.

В 1971 г. была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций», согласно которой место постоянного члена в Совете безопасности перешло к материковому Китаю. В начале 1972 г. Президент США Р. Никсон посетил КНР, еще раньше завершилась острая фаза советско-китайского пограничного конфликта, пошла на спад «Культурная революция» в КНР.

Как упоминалось выше, бондиана своим широким сюжетным контуром должна была совпадать с реалиями современного мира, поэтому перемены в статусе КНР на международной арене не могли пройти бесследно. Китай более не мог играть в бондиане роль агрессивной безответственной силы, стремящейся к ниспровержению устоявшегося порядка.

В девятом фильме «Человек с золотым пистолетом» (1974) Бонду противостоит уже не государство, а наемный убийца-отшельник Скараманга, чья история довольно логично вписана в историю советско-китайских отношений: сын цирковых актеров был завербован КГБ и выполнял их задания на протяжении многих лет, однако в конце 1950-х гг. (период охлаждения советско-китайских отношений) ушел под китайское прикрытие: обитая на острове неподалеку от Гонконга, Скараманга время от времени совершал убийства в интересах правительства КНР. Когда Бонд пытается проникнуть на остров, то оказывается, что воздушное пространство над ним прикрывает ПВО НОАК. Скараманга — безусловный злодей-психопат, движимый тщеславием и жадой

наживы (что традиционно для злодеев бондианы). Мы снова видим, как тщательно авторы бондианы выстраивают соответствие вымышленных приключений Бонда с реалиями биполярного мира: именно во второй половине 1950-х гг. СССР переходит в статус «другого», статус «чужого» переходит к КНР, и, следовательно, безнравственный убийца-психопат не может по сюжету быть действующим советским агентом.

Итак, установленные параметры сюжета медийной франшизы требовали базовых совпадений с реалиями современного мира; исходя из этого, к началу 1960-х гг. СССР утратил роль агрессивно-разрушительного «чужого» в пользу коммунистического Китая; в начале 1970-х гг. перемены в международных отношениях сделали невозможным и представление КНР в этой роли. Применительно к приключенческому жанру одновременное присутствие двух «других» привело бы к избыточному отягощению сюжета, и после 1974 г. КНР надолго выбыл из кинобондианы, а СССР был довольно ярко представлен в фильмах 1977–1987 гг. именно в качестве Другого [см.: Осипов, 2016]. Окончание Холодной войны и распад СССР скорректировали общий нарратив бондианы и место в ней России, но эта тема находится уже за пределами временных рамок данного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Осипов С. В. «Мягкая сила» медийной франшизы: образ СССР в бондиане (1962–89 гг.) // Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России. Наследие прошлого и вызовы настоящего: Межвуз. Сб. научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2016. С. 34–62.

Осипов С. В. Образ России в бондиане постсоветской эпохи (1995–2015 гг.) // Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России. Традиции и революции: Межвуз. сб. научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2017. С. 43–63.

Осипов С. В. Меняющаяся Россия и меняющаяся бондиана: страна и люди в зеркале медийной франшизы (1962–2015 гг.) // Культура и искусство. 2018. № 6. С. 25–54.

Grenier R. Updating James Bond // Commentary Magazine. 1.06.81 <https://www.commentarymagazine.com/articles/updating-james-bond/> (date accessed: 27.08.2024).

Haddad J. R. The Romance of China: Excursions to China in U. S. Culture, 1776–1876. N. Y.: Columbia Univ. Press, 2008.

Stilwell B. The new Cold War has nothing to do with Russia — it's all China. <https://www.wearethemighty.com/news/chinas-new-cold-war?rebellitem=1#rebellitem1> (date accessed: 27.08.2024).

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ОБРАЗОВ В КИНЕМАТОГРАФЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Смирнов Дмитрий Григорьевич

Ивановский государственный университет

smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Статья представляет собой опыт анализа кинематографа периода Холодной войны через призму представления о семиотической динамике. Очерчено предметное пространство специальной теории семиодинамики. Зафиксированы типы семиодинамики в рамках кинодискурса. Рассмотрен заэкранный фактор семиодинамики в контексте теории конфликтного этоса. Определены базовые приемы «конструирования» семиодинамики в кинотексте. Сделан вывод об эвристичности семиодинамики для конструирования новых образов и соответствующей им этологии.

Ключевые слова: образ врага, «специальная теория семиодинамики», семиотическое отзеркаливание, семиотическое замещение, семиотическая редукция.

SEMIOTIC DYNAMICS OF IMAGES IN COLD WAR CINEMA

Smirnov Dmitry Grigor'evich

Ivanovo State University

Abstract. The article analyzes the Cold War cinema through the prism of the semiodynamics concept. The subject space of a special theory of semiotic dynamics is outlined. The types of semiodynamics within the framework of film discourse are recorded. The off-screen factor of semiotic dynamics is considered in the context of the conflict ethos theory. The basic techniques of «constructing» semiodynamics in a film text are defined. A conclusion is made about the heuristic nature of semiodynamics for constructing new images and ethology.

Keywords: enemy image, the «special theory of semiodynamics», semiotic mirroring, semiotic substitution, semiotic reduction.

Вместо Введения

Формирование нового мирового порядка и новой семиотической картины мира как означенной — воплощенной в метафорах, символах, образах — социокультурной реальности обуславливает актуальность возвращения к проблематике образов Холодной войны. (Сочетание «семиотическая картина мира» в определенном смыс-

ле рядоположен терминам «концептуальная картина мира» [Максимова, 2010] и «культурный код» [Савицкий, 2020: 41], однако выглядит более операциональным в контексте кинематографического дискурса, так как представляет не столько «систему информации об объектах, актуально и потенциально представленная в деятельности индивида» [Максимова, 2010: 387], сколько *определенную совокупность образов и символов, иногда объединенных в символичные комплексы, репрезентующую потребный этос* — модель поведения, которая способна вылиться в реальные формы.)

Собственно проблематика семиодинамики образов уже получила освещение в научной литературе, но с сугубо лингвистических позиций [Хахалова, 2023]. В более широком контексте семиотическая динамика образов может быть прослежена в рамках разных тезаурусов массовой культуры: плаката, карикатуры, обложек журналов, материалов газет, художественной литературы, комиксов, песенно-поэтического творчества, анекдотов, выставок. Отдельного внимания заслуживает, с нашей точки зрения, кинематограф. Именно в нем собственно динамика образа во времени прослеживается наиболее отчетливо. Цель статьи — категоризировать семиодинамику образа врага через призму кинематографа Холодной войны и зафиксировать базовые семиотические приемы семиодинамики в кинотексте.

Система референций

Наше предпосылочное знание выстраивается на пересечении концепций восприятия Эмиля Бенвениста и Михаила Бахтина, сравнительный анализ которых эвристично представлен в работе Каталин Кроо [Кроо, 2016: 161–163]. Статико-динамическая природа восприятия в данном контексте с учетом избранного кинематографического дискурса может быть зафиксирована следующим образом. Статическая компонента восприятия связана с устойчивостью значения образа, в то время как динамическая компонента связана с генезисом смысла, который этот образ генерирует. Концептуальная «выжимка» словами Бенвениста может быть выражена так: «семиотическое (знак) должно быть узнано, семантическое (речь) должно быть понято» [Бенвенист, 1974: 88]. При этом, если для него семиотическое уже, чем семантическое (мож-

но сказать — менее значимо в рамках языково-речевой парадигмы), то для нас *семиотическое* (знаковое) *первичнее семантического* (речевого) *в том смысле, что узнавание здесь во многом определяет понимание.*

Значимо здесь и обращение к концепции фрактальной семиотики, которая интерпретирует знак — с онтологической точки зрения — как что-то «постоянно изменяющееся, изоморфное означаемому» [Шаев, 2016: 209], а — с когнитивной точки зрения — как эмоциональное состояние, запоминание и динамику, связанную с навыком употребления. (Примечательно, что подобная динамика может «достигать» диаметрально противоположных значений. Так, например, произошло с метафорой «host», когда первое значение слова базируется на концептах «гость», «приятель», «свой», а второе значение связано с концептами «чужой», «враг», «война», причиной чему — многократное употребление данного знака с отсутствием эмпатии по отношению к его семантике [Хахалова, 2023: 3444]).

Таким образом, о семиодинамике образов можно говорить не в контексте учения о динамических аспектах теории знаковых систем, изучающего общие закономерности возникновения, развития и отмирания естественных систем в знаковом представлении (общая теория семиодинамики) [Баранцев, 1994], а, скорее, в контексте *концепции изменчивости знаков* (образов, метафор) *и динамики семиотических комплексов конкретной семиосферы*, массовой культуры.

Семиодинамика образов Холодной войны

Кинематограф как «оружие массового поражения» дает возможность стать не только свидетелями, но и участниками семиотических баталлий СССР и США. (Наше мини-исследование имеет выраженный крен в сторону анализа американских кинотекстов, обусловленный разнообразием источниковой базы.) Здесь представляет интерес не только противостояние персонифицированных образов, но и их динамика. Последняя может быть прослежена сразу в нескольких измерениях.

Классификация. В первом приближении можно условно говорить о римейк-семиодинамике, сиквел-семиодинамике и сингл-семиоди-

намике. Первая позволяет зафиксировать трансформацию образов от оригинала к ремейку: «Вторжение, США» (США, 1952 и 1985), «Манчжурский кандидат» (США, 1962 и 2004), «Агенты А. Н.К.Л.» (США, 1983 и 2015), «Красный рассвет» (США, 1984 и 2012). Вторая помогает увидеть изменения образов врагов в продолжениях киносаги: бондиана, (США — Великобритания, 1962–2020), история Джона Рембо (США, 1982–2019), операция «Резидент» (СССР, 1968–1986). Третья «отвечает» за динамику образов врагов в рамках одной кинокартины: «Железный занавес» (США — Канада, 1948), «Красный кошмар» (США, 1962), «Система безопасности» (США, 1964), «Русские идут! Русские идут!» (США, 1966), «Рокки IV» (США, 1985), «Прощай, Америка!» (СССР, 1951).

Заэкранный фактор. При анализе семиодинамики в первых двух случаях следует учитывать заэкранный фактор, то есть изменение расстановки сил и отношений между главными акторами Холодной войны: СССР и США. Целесообразно вести речь как минимум о трех конфликтных этосах [Bar-Tal, Sharvit, Halperin, Zafran, 2012], которые имели место как в реальной, так и в символической геополитике. Отношения между СССР и США — это динамическая система с тремя «точками равновесия», основания для фиксации которых можно усмотреть в «концепции сил» Дж. Ная. Две крайние точки могут быть выражены в терминах «сильный (конфликтный) этос» и «мягкий (конфликтный) этос». Этологическим медиатором выступает в данном случае «умный (конфликтный) этос». Сильный этос предполагает противостояние, заканчивающееся смертью (в том числе и символической) одного из оппонентов («Рэмбо II», «Рэмбо III»). Мягкий этос допускает временное конкурентное сосуществование («Агенты А. Н.К.Л.»). Умный этос представляет собой «призрачное», мимолетное состояние (между), характеризующееся диалогом, преодолением сильного конфликтного этоса. Система трех этосов отчетливо фиксируется в американском фильме «Система безопасности», где техническая ошибка ставит мир на грань ядерной войны, а лидеры противоборствующих держав договариваются ограничиться «малой кровью», уничтожив только две столицы и пощадив при этом остальные территории СССР и США. Здесь исходным оказывается мягкий конфликтный этос, который внезапно перетекает в сильный, а затем трансфор-

мируется в умный. Так, заэкранную динамику отношений СССР и США можно визуализировать через метафору замкнутого круга, чем-то напоминающего «колесо сансары».

Экранные факторы. Непосредственно в кинотексте семиодинамика реализовывалась с помощью целого ряда приемов.

Исходным приемом-фактором, запускающим семиодинамику, следует признать аффектизацию. Под последней мы предлагаем понимать ситуацию сильного эмоционального ответа адресата кинематографического сообщения. Эмоциональный ответ, в свою очередь, достигается порой за счет порой моментальной смены семиотической интенции, семиотической ситуации. Точнее — за счет смены концепта семиотической ситуации, ее системообразующего символического свойства. Это, например, превращение спортивного состязания в уличную драку («Рокки IV»), спасение цепляющегося за карниз американской церкви мальчугана («Русские идут!...»), рождение ребенка («Железный занавес»). Результатом такого семиотического поворота оказывается (в некоторых случаях временная) потеря «системной памяти» как памяти о прошлых состояниях системы — снятие установки на противостояние или, наоборот, принятие установки на конфликт.

Изменение «эмоционального фона» восприятия делает более эффективным использование «производных» приемов кинотекста: семиотического отзеркаливания, семиотического замещения и семиотической редукции.

Семиотическое отзеркаливание как прием имеет «онтологическое» основание во взаимной зеркальности противостояния СССР и США, которая проявляла себя, прежде всего, в идеологической плоскости. Семиотическая зеркальность — это бинарность образов, антагонистичных в плане целе-ценностном и поведенческом. Соответственно семиотическое отзеркаливание как прием предполагает ситуацию, при которой примеряются на себя существенные, противоречащие собственному мировоззрению и модели поведения, качества оппонента. Эта примерка неизбежно выливается в на первый взгляд спонтанное изменение поведенческой реакции. Так в уже упоминавшейся кинокартине «Система безопасности» американский капитан изменяет присяге (отказывается исполнять приказ президента США), мотивируя свой поступок патологической злобностью русских. Примеренная

на себя злобность в отношении идеологического противника раскрывает и другие «неамериканские» качества: малодушие и трусость. Так, образ капитана девальвируется, в ценностном отношении «падая» ниже образа русских. В советском фильме «Прощай, Америка!» молодая журналистка из Пенсильвании приезжает по направлению в американское посольство в Москве. Знакомство с жизнью простых советских тружеников (равно как и знакомство с журналистом Арманом Хауордом) постепенно формирует открытый, честный, бесстрашный, справедливый характер Анны Бэдфорд, который в итоге оказывается антагонистичен образу американских писак. Логичным следствием такой семиотической трансформации становится переход главной героини фильма на сторону Советов.

Более популярен другой прием — семиотическое замещение. В его основании лежит специфика кинематографического представления прошлого, когда берется знакомый зрителю образ, ценностное отношение к которому четко фиксировано, равно как и поведенческая реакция. Семиотическое замещение предполагает перенос образа врага (например, из прошлого) в актуальную ситуацию. Замена образа предполагает и смену поведенческой модели. Так, Джона Рембо постоянно преследуют страшные воспоминания о вьетнамском плене, и он замещает образ шерифа на образ пытавшего его вьетконговца, воюя против своих сограждан как против врагов («Рэмбо. Первая кровь»). Сюда же можно отнести сон главного героя киноленты «Красный кошмар» 1962 г., в котором образ коммунизма примеряется на провинциальный американский городок, обычную американскую семью. Очнувшись от кошмара, Джерри Donovan отвергает свою прежнюю нейтральную позицию в отношении борьбы с «коммунистическим порабощением Америки». Примечателен кейс замещения образа советского врага («Красный рассвет» 1984 г.) на образ северокорейского врага в фильме «Красный рассвет» 2012 г.

И, наконец, семиотическая редукция. Основания этого приема связаны с феноменом редукции (часто ассоциируемой с феноменологической парадигмой), под которой понимается многоступенчатая процедура «вынесения за скобки» психологических (идеологических) установок и теоретических (исторических) допущений. Семиотическая редукция в нашем контексте предполагает очище-

ние означающего от «несущественных» (исторических, идеологических и прочих) коннотаций, очищение означающего до уровня смысла, обнаружение общих, родовых признаков и смыслов. Так, в киноленте «Русские идут! Русские идут!» семиотическая редукция запускается эпизодом коллективного советско-американского спасения мальчика. Живая пирамида, которая предопределила успех спасательной операции, и коллективное действие очищают образы советских подводников и американских жителей в глазах друг друга. Их образы становятся равными, сливаются в образ Человека, свободного от идеологии взаимной ненависти. Системообразующим отношением между в недавнем прошлом врагами становится взаимовыручка. Другой пример — «Рокки IV». Метафора спортивного поединка как формы противостояния двух сверхдержав неожиданно превращается в метафору уличной драки. Дерутся просто люди, в нашем случае двое мужчин. Заслуживают в интересующем нас контексте слова Ивана Драго в финале боя о том, что он дерется за себя (а не за СССР, не за Политбюро...). Рокки Бальбоа, за которого в итоге болели практически все присутствовавшие на матче, хотя изначально поддерживали советского боксера, после победы фиксирует главный, с его точки зрения, исход поединка — «все могут измениться».

Вместо заключения

Анализ семиодинамики образа врага в контексте кинематографа периода Холодной войны позволяет сделать вывод о «тернарном языке описания» противостояния двух сверхдержав. Семиодинамика выступает основанием для фиксации «неисключенного третьего» конфликтного этоса, который мы предлагаем называть умным конфликтным этосом.

Результатом семиодинамики становятся образы, влекущие за собой новый семиозис и новую релевантную этологию (поведение). И семиотическое отзеркаливание, и семиотическая редукция демонстрируют отсутствие непреодолимой преграды между антагонистическими образами, возможность их семиотического пересечения и кинематографического воплощения. Семиотическое замещение демонстрирует возможность взаимозамены образов в рамках кинотекстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бенвенист Э. Семиология знака // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 69–89.

Кроо К. «Диалогичность» как семантическая и семиотическая динамика литературного текста: Семиотика литературы в контексте лингвистики и языковой коммуникации // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2016. No. 61. P. 159–190.

Максимова С. Е. Концептуальная картина мира как основа понимания смысла текста художественного произведения // *Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 2. С. 386–391.

Савицкий В. М. Этноспецифика культурных кодов // *Этническая культура*. 2020. № 3. С. 40–44.

Семиодинамика. Труды семинара / Под ред. Р. Г. Баранцева. СПб.: Изд-во Общества Ведической культуры, 1994.

Хахалова С. А. Семиодинамика метафоры (на материале медицинского английского языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. № 10. С. 3442–3448.

Шаев Ю. М. Фрактальная семиотика и вопросы методологии исследования виртуального пространства // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 2. С. 208–210.

Bar-Tal D., Sharvit K., Halperin E., Zafran A. Ethos of conflict: The concept and its measurement // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18 (1). P. 40–61.

Wilson E. J. Hard power, soft power, smart power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616 (1). P. 110–124.

ОБРАЗ АМЕРИКИ В КАРТИНЕ СЕРГЕЯ УРСУЛЯКА «РУССКИЙ РЕГТАЙМ» В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Пахомова Светлана Владимировна

*Московская высшая школа социальных и экономических наук
rada1982@yandex.ru*

Аннотация. Дебютная картина Сергея Урсуляка «Русский регтайм» (1993) о юном Мише Раевском, живущем в Жмеринке, но мечтающем о Нью-Йорке, не только попала в эмигрантские настроения 1990-х гг., но и предугадала волну ностальгии по советскому. Помимо полного набора клише об эмиграции из фильмов конца 1980–нач. 1990-х гг., «Русский регтайм» отсылает к советскому кинонаследию 1930-х годов,

когда на экране усердно формировался образ еврея как идеального ре-эмигранта в СССР.

Ключевые слова: еврейская эмиграция, российское кино, советское кино, образ Америки.

THE IMAGE OF AMERICA IN SERGEI URSULYAK'S FILM «RUSSIAN RAGTIME» IN THE CONTEXT OF THE REPRESENTATION OF JEWISH EMIGRATION IN SOVIET CINEMA

Pakhomova Svetlana Vladimirovna

The Moscow School of Social and Economic Sciences

Abstract. Sergei Ursulyak's debut film «Russian Ragtime» (1993) about the young Misha Rayevsky, who lives in Zhmerinka, but dreams of New York, not only got into the migrant mood of the 1990s, but also predicted a wave of nostalgia for the Soviet. In addition to a complete set of cliches about emigration from films of the late 1980s and early 1990s, «Russian Ragtime» refers to the Soviet film legacy of the 1930s, when the image of a Jew as an ideal re-emigrant to the USSR was diligently formed on the screen.

Keywords: Jewish emigration, Russian cinema, Soviet cinema, the image of America.

Фильм «Русский регтайм» 1993 г. — первая режиссерская работа Сергея Урсуляка. Фильм был преимущественно тепло встречен критиками. Картина оказалась в авангарде освоения бескрайнего поля ностальгии по советскому периоду, что позднее станет мейн-стримом. Сегодняшний российский кинематограф переполнен подобными примерами ностальгии и ретропии [Липовецкий, Михайлова, 2021], однако, некоторых кинокритиков насторожила эта тенденция напоминания о «славных семидесятых» и стремление обеспечить зрителям «дистиллированные позитивные эмоции» [Востриков, 2013]. На ностальгический тон настраивали и открывающие картину титры, созвучные текстам Светланы Бойм [Бойм, 1999].

РЕГТАЙМ (америк.) — джазовая мелодия, появившаяся в начале века. Вызывает у американцев ностальгические чувства о том времени, в котором не было насилия, СПИДа, инфляции, и в котором они, увы, никогда не жили.

РЕГТАЙМ (русс.) — песни семидесятых ВИА «Веселые ребята», «Цветы», «Самоцветы»... Остальное — по аналогии...

Николай Добрынин играет Мишу Раевского из Жмеринки, стереотипного провинциала из советских фильмов. В доме его дальнего родственника Семы собирается почти вся Жмеринка, чтобы послушать письмо сестры Семы, пришедшее из Америки. Письмо полно тоски по оставшейся дома родне, отчаяния от невозможности их снова увидеть или даже написать, так как когда-то Сема просил сестру прервать всякую связь с ним. Урсуляк пунктирно дает контекст еврейской эмиграции из СССР начала 1970-х гг. и государственного антисемитизма в «брежневском изводе».

Поводом для нарушения обещания стал вызов в Америку для Миши, о котором тот очень просил. С детства Миша мечтал об Америке. Его желание уехать выглядит подчеркнуто «истощенным, иррациональным» [Черненко, 2006: 288]. Олицетворением его «американомании» [Востриков, 2013] служит огромная карта Нью-Йорка 1936 г., по которой Миша с юных лет совершал воображаемые путешествия. Цикличность библейского времени и наложение сакральной топографии на реальные места проживания — это характерная особенность еврейского восприятия времени и пространства в прошлом и настоящем. Здесь же топография «Земли Израиля» заменяется топографией «ди голдене меди-не» — «золотой страны» из фантазий восточно-европейских евреев конца XIX — нач. XX вв. [Пахомова, 2017: 231].

Чтобы осуществить мечту, Миша отправляется в Москву для получения разрешения на выезд от бросившего его в детстве отца. Именно здесь в картине происходит первый сбой реальности. Прежде чем попасть в настоящую промозглую и неприветливую Москву, в воображении Миши разыгрывается сцена коллективного радушного приема Миши городом и его знаковыми сообществами: пионерами, студентами, ветеранами, хиппи и даже военными с милиционерами. Героя пестуют в столице не хуже темнокожего ребенка из финала «Цирка» 1936 г. (в фильме Г. Александрова происходило коллективное усыновление народом СССР отверженного Америкой незаконнорожденного сына героини Любови Орловой.) У Урсуляка в Москве 1977 г. забытый родителем Миша может купаться во всеобщей любви только в своих мечтах. Воображаемой оказывается не только Америка, но и Москва, что отсылает к концепции Юрия Слезкина о трех равнозначных направлениях еврейской миграции в XX в.: Палестине, Америке и крупных городах СССР [Слезкин, 2022: 265].

В реальной Москве Мишу совсем не ждут в семье его настоящего и этнически русского отца, директора крупного оборонного завода, в исполнении Владимира Меньшова. Его эмоциональная тирада по поводу просьбы Миши о разрешении на выезд напоминает истерику персонажа Меньшова из фильма «Курьер», где конфликт поколений прорывается в невинном эпизоде. Мишин папа воспроизводит весь набор эмигрантских страшилок, чтобы переубедить сына, но тщетно.

У «Русского регтайма» есть и документальная основа. Во-первых, это история 1977 г. про срывание советских флагов подвыпившими студентами, описанная в мемуарах Михаила Ширвиндта [Ширвиндт, 2018: 195–206]. В фильме Миша с двумя своими московскими друзьями тоже срывает флаг в годовщину Октябрьской революции. Его ловит милиция, однако сцена эта снята несколько гротескно. Мише перерезает путь целый взвод солдат, пригнанных как будто специально ради него, что подчеркивает субъективность восприятия происходящего героем.

Сначала Мишу избивают в милиции, а потом, в КГБ, вынуждают подписать лжесвидетельства на друзей о том, что срыв флага имел политический характер. В обмен обещают отправить Мишу в Америку без каких-либо бюрократических проволочек. Как замечает киновед М. Черненко: «Здесь происходит фрейдистская подмена — всемогущий КГБ выступает в роли отца, дающего разрешение» [Черненко, 2006: 289].

Эта американская линия отсылает к судьбе Иосифа Бродского — символа творческой эмиграции из СССР в США. Прежде всего это касается планов поэта выехать из СССР, женившись на иностранке [Морев, 2023: 92]. В «Русском регтайме» Миша по совету друзей тоже пытается познакомиться сначала с возрастной бельгийкой, потом с брутальной кубинкой, а затем с изящной польской балериной. Глеб Морев в книге «Поэт и царь» описывает страстное желание поэта иметь возможность свободного выезда [Морев, 2023: 91], а также «чудесное» выдворение поэта из СССР по израильскому вызову, который позволил ему в итоге оказаться в Америке [Морев, 2023: 106].

У ассоциации евреев с эмиграцией в российском кино есть предыстория. Советский экран 1920–1930-х гг. нередко обращался к теме профессиональной или политической иммиграции в СССР иностранных специалистов на фоне индустриализации,

однако, сюжет о возвращении в Советский Союз евреев, уехавших от царского антисемитизма и погромов, имел ряд важных преимуществ. Он позволял продемонстрировать прогресс советской страны во времени, одновременно обличая и ужасы дискриминационной политики царской России, и иллюзии о равноправии, финансовом благополучии и личной свободе в западных странах [Пахомова, 2021: 124].

В статье А. Олейникова «политика времени», «идея о несовместимости порядков прошлого и настоящего» показаны как функциональное политическое изобретение [Олейников, 2018: 17]. Власть претендует на монополию на настоящее, на право решать, что в это настоящее входит, а что должно быть из него изъято. Сознательное манипулирование временем, произвольное обращение с анахронизмами дезориентирует и подчиняет себе сознание граждан. Временная характеристика оказывается неразрывно связанной с территориальной.

В советских фильмах 1930–х гг. раздвоенность иностранного/местечкового субъекта может быть преодолена за счет его осознанного и искреннего усилия. Однако даже совершив это усилие, герой может продолжить оставаться носителем двойственности и следов его предыдущего, несоветского, опыта. Саша Сендерович в своей монографии «How the Soviet Jew Was Made» приводит примеры неустранимости признаков этого иного опыта, что свидетельствовало о незавершенности превращения героев в советских людей. Финализация подобной трансформации была доступна только тем, кто готов был отказаться от этнической индивидуальности и привычного места проживания в пределах бывшей черты еврейской оседлости [Senderovich, 2022: 76]. Если переносить эту концепцию на фильм Урсуляка, то получается, что Миша Раевский не смог полностью трансформироваться в американца, перестать быть советским евреем — он не принадлежит ни одному из миров в равной степени. В этом «Русский регтайм» созвучен большинству российских картин 1990-х гг. об эмиграции, представлявших за границу как царство мертвых [Добротворский, 2006].

* * *

Нейтан (Давид Гутман) из картины 1932 г. «Возвращение Нейтана Беккера» уехал из своего родного штетла в Америку 28 лет

назад. Там он стал каменщиком и строил небоскребы Нью-Йорка. Однако, когда с работой стало плохо, Нейтан решает вернуться домой с женой и другом, темнокожим каменщиком Джимом (тема борьбы евреев и афроамериканцев за свои права в Америке неоднократно возникает в советском кино). Дома Нейтана встречает его старый отец Цалэ (Соломон Михоэлс). После многозначительной панорамы полупустого штетла с неприкаянными ремесленниками в кадре возникает грузовик с девушкой-агитатором, призывающей евреев записываться на стройку новой фабрики. Хотя штетл располагается совсем рядом с будущей советской стройкой, создатели фильма максимально подчеркивают его изолированность и непохожесть на другие советские пространства, встречающиеся в фильме. Оказывается, что работы нет не только в Америке, но и в штетле, зато ее много в советском пространстве. Так изящно штетл, физически находящийся в СССР, перестает быть советским и как бы существует в условной загранице.

В начальных кадрах Цалэ показан глубоким стариком, но попав на строительство, он становится бодрее и проворнее собственного сына. То есть, вернувшийся из Америки Нейтан предстает этаким человеческой развалиной, а оставшийся дома в штетле отец после перемещения на советскую стройку как бы омолаживается. Этот эффект достигался, в том числе, и за счет выбора актеров. Соломон Михоэлс, игравший отца, был на 6 лет моложе Давида Гутмана, исполнявшего роль Нейтана.

Еще одна важная картина в контексте данного разговора — это «Горизонт» Льва Кулешова, который снимался в 1931–1932, но на экраны вышел только в начале 1933 г.

В 1930-е гг. «Межрабпомфильм» сосредоточилась на производстве фильмов на международную тематику [Громов, 1984: 256]. Кулешову как «знатоку» Америки, поручили картину на еврейском материале про ремесленника Леву Горизонта, страстно мечтающего об Америке в противоположность полному невзгод, унижений и погромного насилия существованию еврея в Российской империи накануне и во время Первой мировой войны. Однако Левино восхищение перед САСШ — Северо-Американскими Соединенными Штатами — скорее имеет иррациональный характер. Его убогая мастерская обвешана американскими плакатами, а вывеска претенциозно намекает, что данное конкретное пространство, занимаемое Горизонтом, находится будто вовсе не в Одессе, а в

Америке. Как тут не вспомнить карту Нью-Йорка, по которой с юного возраста Миша Раевский совершал свои воображаемые путешествия по стране своей мечты.

Как же Кулешов решает изобразить Америку, в которой никогда не был? Да просто как переехавший штетл. Пожилые евреи с пейсами наводняют улицы Нью-Йорка, а знаменитые небоскребы задрапированы развешенным на просушку бельем. Это важный мотив в советском кино 30-х гг., где утверждалось, что эмиграция евреев в другую страну приведет максимум к смене декораций, но никак не к кардинальному улучшению их правового или финансового благосостояния.

Показы «Горизонта» в Америке даже для лояльной рабочей аудитории провалились с треском [Громов, 1984: 257–258]. Кроме лобовых пропагандистских приемов фильма, это можно частично объяснить тем, что условный Запад был для Кулешова еще и способом абстрагироваться от конкретной советской действительности [Карташов, 2021: 90].

В финале Лева находит в Советской России свою настоящую родину. Мы видим его машинистом паровоза, человеком, полностью вписанным в новую реальность, он одет и говорит по-советски. Язык его тела меняется, сам он будто распрямляется, а вечно смущенное, искательное выражение лица исчезает. Вместо него герой демонстрирует плакатную улыбку человека 30-х гг. На станции Лева случайно встречает своего одесского соседа Мозера, который когда-то помог ему оказаться в Америке. Тот остался типичным местечковым евреем с мещанскими устремлениями. Бодрый Лева противопоставлен сгорбленному, подрывшему Мозеру. Горизонт уезжает на советском паровозе вдаль, в светлое будущее, а несчастный Мозер как постаревший двойник Горизонта остается один на перроне.

Американская исследовательница Гарриет Мурав использует следующий образ для описания советского еврея:

Выступая с речью в Варшаве в 1930 году, автор идишской прозы Д. Бергельсон сказал, что словесность СССР подобна симфоническому оркестру, играющему в вагоне экспресса. До тех, кто стоит на платформе, доносятся «оборванные незавершенные звуки», а поезд несется дальше, наवरстывая километры. В то время поезд часто выступал символом

прогресса, однако только Бергельсон ввел образ двойной перспективы с позиции тех, кто находится внутри и снаружи [Мурав, 2022: 9–10]

У картины Урсуляка два финала. Реальный, в котором вернувшийся уже в советскую Россию Миша замирает на улице перед витриной бара, в котором его ждут друзья. И воображаемый, где друзья заключают друг друга в объятия после долгого расставания. Здесь московские приятели остались юными, Миша же предстает немолодым мужчиной в очках и с бородой. Сергей Урсуляк в своем фильме не только одним из первых активизирует модус ностальгии в постсоветском кино, но и актуализирует смысловые решения советских кинематографистов 1930-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова // НЛО. 1999. № 39. <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecz-nostalgii.html> (дата обращения: 10.10.2024).

Востриков А. Славные семидесятые // Сеанс. 2013. 17 мая.

Громов Е. Лев Кулешов. М.: Искусство, 1984.

Добротворский С. Заграница, которую мы потеряли // Сеанс. 2006. 28 июня.

Карташов А. Открытие Америки с полным ее разоблачением. Лев Кулешов и США // Искусство кино. 2021. Вып. 7/8. С. 88–91.

Липовецкий М., Михайлова Т. «Больше, чем ностальгия» (Поздний социализм в телесериалах 2010-х годов) // НЛО. 2021/3. № 169. С. 127–147.

Морев Г. Поэт и царь: Из истории русской культурной мифологии (Мандельштам, Пастернак, Бродский). СПб.: Музей «Полторы комнаты» Иосифа Бродского, 2023.

Мурав Г. Музыка из уходящего поезда. Еврейская литература в послереволюционной России. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022.

Олейников А. А. Анахронизм и границы истории // ШАГИ/STEPS. 2018. Т. 4. № 3–4. С. 9–25.

Пахомова С. Еврейская эмиграция и советская пропаганда в фильмах 1920–1930-х годов // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. М. [б.и.], 2021. Вып. 21. С. 111–129.

Пахомова С. Эмиграция из России в США // Черта. К 100-летию отмены черты оседлости в Российской империи. М.: Издательская группа «Точка», 2017. С. 227–243.

Слезкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2022.

Черненко М. Красная звезда, желтая звезда: Кинематографическая история еврейства в России, 1919–1999. М.: Текст, 2006.

Ширвиндт М. Мемуары двоечника. М.: Издательство «Э», 2018.

Senderovich S. How the Soviet Jew was Made. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2022.

Раздел 3
ДИНАМИКА ОБРАЗОВ
В ВИЗУАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ
ЭПОХИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

АМЕРИКАНСКАЯ КАРИКАТУРИСТИКА
КАК ИНДИКАТОР РАЗРЯДКИ
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СССР И США
В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ⁵

Журавлева Виктория Ивановна

Российский государственный гуманитарный университет

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена zhuravlevavic@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает политическую карикатуру как индикатор климата советско-американских отношений в эпоху Холодной войны. Статья посвящена не константам, а переменным американского «имагологического уравнения». Последние находили свое выражение в расширении репертуара персонифицированных и коллективных образов, в сокращении числа антисоветских карикатур и в доброжелательном интересе карикатуристов двух стран к работам друг к друга.

Ключевые слова: Холодная война, советско-американские отношения, разрядка, политическая карикатура

AMERICAN CARTOON AS AN INDICATOR
OF THE US-USSR DÉTENTES DURING THE COLD WAR

Zhuravleva Victoria Ivanovna

Russian State University for the Humanities

Herzen University

Abstract. The author traces the role of political cartoon as a litmus test of the changing US-USSR relations during the Cold War. The article focuses not on the constants but on the variables in the American equation of perception.

---

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>

This process included expanding the repertoire of personalized and collective images, the decreasing number of anti-Soviet cartoons, and friendly mutual interest of both countries' cartoonists toward each other.

Keywords: the Cold War, Soviet-American relations, detente, political cartoons

Американские карикатуристы, подобно советским, неслучайно оказались на передовых пропагандистской Холодной войны как явления риторического и дискурсивного, поскольку в силу жанровых особенностей карикатуристика позволяла успешно реализовать основные функции образа врага, побуждая зрителей не только его бояться и ненавидеть, но и смеяться над ним. В своих рисунках художники конструировали образ противоположной сверхдержавы как «темного двойника» и способствовали укреплению коллективной идентичности своих сограждан.

На протяжении всей Холодной войны константами советско-американского «имагологического уравнения» были устойчивые антитезы романтического Своего и враждебного/демонического Другого, что становилось основным приемом формирования дихотомической картины мира и эссенциализации различий двух систем. В советском случае речь шла о послании равенства, справедливости и мира, в американском — свободы и демократии. При этом необходимо брать в расчет, что антитезы, использованные одной стороной, обращались в свою пользу другой, а обвинения против Себя — в критику Другого.

Данная статья посвящена не имагологическим константам в репрезентациях карикатуристов, о чем неоднократно писали исследователи [Журавлева, 2023; Foglesong, 2007; Ball, 2016], а переменным. Такой подход важен для понимания логики и динамики взаимовосприятия, поскольку он позволяет рассмотреть эволюцию взаимных репрезентаций в корреляции с изменением климата двусторонних отношений и представить карикатуру, оперативно реагирующую на внутривизуальную и международную повестки, как маркер визуальных разрядок. В качестве кейса выбрана американская карикатуристика.

* * *

В конце 1950-х гг. в условиях изменений, происходивших в СССР после осуждения культа личности И. В. Сталина, советских успехов в космосе и начавшихся культурных обменов в дву-

сторонних отношениях, в американской визуальной культуре происходило своеобразное «очеловечивание» образа Н. С. Хрущева, изображение которого на время потеряло свои демонические и анималистические характеристики. Пик данного процесса пришелся на визит советского лидера в США в 1959 г. Достаточно обратиться к обложкам журналов «Time» и «Life», чтобы проследить эту эволюцию.

Изображение советских космических успехов в связи с запуском «Спутника 1» в 1957 г. сопровождалось критикой в адрес администрации США из-за отставания в космической гонке. Например, Э. Валтман представил Н. С. Хрущева в облике «космического солнца», восходящего на глазах у изумленного Дяди Сэма⁶. В свою очередь, Б. Молдин изобразил советского лидера парящим над барьером «космическая гонка», подобно орлу, в то время как Дж. Кеннеди так и не смог взять высоту⁷.

Еще одним важным маркером первой «визуальной оттепели» стало временное смягчение облика советских Медведей. Теперь они представляли совсем не свирепыми и скалящими окровавленную пасть, а, например, опьяненными музыкой в исполнении Вана Клиберна, победившего в Москве на Первом конкурсе имени П. И. Чайковского. Не менее симптоматичным можно считать и тот факт, что подобное изображение появилось в консервативной южной газете «Fort Worth Star-Telegram»⁸.

В 1959 г. на фоне визита Н. С. Хрущева в США в редакцию журнала «Крокодил» был отправлен номер юмористической газеты «Маверик», которая начала издаваться в Чикаго. На ее обложке был изображен сам «Маверик», чокающийся с «Крокодилом», а на второй полосе помещена передовая статья, в которой говорилось: «Если мы, американцы, начнем смеяться русским шуткам, а русские — нашим, военные акции могут упасть так низко, что окажутся в подвале нью-йоркской биржи»⁹.

После визита Н. С. Хрущева редакция «Крокодила» обратилась к одному из самых известных американских карикатуристов вто-

---

⁶ *Valtman E.* The sunrise // Hartford Times. 1960. October 15

⁷ *Mauldin B.* “I am an eagle” // St. Louis Post-Dispatch. 1961. August 8

⁸ *Maples H.* Master bear charmer // Fort Worth Star-Telegram. 1959. January 22.

⁹ Крокодил. 1959. № 26. С. 4.

рой половины XX в. Г. Блоку с просьбой сделать для журнала рисунок по итогам посещения советским лидером Соединенных Штатов. В ответ художник предложил уже нарисованную ранее карикатуру, на которой были изображены улыбающиеся Д. Эйзенхауэр и Н. С. Хрущев. Они скрестили пальцы поднятых рук, дабы не сглазить потепление в двусторонних отношениях [Johnson, Katz, 2009: 125]¹⁰. «Крокодил» отказался опубликовать карикатуру, сославшись на то, что в Советском Союзе запрещено изображать генеральных секретарей в сатирической графике. Взамен Г. Блока попросили прислать что-то критическое о жизни в США, например, изображение городских трущоб или голодающих детей. По понятной причине тот отказался [Herblock, 1993: 251].

Разрядка международной напряженности конца 1960-х — 1970-х гг., пришедшая на смену Карибскому кризису 1962 г., который поставил мир на грань ядерного Армагеддона, нашла свое выражение в изображении переговоров о сокращении ядерных вооружений. При этом на фоне распространения в США протестной культуры и ревизионизма карикатуристы прорисовывали идею безответственности лидеров обеих сверхдержав, дававших лживые обещания о мире, но не желавших прекратить гонку ядерных вооружений. Так, например, на рисунке Э. Валтмана два голубя мира с оливковыми ветвями восседали на гнездах, свитых из оружия на вершинах советской и американской ядерных боеголовок¹¹.

Постепенный отказ от «холодной войны образов» в американской карикатуристике начался во второй половине 1980-х гг. Первым маркером наступавшего «визуального потепления» стало активное использование образа М. С. Горбачева для критики действий администрации Р. Рейгана и самого президента, как на карикатурах П. Олифанта, например¹².

В 1988 г. американские карикатуристы, такие как Т. От, начали изображать советского лидера в облике Солнца, под лучами которого таял снеговик «Холодная война». Они обращались к нравственно-этической антитезе Свет vs Тьма, хорошо знакомой ве-

---

¹⁰ Washington Post. 1959. September 15.

¹¹ Valtman E. No title // Hartford Times. 1975. October 3

¹² Oliphant P. 1987. June 25; 1988. January 13. Здесь и далее см. профиль карикатуриста на сайте: <https://www.gocomics.com>

рующим американцам и использовавшейся для изображения СССР как царства Тьмы, Зла и сатаны. Однако на этот раз советский лидер оказался на стороне Света, разгоняя тьму полицейских режимов в Восточной Европе¹³.

Но не все карикатуристы были настроены столь же оптимистично даже в связи с визитом Р. Рейгана в Москву 29 мая — 2 июня 1988 г. В итоге знакомые образы использовались для выражения страхов Холодной войны. Например, Д. Лочер изобразил Р. Рейгана и М. С. Горбачева людьми, продолжавшими воспринимать друг друга сквозь призму стереотипов. Первый видел второго в образе Дарта Вейдера — героя культового сериала «Звездные войны» (напомним, что он перешел на службу Темной стороны Силы, хотя в нем до конца не погибло Добро), а М. С. Горбачеву Р. Рейган представлялся в облике Рэмбо — героя нашумевшего антисоветского фильма¹⁴.

Вместе с тем именно приезд Р. Рейгана в Москву, его встречи с советскими людьми и возникшее между ним и советским лидером доверие стали реальным импульсом для романтизации образа последнего как человека, раздвигавшего «железный занавес», открывавшего СССР влиянию Запада на основе концепции «нового мышления» и объявившего о политике гласности и реформ внутри страны¹⁵. Именно в данном контексте образ Горбачева романтизировался.

Однако вскоре стало очевидно, что его успехи были связаны с международными отношениями, в то время как внутривнутриполитические реформы буксовали. На одной из своих карикатур Олифант отразил давние споры американцев о том, насколько русское общество готово пользоваться свободой и двинуться по пути обновления. Великовозрастный детина с бутылкой водки, олицетворяющий инфантилизм и пассивность русского народа, цепляясь за юбку дородной Матушки-России, восклицал: «Пожалуйста, папа-Горбачев. Я еще слишком молод, чтобы двигаться самостоятельно. Ты сам говорил, что я безынициативный. Кто за мной присмотрит. Я буду страдать»¹⁶. Параллельно амери-

¹³ Philadelphia Inquirer. 1988. May 25, December 11.

¹⁴ Chicago Daily Tribune. 1988. May 31.

¹⁵ Seavey D. Gorbachev // USA Today. 1988. November 14.

¹⁶ Oliphant P. [Mother Russia and Poppa Gorbachev]. 1988. June 27.

канские карикатуристы активно использовали «медвежью метафору» для презентации советской бюрократии, не желавшей уходить с дороги реформ, а также русского народа, не готового принимать в них участие. Этого инертного, упрямого, плохо поддающегося дрессировке зверя Горбачев безуспешно пытался приручить на арене советского цирка¹⁷.

Открытие первого американского ресторана быстрого питания «Макдоналдс» в Москве символизировало интеграцию СССР в глобальную массовую потребительскую культуру, американскую по своей сути. Карикатурист газеты «The Pittsburg Press» Р. Роджерс нарисовал М. С. Горбачева на фоне портретов Маркса, Ленина и Роналда Макдоналда — клоуна, ставшего маскотом компании «Макдоналдс»¹⁸. Карикатура демонстрировала парадоксы деятельности М. С. Горбачева, пытавшегося сохранить социализм, марксистско-ленинскую идеологию и партийную номенклатуру, открыв при этом Советский Союз влиянию Запада.

Итог внутренней хаотичной политики Горбачева в репрезентациях американских карикатуристов выглядел следующим образом: «“демократия по-русски», как на карикатурах Блока и Дж. Макнелли, высмеивавших безальтернативные выборы первого и единственного Президента СССР¹⁹, представленный П. Олифантом «темный советский люд», ностальгировавший по сталинским временам и голодавший в условиях тотального дефицита²⁰; развал СССР, изображавшийся с использованием «метафоры похорон», как, например, на карикатурах Э. Валтмана и Т. Ота²¹.

---

¹⁷ *Oliphant P.* 1988, October 7; 1989, January 12, June 29.

¹⁸ Перепечатано в: *New York Times.* 1990. February 4.

¹⁹ *Block H.* The triumph of glasnost // *Washington Post.* 1990, July 5; *MacNelly J.* Democracy comes to the Soviet Union // *Chicago Daily Tribune.* 1990. March.

²⁰ *Oliphant P.* «Those were the days! Joe Stalin — there was a leader, by God!». 1990. December 26, <https://www.gocomics.com/patoliphant/1990/12/26>; *Oliphant P.* Wait till we get a free market economy! 1990. September 27, <https://www.gocomics.com/patoliphant/1990/09/27>.

²¹ *Valtman E.* «I can't believe my eyes!». September 20, 1991 // *Valtman: The Editorial Cartoons of Edmund S. Valtman; Auth T. [No title] // Philadelphia Inquirer.* Перепечатано в: *New York Times.* 1991. December 15.

Диссонанс в изображении Горбачева как международного триумфатора, завершившего Холодную войну, и непоследовательного внутривнутриполитического реформатора, пытавшегося затормозить выход прибалтийских республик из Советского Союза, сохранявшего приверженность советскому гегемонизму, партийной идеологии и номенклатуре, стал устойчивым трендом в визуальных репрезентациях советского лидера к началу 1990-х гг.

Параллельно вследствие происходившей «визуальной перестройки» набирали обороты обмены между сатириками и юмористами двух стран. Этот процесс стартовал благодаря настойчивости Дж. Борена, президента американской Международной ассоциации профессиональных бюрократов (юмористическое название). Во время своего визита в СССР в 1985 г. он посетил редакцию журнала «Крокодил» и сумел договориться о регулярных обменах делегациями сатириков и юмористов СССР и США, мечтая заменить взрывную силу бомб на взрывную силу смеха. В итоге в 1987–1990 гг. «веселые команды» двух сверхдержав совершали заокеанские путешествия, будучи уверены в том, что один юморист способен сделать больше, чем десять политиков в условиях, когда необходимо отправить на свалку истории взаимные мифы и стереотипы времен Холодной войны²².

Следствием масштабных обменов между карикатуристами двух стран стало издание в США альбома «Советский юмор», куда вошли лучшие рисунки из журнала «Крокодил»²³. Предисловие к нему написал Ч. Соломон, обозреватель газеты «Los Angeles Times», историк, журналист и большой знаток карикатуры и мультипликации. Экземпляр этой книги Дж. Борен через своего двоюродного брата-сенатора передал Дж. Бушу-ст. В ответ в ноябре 1989 г. тот отправил дарителю благодарственное письмо, в котором содержались следующие слова: «Я приветствую Ваши усилия по внедрению смеха, юмора и доброй воли в отношения между

---

²² Отчеты об обмене делегациями см.: Крокодил. 1987. № 17. С. 8–9, 16; № 18. С. 8–9, 16; 1988. № 23. С. 13–16; 1990. № 8. С. 13; 1991. № 8. С. 13; Mills M. “Did You Hear the One About the Soviet ?” // Los Angeles Times. 1987. April 2; Koh B. Soviet, U. S. Panelists Trade Gags in Summit Talks on Political Wit // Los Angeles Times. 1989. October 15.

²³ Soviet Humor: The Best of *Krokodil*. 1989. New York.

Соединенными Штатами и Советским Союзом. <...> Если мы можем смеяться вместе, то, безусловно, сможем вместе решить и самые сложные проблемы»²⁴.

* * *

Во второй половине 1991 г. в США на фоне очередного «крестового похода» за реформирование России возшла звезда Б. Н. Ельцина. Именно с его приходом к власти и распадом СССР «визуальная перестройка» обрела в американской карикатуристике подлинный размах и вступила в свою завершающую фазу. Это нашло отражение в романтизации не только образа нового российского лидера, но и образа народа, который, как казалось заокеанским наблюдателям, успешно двигался по пути демократизации, ведомый российскими либералами. И, конечно, как и в прошлом, ожидал помощи из США. В «эпоху Горбачева» же этого еще не произошло, несмотря на снижения накала антисоветской критики, а также беспрецедентные по своему размаху обмена между юмористами и сатириками двух стран. Увлечение М. С. Горбачевым переросло к началу 1990-х гг. в разочарование из-за его неспособности отказаться от наследия прошлого и получить поддержку внутри страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Журавлева В. И. «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 10. <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/> (дата обращения: 10.10.2024).

Ball A. Liberty's Tears. Soviet Portraits of the «American Way of Life» during the Cold War. N. Y., Oxford University Press, 2016.

Foglesong D. S. The American Mission and the «Evil Empire». The Crusade for a «Free Russia» since 1881. N. Y., Cambridge Univ. Press, Cambridge, 2007.

Herblock A Cartoonist's Life. Self-portrait and Views of Washington from Roosevelt to Clinton. N. Y.: Macmillan Pub., 1993.

Johanson H., Katz H. Herblock. The Life and the Work of the Great Political Cartoonist. N. Y: Herb Block Foundation, 2009.

Valtman: The Editorial Cartoons of Edmund S. Valtman. 1961–1991. Baltimore: Esto, 1991.

---

²⁴ Джордж Буш: «Мы можем смеяться вместе» // Крокодил. 1990. № 2. С. 3.

ЯДЕРНАЯ УГРОЗА В ПЛАКАТЕ СССР И США: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА²⁵

Просолова Екатерина Викторовна

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского /

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

katerina.prosolova@mail.ru

Аннотация. Образ ядерной угрозы нашел свое воплощение в разных видах массовой культуры XX в., в том числе в плакате — одном из наиболее важных инструментов пропаганды. Статья посвящена анализу репрезентации данного образа в советских и американских плакатах эпохи Холодной войны. Характеризуется эволюция данной темы в плакатном искусстве в период с 1946 по 1991 гг., выявляются сходства и отличия в ее визуальном отражении, нарративах, приемах изображения, а также символике. На основании проведенного исследования делается вывод о разных приемах и сюжетах в плакатах СССР и США, но сходной символике, использовавшейся для репрезентации ядерной угрозы.

Ключевые слова: плакат, ядерное оружие, Холодная война, ядерная угроза, образ врага.

NUCLEAR THREAT IN THE USSR AND USA POSTER: AN EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

Prosolova Ekaterina Viktorovna

V.I. Vernadskiy Crimean Federal University

Herzen University

Abstract. The image of the nuclear threat found its embodiment in various types of mass culture of the 20th century, including the poster, one of the most important propaganda tools. The paper is devoted to the analysis of the representation of this image in Soviet and American posters of the Cold War era. The evolution of this theme in poster art from 1946 to 1991 is examined, similarities and differences in its visual reflection, narratives, image techniques, and symbolism are revealed. The author concludes that the posters of the USSR and the USA used different techniques and plots, but similar symbols to denote the nuclear threat.

Keywords: poster, nuclear weapons, Cold War, nuclear threat, enemy image.

---

²⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

XX век стал временем возникновения нового типа оружия — оружия массового поражения, потрясшего человечество своей мощью. Его восприятие было разным и менялось от десятилетия к десятилетию. Однако ядерная угроза — магистральная тема, которая пронизывает всю массовую культуру второй половины XX в. Она находит отражение в кино, музыке, литературе, изобразительном искусстве, включая плакатное искусство. Репрезентация ядерной угрозы представляется крайне интересной еще и потому, что она тесно связана с образом врага. В соответствии с этим целью данного исследования является сравнительный анализ визуальных репрезентаций ядерной угрозы в советских и американских плакатах и их влияние на формирование и деконструкцию образа врага в период Холодной войны.

Плакатное искусство выступало важным средством идеологической борьбы. Этому способствовали преимущества плакатной продукции: высокая степень доступности, возможность быстрого создания и широкого распространения. Достоинством плакатов также является их простота и наглядность, способность к созданию ярких, запоминающихся и эмоциональных образов за счет сочетания визуального компонента и короткого, емкого текста. Активное использование плакатов в качестве средства формирования образов «своего» и «чужого», а также закрепления стереотипных представлений о враге было свойственно всему периоду Холодной войны, чему посвящено немало исследований отечественных [Бабурина, Вашик, 2004; Михайлин и др., 2013; Федосов, 2019] и иностранных авторов [Bonnell, 1997; Crowley, 2008].

Образы, воспроизводимые на американских и советских плакатах, в том числе в контексте ядерной угрозы, имеют важное значение для изучения идеологического противостояния СССР и США эпохи Холодной войны. Однако их сравнительный анализ невозможен без учета институциональных особенностей систем контроля над плакатным искусством. Это первое и одно из наиболее важных отличий, в значительной степени оказывающих влияние на сюжеты и темы плакатов СССР и США. Полное подчинение сферы культуры государству в СССР диктовало жесткую систему контроля, которая представляла собой сложную и разветвленную модель. С одной стороны, это способствовало консолидации усилий, направленных на создание узнаваемого и понятного образа врага

и использование схожих, непротиворечащих друг другу нарративов, с другой же — мешало творческому поиску и появлению новых оригинальных решений. В США, напротив, темы и сюжеты плакатов, как и визуальные образы, отличаются разнообразием, поскольку они создавались различными организациями и учреждениями. Тем не менее, как в СССР, так и в США образ ядерного оружия в плакатном искусстве эволюционировал в течение десятилетий под влиянием событий на мировой арене, гонки вооружений и общественных настроений.

На первых этапах Холодной войны на политических плакатах СССР атомная бомба занимала вспомогательное место. В визуальной репрезентации она в буквальном смысле выступала оружием в руках империалистов, как, например, на плакатах В. Говоркова «Не балуй!» (1948) и В. Корецкого «Мир победит!», «Крепи трудом мощь нашей страны в ответ зачинщикам новой войны!», «Мы требуем мира!» (1950) или в качестве дополнения к общей композиции (как на плакате В. Брискина 1949 г. «Прочь с дороги, поджигатели войны!», где «поджигатели» изображаются под пиратским флагом со скрещенными атомными бомбами). Однако уже к 1950-м гг. на антивоенных плакатах ядерное оружие становится одним из центральных образов. Появляются и новые сюжетные комбинации: антиамериканская направленность сочетается с темой «мирного атома» (В. Брискин, К. Иванов «Атомная энергия — делу мира!», 1954), что обуславливает использование разнообразных визуальных символов. Кроме того, к 1960-м гг. еще одним символом угрозы в плакате СССР становится межконтинентальная баллистическая ракета.

В американском плакате прослеживается иная специфика репрезентации темы ядерной угрозы. В период конца 1940-х — 1950-х гг. изображение ядерного взрыва присутствует не только на политических, но и на рекламных плакатах, как, например, на плакате, рекламирующем сирену «Federal “Q” Siren» («Here Comes the Chief...»), 1952). При этом на примере данного плаката можно заметить, что этот образ используется в ироничном контексте, что было невозможно для плакатного искусства СССР.

На протяжении последующих десятилетий в связи с войной во Вьетнаме в США появилось множество плакатов протеста, в которых образ бомбы репрезентировался как образ разрушения

и смерти. Однако временем расцвета политических плакатов на антивоенную тематику, в которых образ ядерной угрозы визуализируется максимально ярко, становятся восьмидесятые годы («Artists Against Nuclear Madness Present, Dangerous Works, skull and crossbones», 1982, Prevent World War III ..., 1980-е гг.). Первоочередная причина акцентуации на данной теме связана с очередным витком Холодной войны: программой СОИ и заявлениями Р. Рейгана о возобновлении в США производства нейтронных боеприпасов в 1981 г., а также проведением учений в обеих странах. Следует учитывать и растущую популярность экологического движения, в рамках которого подчеркивалась исходящая опасность использования ядерной энергии [Gallo, 2002: 307].

Для советского плакатного искусства 1980-е гг. также выступают одним из наиболее насыщенных периодов. Это достигается за счет демонстрации возможных последствий ядерной катастрофы через использование образов детей и женщин (В. Пономарева, «Нейтронную бомбу характеризуют как бомбу, которая убивает людей, но щадит материальные ценности», 1985), груды костей, уничтоженного мира (Г. Доленджашвили, «Мир создавался веками, война разрушит его в миг», 1982).

Характерно, что во второй половине 1980-х гг. тенденция репрезентации ядерной угрозы в советских плакатах меняется вновь, основным сюжетом становится счастливое будущее для всех народов, возможное только в случае разоружения и сближения двух сверхдержав (М. Авакумов и О. Волкова, «Мира тебе, будущее планеты Земля! В XXI век — без войн и оружия!», 1986; Ю. Николаев, «Земля только для жизни», 1987). В отличие от советского, в американском плакатном искусстве сближение стран во второй половине 1980-х гг., по всей видимости, не привело к значимым трансформациям в визуальном отражении данной темы.

Итак, анализ истории репрезентации образа ядерного оружия в СССР и США позволяет выявить первое и наиболее существенное отличие, которое заключается в самом отношении к ядерному оружию, а значит — и посвященных ему сюжетах. В советском плакатном искусстве их можно условно разделить на три большие группы. В первой из них присутствует образ врага — виновника возможной катастрофы, во второй сюжет концентрируется на борьбе за разоружение, в третьей демонстри-

руется будущее человечества. В американском же плакате подобная классификация не представляется возможной из-за наличия широкой вариативности сюжетов, в части которых ядерный удар предстает лишь исходным событием. Тем не менее, образ врага в плакатах в обоих случаях выполняет свои функции: мобилизации, легитимации власти и социально-политического порядка, укрепления коллективной идентичности, «предсказания победы» [Рябов и др., 2023: 13–16].

При этом важнейшим (а в 1970-х — 1980-х гг. — ключевым) нарративом в визуальном искусстве и СССР, и США, связанным с темой ядерной угрозы, выступает безумие. В советских плакатах это достигается путем использования разных приемов: от репрезентации сумасшествия западных элит (например, на плакате Н. Долгорукова и Б. Ефимова «Силы мира непобедимы!», 1949) до механицистской формы дегуманизации (Б. Ефимов, «Ядерной войне — нет!»). В американской визуальной традиции наблюдаются и схожие приемы демонстрации («War is Madness», Chwast S. 1986), и иной подход, зачастую основанный на иронии и сарказме. Так, на антивоенном плакате США 1970 г. изображение «ядерного гриба» сопровождается следующим текстом: «Все полетели на Луну»/«Всеобщее путешествие на Луну» («Everyone's Gone to the Moon», Lambert Studios).

Важно отметить, что отличие приемов репрезентации в значительной степени объясняется разницей в художественных направлениях между социалистическим реализмом и модернизмом. Однако отсутствие заметной политической и социальной ангажированности в модернистском искусстве, которое служило мишенью для критиков-коммунистов в США [Segal, 2016: 61], не означало отказа от использования сходных символов репрезентации. Более того, на уровне символики в плакатах СССР и США прослеживаются определенное сходство. Особенно ярко это видно при изучении советских антивоенных плакатов и американских плакатов протеста. В работах советских плакатистов (А. Браз, «Нет войне!», 1979, М. Цветов «Сфера жизненных интересов США», 1984), как и на американских плакатах («Everyone's Gone to the Moon», Lambert Studios; «Artists Against Nuclear Madness Present, Dangerous Works, skull and crossbones», 1982) присутствуют следующие символы: сжатый кулак, цветы, черепа, кости, кресты. Характерно, что ука-

занные символы присутствуют и в работах плакатистов других стран, например, на плакатах известного британского художника Д. Кинга («Paths of Glory», «No cruise missiles!», «Masters of War», «Stop the Arms Race»). Человеческий череп и ядерный взрыв также демонстрируется и на плакате «Atomkrieg nein» знаменитого швейцарского художника Х. Эрни.

Комплексное исследование плакатного искусства Холодной войны позволяет выявить и некоторые отличия. В советском искусстве намного реже визуализировался ядерный взрыв (чаще всего примеры демонстрации этого образа относятся к 1980-м гг.), тогда как в США его изображение уже на первом этапе Холодной войны стало культурной иконой [Mortenson, 2016: 27]. Кроме того, в советских плакатах присутствует акцентуация на типе бомбы, что достигается путем ее маркировки буквами (А — атомная, Н — водородная, Н — нейтронная), тогда как в работах американских художников подобные тенденции не наблюдаются.

Таким образом, в репрезентации темы ядерной угрозы в плакатах СССР и США существовали сходные и различные черты. Во-первых, именно в советском плакатном искусстве в большей степени прослеживается прямая взаимосвязь рассматриваемой темы с образом врага, на которого возлагается ответственность за возможную Третью мировую войну. При этом в визуальной традиции обеих стран (как и в других государствах) присутствовал нарратив о безумии виновников ядерного апокалипсиса. Во-вторых, на протяжении всей эпохи Холодной войны применялись различные приемы изображения, которые были непосредственно связаны с меняющимся отношением к ядерному оружию, продолжающейся гонкой вооружений, ухудшением или улучшением отношений между сверхдержавами. В-третьих, несмотря на разницу в приемах изображения, нельзя не отметить схожесть ключевых символов, в особенности в антивоенных советских и американских плакатах. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в плакатном искусстве СССР и США тема ядерной угрозы занимала центральное место и была крайне актуальна на протяжении всего периода Холодной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабурина Н., Вашик К. Реальность утопии: искусство русского плаката XX в. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Михайлин В. Ю., Беляева Г. А., Нестеров А. В. Шершавым языком: Антропология советского политического плаката (Труды Лаборатории исторической, социальной и культурной антропологии. Вып. 20). Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2013.

Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023.

Федосов Е. А. Глобализация советской повседневности глазами политического плаката периода 1946–1964 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 209–218.

Bonnell V. E. Iconography of power: Soviet political posters under Lenin and Stalin. Berkeley: Univ. of California Press, 1997.

Crowley D. Posters of the Cold War. V & A Publishing, 2008.

Gallo M. The Poster in History. N. Y. W. W. Norton & Company, 2002.

Mortenson E. Ambiguous Borderlands: Shadow Imagery in Cold War American Culture. Carbondale: Southern Illinois Univ. Press, 2016.

Segal J. Art and Politics. Between Purity and Propaganda. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2016.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В КОМИКСАХ США 1950-х гг.: СИНТЕЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ²⁶

Куликова Марина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет

m.kulikova@spbu.ru

Спутницкая Нина Юрьевна

Всероссийский государственный университет кинематографии

имени С. А. Герасимова

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

ninadormouse@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются особенности синтеза лингвистических и кинематографических приемов в комиксе США времен Холодной войны на примере конструирования врага в женском облике, в частности — «русского» женского персонажа. Анализ конструкции

²⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

женского персонажа осуществляется на материале трех комиксов DC серии «Blackhawk» (1956). Выявляются особенности речевого портрета персонажа, а также изобразительные клише, заимствованные авторами комиксов из кинематографа США.

Ключевые слова: комикс, Холодная война, образ советской женщины, лингвистические средства, выразительные приемы, пейоратив, параграфемика

REPRESENTATIONS OF THE RUSSIAN WOMAN IN US COMICS OF THE 1950S: THE SYNTHESIS OF LINGUISTIC AND CINEMATIC TECHNIQUES

Kulikova Marina Nikolaevna
St Petersburg University

Sputnitskaya Nina Yurievna
All-Russian State University of Cinematography / Herzen University

Abstract. The article analyses the features of the synthesis of linguistic and cinematic techniques in the US comic book of the Cold War by the example of constructing a female enemy, in particular, a Russian» female character. The analysis of the female character's design is based on the material of three DC comics series Blackhawk (1956). The study identifies the features of the character's speech portrait, as well as pictorial clichés borrowed by the authors of comics from the cinema of the USA.

Keywords: Comics, Cold War, Image of Soviet woman, linguistic means, expressive techniques, film illustrations, pejorative, paragraphemic means

Актуализация образа советского врага в супергеройском комиксе, когда авторы от карикатурного, механицистского решения «русской угрозы» перешли к сложным серийным персонажам и создали галерею по сей день востребованных «русских» супергероев и суперзлодеев, приходится на конец 1950-х — 1960-е гг., период т. н. Серебряного века супергеройского комикса. В данной статье рассматриваются лингвистические и кинематографические приемы создания образа врага в комиксе. Для анализа иконографии привлечена методология визуальных исследований [Rose, 2012].

Для создания речевого портрета авторы опирались в том числе на опыт Немого и раннего звукового кино. Для того, чтобы вызвать определенную эмоциональную реакцию, тщательно отбирались не

только слова, длина предложений и шрифты;²⁷ многие из них, так же как отдельные мизансцены и портреты, заимствованы из кинематографа, в котором к 1960-м гг. сложился устойчивый репертуар сюжетов и система выразительных средств для изображения «русского» врага [Рябов и др., 2023; Shaw, Youngblood, 2010; Kulikova, Riabov, 2023] и женского «русского» врага в частности [Riabov, 2017].

Приемы создания женского врага в фильмах США

Рассмотрим наиболее эффективные и востребованные в комиксе кинематографические средства художественной выразительности периода Холодной войны, такие как крупный и средний план, которые позволяют зрителю изучить антропологию противника. Крупный план врага, поскольку он носит символический (иконический знак) характер, является элементом авантюрного дискурса и призван служить чистому зрелищу, то есть дает возможность рассмотреть представителя чуждой культуры. Характерный пример — работа крупного плана героини Греты Гарбо в фильме «Ниночка» Эрнста Любича, когда она примеряет шляпку (шляпка является символом нормативной культуры)²⁸.

Общий план (с главным героем в композиционном центре) носит авантюрно-розыскной характер, то есть позволяет зрителям увидеть врага в его «естественной среде обитания». Речь идет об устойчивых жанровых моделях и видах кино, хорошо известных еще до Холодной войны. Прежде всего, следует отметить распространенную в европейском и американском кинематографе традицию так называемых видовых фильмов. Данная продукция широко рас-

---

²⁷ Эта традиция киноавангарда была переосмыслена в 1950-х гг. авторами французской Новой волны, безусловно, повлиявшей на авторов комикса Серебряного века.

²⁸ Показательно, что Гарбо стала одним из прототипов Злой королевы в «Белоснежке и семь гномов» (1935) Уолта Диснея и советской чиновницы в фильме Любича: злую/механизованную природу победила любовь. Имеет смысл обратить внимание на цветовую символику: диснеевским злодейкам в 1950-х — 1970-х гг., то есть в разгар Холодной войны чаще всего разрабатывали наряды, используя оттенки красного, а образ женщины-вамп, женщины-инструмента спецслужб в 1960-х гг. продолжил активно развиваться в сегменте комикса для подростков.

пространялась такими крупными компаниями-пионерами, как «Пате» и «Гомон». Одним из характерных сюжетов видовых кинокартин является показ чуждой культуры с ее представителями, а также предметным окружением. В этом типе экранных документов общие планы, к примеру, аборигенов Полинезии или каких-либо других экзотических регионов представляют для зрителя зрелище в чистом виде. Таковы, скажем, фильмы Роберта Флаэрти — одного из основателей документального кино и, в частности, его знаменитые ленты «Нанук — человек севера», «Моана» и ряд других работ, где сюжет и главный герой выполняют в значительной степени служебную функцию и вписаны в экзотический культурный ареал.

Разберем общий план в фильме «Ниночка», когда главная героиня получает письмо от своего возлюбленного, но не может прочитать его, поскольку текст купирован цензурой. Этот эпизод закончен на общем плане, когда героиня, проводив коллег, садится за стол, и оформлен характерным «экспрессионистским» рисующим светом. Героиня закрывает голову руками, и в кадр попадает занавеска, за который раздается храп ее соседки. Однако в центре композиции находится героиня за столом и висящий над ней абажур.

Существенную роль в создании портрета врага играют план вставки или план перебивки. По классификации крупности кадров они относятся к так называемым деталям и обычно используются для перехода с одной общности плана на другую. Однако в фильмах, связанных с созданием образа врага, подобные планы, хотя и менее популярны, чем крупные, средние или общие планы, также выполняют развлекательно-зрелищную функцию и могут являться генераторами интриги. Так, в той же «Ниночке» в описанной выше сцене тот факт, что письмо подверглось цензуре, преподнесен именно в виде детали. Подобных типов планов достаточно много в фильмах «Пилот реактивного самолета», «Русские идут! Русские идут!» и других. Следует выделить такие элементы, как деформации тела, то есть нанесение различных знаков отличия и татуировок на тело секретных агентов, бандитов и других представителей Советского Союза или России. Хрестоматийным примером можно считать демонстрацию увечья (шрам от удара польского улана) героиней Гарбо в «Ниночке».

Приемы создания женского врага в комиксах США 1950-х гг.

Крупный план в комиксе призван акцентировать неоднозначность персонажа, в ряде случаев — продемонстрировать отношение авторов [Макклауд, 2016]. Женский комикс-персонаж Коммуна — воплощение коварства и одержимости [комикс Blackhawks, 1997]. Она появляется в 1956 г. в серии выпусков о команде героев «Черные ястребы» (Blackhawks), которые в послевоенной Европе сталкиваются с секретными агентами «красных». Иконологически Коммуна близка к рассмотренному выше образу Ниночки Любича.

К маркерам персонажа следует отнести мужской офицерский мундир, модель управления военными по прямому приказу из Кремля. Немаловажен и мотив нелепых, слабых мужчин, которых должна наставлять женщина, облеченная властью — также, по-видимому, заимствованный из фильма. Превосходство Коммуны над подчиненными проявляется в комических положениях. Например, «Черные ястребы» допрашивают высокопоставленного офицера при помощи «сыворотки правды» и слышат от него признание о том, что тот ненавидит коммунизм и хочет, поселившись в США, открыть рыбную лавку.

Как и Ниночка, Коммуна прибывает в Европу в качестве чрезвычайного и полномочного представителя Кремля, непосредственно руководящего операцией, суть которой состоит в том, чтобы втянуть «Черных ястребов» в спасательную акцию по вызволению своего однополчанина Станислауса. Коммуна носит красный офицерский мундир времен 1920-х–1930-х гг. с изображенным на груди серпом и молотом и красного же цвета фуражку. Место заключения Станислауса — урановый рудник, который затем уничтожат «Черные ястребы». Коммуну при этом авторы оставляют живой, чтобы ей пришлось держать ответ перед коммунистическими лидерами.

В речи Коммуны постоянно используется пейоративная лексика (fools, stupid one, fooled you, idiot, stupid warmongers). Кроме того, используется параграфемика, в данном случае выделение жирным шрифтом и прописными буквами, что еще больше подчеркивает эмоциональность используемых слов (I said **EXECUTE THE SLAVE, STANISLAUS**; Your sister **IS** dead, stupid one; **SEIZE HIM COMRADES**).

Обращает на себе внимание семантическое поле «промыывание мозгов» (в этом тексте весьма скромного объема слово *brain-wash* встречается трижды), которое тесно связано и с речью комиссара Ничова про процветающий Советский Союз («*The glorious Soviet Union! Russia will save the world from the evils of decadent capitalism! I would give my life for glorious communism!*»). При этом рабы на шахте работают по 14 часов и едят только черный хлеб и суп. Однако сыворотка правды заставляет комиссара Ничова сказать правду: «*I hate communism! It stinks! I hate communists! I want to go to America and open a fish market! Don't be suckers! Communism is a racket!*».

Необходимо отметить отсутствие крупных планов в комиксе о Коммуне; главным приемом ее маркировки оказывается цвет: синие мужские мундиры становятся фоном для красного костюма женщины. Авторы обращают внимание на привлекательность Коммуны. При этом форма нацистской Германии сидит на суперзлодейке так же органично, как и советская / условно коммунистическая. Коммуна является персонажем собирательным: в различных выпусках, объединенных командой «Черные ястребы», она появляется в качестве нескольких антагонистов. Они могут принадлежать к различным временным пластам, носить разные имена и одежду, однако лица и прическа всех этих женщин иконологически идентичны, как будто исполненных одной актрисой. Так, в серии, действие которой разворачивается во времена Второй мировой войны, антагонист оказывается дочерью Гитлера Хильдой, при этом она так же носит офицерский мундир и фуражку, на груди изображена свастика. Показательно, что оба упомянутые выпуска о Коммуне / Хильде следуют один за другим; таким образом, применяется прием символической нацификации «врага номер один», к которому в период Холодной войны прибегали обе сверхдержавы» [Рябов и др., 2023].

Само по себе использование слова *raider* несет уже отрицательную коннотацию, так как оно обозначает налетчика, мародера, человека, который проник куда-то незаконно. (*someone who enters a place illegally and usually violently, and steals from it*). Все это еще и усиливается с помощью выбора лексики при их описании (*these bat-beings that swarmed out of the clouds to loot and*

plunder, т. е. используется ряд слов с синонимичными значениями «грабить», «разграблять».²⁹

Привлекается целый ряд слов и выражений, описывающих всю отрицательную суть красных «Russians» (*the reds would give anything to get their fingers on them; sinister shadow (зловеющая тень) drifting upon them from behind*). Их называют красной угрозой, которая за 24 часа ограбила и потопила корабль (*looted and sunk a freighter*), уничтожила поезд во Вьетнаме (*wrecked a troop train in Viet Nam*), напала на штаб разведки (*raided intelligence headquarters*).

В речи Вампиры, еще одной героини, тоже используются зловеющая лексика, когда она называет китайца предателем и угрожает убийством («*If he remains stubborn, I'll head him over to the people's government to execute as a traitor to China; If he tries to use it [a radio] to warn them, shoot him, instantly!; His friends are already trapped! Let him have the pleasure of watching them die!*»). При этом китаец ведет себя благородно и готов погибнуть, но не подвести своих товарищей («*must not let comrades suffer for Chop Chop's stupidity! Must give warning no matter what price!*»).

Таким образом, к 1960-м гг. в супергеройском комиксе был сформирован своеобразный канон изображения «русских» шпионов, который был основан на специфическом речевом портрете и изобразительных аллюзиях к кинематографическим женщинам-вамп, героиням Греты Гарбо и Хеди Ламарр. К середине 1960-х гг. популярнейшим супергеройским сюжетом становится борьба со шпионажем, появляются организации, призванные вести борьбу против шпионов, например, «ЩИТ» у «Марвел». Женские образы шпионов теперь оказываются неоднозначными: они готовы перейти на сторону США и изменить партии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Макклауд С. Понимание комикса. М.: Белое Яблоко, 2016.

Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023.

---

²⁹ to loot (usually of large numbers of people during a violent event — to steal from shops and houses); to plunder (to rob of goods or valuables by open force, as in war, hostile raids, brigandage, etc.)

- Blackhawk* 97. Feb. 1956. No 25.
- Shaw T., Youngblood D.* Cinematic Cold War: the American and Soviet struggle for hearts and minds. Univ.press of Kansas, 2010.
- Rose A.* Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials. 3rd ed. London: Sage Publications Ltd., 2012.
- Riabov O.* Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946–1953) // Journal of Cold War Studies. 2017. Vol. 19. № 1. P. 193–219.
- Kulikova M. N., Riabov O. V.* Linguistic Means of Constructing ‘Enemy Number One’ in the US Cold War Cinema // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2023. Vol. 14. N. 3. P. 719–731.

ЖАНР КОМИКСА В ПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Дзюба Елена Вячеславовна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
elenacz@mail.ru

Рогозинникова Юлия Владимировна

Государственный аграрный университет Северного Зауралья
rogozinnikova.juv@gausz.ru

Аннотация. Подчеркивается роль жанра комикса в англоязычном политическом дискурсе Холодной войны. Цель исследования — методами семантического, контекстуального, концептуального и аксиологического анализа выявить некоторые содержательные, аксиологические и функционально-прагматические особенности политического комикса как поликодового текста.

Ключевые слова: политический комикс, поликодовый текст, Холодная война, вербальные и невербальные средства создания образа Холодной войны.

THE COMIC GENRE IN THE PRESENTATION OF THE COLD WAR IMAGE

Dzyuba Elena Viacheslavovna

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

Rogozinnikova Yulia Vladimirovna

Northern Trans-Urals State Agricultural University

Abstract. The role of the comic book genre in the English-language political discourse of the Cold War is emphasised. The aim of the study is to identify some content, axiological, functional and pragmatic features of the political comic

book as a polycode text using semantic, contextual, conceptual and axiological analysis methods.

Keywords: Political Comics, Polycode Text, Cold War, Verbal and Non-verbal Means of Creating the Image of the Cold War.

Значительный воздействующий потенциал жанра комикса, используемый в разных сферах общественной жизни, отмечается целым рядом исследователей [McCloud, 1994; Kannenberg, 2002; Sadiq, Saleem, Farrukh, Muslim, 2023; Григорьева, 2016; Бейненсон, 2020; Гуков, 2017; Дмитриева, 2014; Дубинин, Ейкалис, 2017; Садуов, 2019; Соковнина, 2016; Столярова, 2009; и др.]. Так, П. С. Гуков, обобщая масштабный отечественный и зарубежный опыт использования текстов данного жанра, отмечает объемную идеологическую составляющую политических комиксов [Гуков, 2017: 12–19]; С. И. Дубинин и Ю. А. Ейкалис подчеркивают высокий потенциал комикса в утверждении ценностей и антиценностей того или иного сообщества, которые «отражаются и интерпретируются в архитектонике, иконическом и вербальном компонентах комикса как эксплицитно, так и имплицитно» [Дубинин, Ейкалис, 2017: 69].

Комикс, как правило, нацелен на массовую и преимущественно молодежную аудиторию. Он является жанром с высоким уровнем информационной насыщенности и экспрессивности, что способствует упрощенному и ускоренному процессу донесения до аудитории определенных когнитивных и аксиологических установок в интерпретации той или иной социальной или политической проблемы. Это обеспечивает высокую популярность жанра. Так, тиражи американских комиксов в середине XX века доходили до миллиарда, что свидетельствует о большой популярности этого жанра [см. подробнее: Дмитриева, 2014: 4].

В данном исследовании внимание сосредоточено на политических комиксах периода Холодной войны. В США в этот период выходили целые серии периодических изданий комиксов острой социальной направленности, например: журнал «Treasure Chest» (Dayton, Ohio Publisher, 1946–1972 гг.), представляющий поликодовые тексты о политике, спорте, науке, религиозной жизни католиков и пр.;³⁰ сборник «Godless Communism», посвященный

³⁰ <https://digitalcomicmuseum.com/index.php?cid=407> (date accessed: 27.08.2024).

антикоммунистической пропаганде и публиковавшийся с 1961 г. отдельными фрагментами в двадцати выпусках серии журнала комиксов «Treasure Chest»;³¹ журнал «Comics with problems» (Dayton Seiler's All America Books, Pasadena, California, 1940–1990 гг.), поднимающий разные острые политические и социальные проблемы, волновавшие американское общество: коммунистическая идеология, контроль рождаемости, распространение некоторых неизлечимых заболеваний и др.³²

Корпус собранных из указанных изданий текстов включает более двухсот англоязычных политических комиксов периода Холодной войны, которые используются для антикоммунистической пропаганды. Авторы комиксов транслируют идею о потенциальной угрозе жизни жителей США под гнетом возможной «красной власти», при этом негативной трансформации жизнь американцев подвергается во всех ее областях: религиозной, образовательной, трудовой и так далее. Однако, прежде всего, «безбожный коммунизм» представляет опасность для свободы американского народа и разрушения его привычного образа жизни.

В ходе анализа материала было выделено несколько сюжетных линий, актуальных для пропагандистских комиксов: разрушение института религии под влиянием коммунистической идеологии, внедрение в систему образования нового мышления, построение нового — коммунистического — порядка труда. Приведем некоторые примеры из американских журналов периода Холодной войны.

В журнале «Godless Communism 1961. Treasure Chest» представлен эпизод сюжетного фантастического комикса о формировании нового коммунистического государства и уничтожении в нем всех религиозных учреждений (рис. 1). Попытка запрета религий и замена их коммунистическими ценностями является характерным эпизодом для многих антикоммунистических сюжетных комиксов.

Данный текст повествует о результатах распространения коммунизма в мире: осуществлен захват США коммунистическими силами, появилось новое государство — Союз Советских Штатов Америки. Люди узнают об этом факте из местных средств ин-

---

³¹ This Godless Communism. 1961. <https://archive.org/details/this-godless-communism/mode/2up> (date accessed: 27.08.2024).

³² Comics with Problems: A Comic To Cure EVERY Problem. Бг.

формации, семьями идут в церкви для духовной поддержки, но религиозные учреждения оказываются уничтоженными, вместо них гражданам предлагается посетить музеи коммунизма.

Рис. 1. Фрагмент журнала «Godless Communism». 1961³³

Лексическими маркерами, актуализирующими семантику агрессии и подавления воли американских граждан, являются в данном тексте следующие единицы: *occupation* (захват) — указание на на-

³³ <https://alphahistory.com/coldwar/wp-content/uploads/2013/03/dossier-start-bg5-e1601481636702.jpg> (date accessed: 27.08.2024).

сильственный метод распространения власти; *fateful day* (роковой день) — выражение, подчеркивающее трагичность ситуации; *leads* (пути) и *bounds* (рамки) — свидетельства наличия строгих ограничений со стороны нового режима. Интересно использование приёма контаминации двух наименований в номинации нового государства: *the Union of Soviet States of America, the U. S.S.A* — Союз Советских Штатов Америки (образуется путем сложения топонимов *the USA / США* и *the USSR / СССР*). Следствием победы нового режима является беззащитность граждан: в тяжелый момент они стремятся обратиться к божьей помощи (*god's help*), но церкви перешли к властям и стали музеями коммунизма; священнослужители либо сосланы в трудовые лагеря (*a labor camp*), либо убиты (*killed*). Первый удар коммунистической идеологии по жизни американских граждан, по представлению авторов комиксов, был бы нанесен именно церквям и священнослужителям. В текстах утверждается идея, что подмена духовных ценностей и разрушение религиозных чувств — одна из основных задач коммунистов.

Следующим этапом воображаемого коммунистического захвата была бы повсеместная коммунистическая агитация в школах и других учебных заведениях. Воздействуя на молодое поколение, школьников и студентов, коммунистическая идеология стремится разрушить едва ли не все сферы привычной американской жизни. Комикс «*Godless Communism*» (1961, 29 сентября)³⁴ описывает формирование новой идеологии, которое начинается со школьной скамьи: вместо религиозных символов (*crucifixes*) появляются коммунистические; новый режим объявляется раем на земле (*a heaven on earth*) и единственным ответом на все мировые проблемы (*the answer to all the world's problems*). В новом обществе отрицается наличие души (*no soul*), Бога и бессмертия (*God, immortality... They do not exist*); ценностные ориентиры определяются однозначно: согласные с новым режимом оцениваются позитивно, инакомыслящие — негативно, они подлежат уничтожению (*those who believe in communism are good. The rest will be done away with*). Влияние идеологии на школьников осуществляется посредством внушения идеи о том, что их родители старомодны (*old-fashioned parents*), особенно если они не приняли идей коммунизма, о чем дети должны сообщать. Предательство родителей возводится в ранг героизма (*Those students*

---

³⁴ This Godless Communism.

who do this will be great communist heroes); все родители, которые не поддерживают идеи коммунизма, рассматриваются как отклоняющиеся от нормы, они должны быть «приведены в порядок» и «выправлены» (*we will straighten out their parents*).

В комиксах на данную тему часто изображаются американские семьи, обсуждающие идеи коммунизма. При этом глава семьи обычно рассказывает своим детям о вреде коммунистической идеологии. В анализируемом тексте отец семейства говорит, что семья и общество теперь находятся под полной властью коммунизма (*They own everything... even us!*); мать вторит, что это только начало (*But this seems to be only the beginning!*).

Далее разворачивается типичная для антикоммунистических комиксов тематическая линия: представители коммунистической власти заставляют американцев заниматься тяжелым физическим трудом, не считаясь с интересами и желаниями граждан: в отделе труда (*U.S.S. A. Labor Dept*) мистеру Джонсу сообщают, что он будет жить на севере страны и работать на лесопилке, а его жена отправится на фабрику в Чикаго. Судьба детей при этом неясна: видимо, их будет опекать государство. Таким образом, по мнению авторов комиксов, коммунистический режим разобщает и разрушает семьи; коммунистическая идеология, внедряющаяся в систему образования и воспитания молодого поколения, представляется опасной с точки зрения разрушения американских семейных ценностей.

Принуждение американцев к тяжелому физическому труду — это еще одна идея, весьма актуальная для политических комиксов. Примером служит фрагмент поликодового текста из сюжетного политического комикса (рис. 2).

Фрагмент демонстрирует последствия возможной победы коммунизма в американском обществе, где распределение рабочих должностей происходит по указу руководства, вопреки желаниям и интересам граждан; любое неповиновение или нарушение трудового режима воспринимается как предательство и жестоко карается, любое отсутствие на рабочем месте — даже больного человека — грозит расстрелом. Эту семантику репрезентируют лексемы *slacker* (бездельник, лентяй, слабый), *forbid* (запрещать), *absenteeism* (прогул, уклонение), *treason* (предательство, измена). Все это свидетельствует о представлении коммунистического режима как

Рис. 2. Фрагмент журнала «Two Faces of Communism». 1961. № 27³⁵

жестокого, бездушного, бесчеловечного, беспощадного, а главное — неизбежно губительного для американского народа.

В рассмотренных фрагментах из американских журналов периода Холодной войны актуализированы три идеологические линии, которые, по мнению авторов комиксов, характерны для коммуниз-

³⁵ <https://www.ep.tc/problems/27/26.html> (date accessed: 27.08.2024).

ма и чужды американскому обществу: разрушение религиозных основ жизни и подмена религиозного чувства верой в коммунистические ценности; разобщение семей и замещение родственных связей идеологическими, формируемыми с самого детства, со школьной скамьи; нарушение свобод граждан в выборе профессии и рода деятельности, отказ в малейшей социальной защите.

Политический комикс периода Холодной войны являлся мощным инструментом политической пропаганды, способным быстро и эффективно доносить идеологические послания до массовой аудитории. Такой поликодовый текст способствовал формированию у американского населения однозначно негативного восприятия коммунистической идеологии, воспитанию страха перед советской угрозой. Коммунистический режим представлялся в комиксах жестоким, бездушным и беспощадным по отношению к простому человеку, что укрепляло антикоммунистические настроения в обществе. Воздействующий потенциал поликодовых текстов усиливал типичное для жанра политического комикса обилие оценочной (чаще отрицательно окрашенной) лексики, приемы гротеска и гиперболизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бейнсенсон В. А. Комикс как формат в отечественной мультимедийной журналистике // Челябинский гуманитарий. 2020. № 3. С. 47–61.

Григорьева Н. Ю. Функции когнитивной метафоры в поликодовом сообщении (на примере политического комикса) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. №. 25. С. 107–108.

Гуков П. С. Американские комиксы как инструмент политической пропаганды // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. № 15. С. 12–19.

Дмитриева Д. Г. Феномен Американского супергероя в контексте визуальной культуры XX века : дис. ... канд. культ. наук: 24.00.01. М, 2014.

Дубинин С. И., Ейкалис Ю. А. Актуальные социально-политические тенденции в ФРГ в зеркале комиксов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19. № 2–1. С. 68–74.

Садуов Р. Т. Опыт североамериканской комикс-индустрии в организации производства современного российского массового комикса // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 1. С. 274–285.

Соковнина В. В. Языковая игра в постмодернистском комиксе (на материале финского политического комикса «Кекконен») // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2016. № 2. С. 243–250.

Столярова Л. Г. Комикс как тип дискурса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 278–284.

Kannenberg E. P. J. Form, function, fiction: Text and image in the comics narratives of Winsor McCay, Art Spiegelman, and Chris Ware. PhD., Univ. of Connecticut, 2002.

McCloud S. Understanding comics: the invisible Art. N. Y.: Harper, 1994.

Sadiq S., Saleem N., Farrukh M., Muslim D. Political Comics: An Emerging Trend in Social Media and Its Impact on Youth // Bulletin of Business and Economics. 2023. № 12. P. 393–397.

ПОРТРЕТЫ СОВЕТСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ НА ОБЛОЖКАХ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛА «TIME» В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ОБРАЗ И КОНТЕКСТ

Фельдт Алексей Евгеньевич

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова
a.feldt@narfu.ru*

Аннотация. В статье анализируются образы советских руководителей, размещенные на обложках американского журнала «Time» в период с 1945 по 1991 гг. Как правило, портреты советских лидеров публиковались в переломные моменты советско-американских отношений, а также в связи со значимыми событиями внутривнутриполитической жизни СССР. Яркие образы на первой странице еженедельника дополнялись всесторонним анализом политической, социальной и культурной жизни СССР, экономических и военных возможностей советского государства.

Ключевые слова: Холодная война, США, Советский Союз, журнал «Time»

PORTRAITS OF SOVIET LEADERS ON THE COVERS OF AMERICAN TIME MAGAZINE DURING THE COLD WAR: IMAGE AND CONTEXT

Feldt Aleksei Evgenievich

Nothern (Arctic) Federal University named by M. V. Lomonosov

Abstract. The article analyzes the images of Soviet leaders placed on the covers of The Time Magazine (1945–1991). As a rule portraits of Soviet leaders were published at turning points in Soviet-American relations as well as significant events in the internal political life of the USSR. Vivid images on the

front page of the weekly magazine were supplemented by a comprehensive analysis of the political and cultural life of the USSR as well as the economic and military capabilities of the Soviet state.

Keywords: Cold War, U.S.A., the Soviet Union, The Time Magazine

Факт появления портретов советских руководителей на обложках американского журнала «Time» хорошо известен. Созданный талантливым редактором Генри Люсом в 1923 г., еженедельник оказал сильное влияние на американскую журналистику, положив начало новому классу изданий — еженедельным журналам новостей [Бурмистенко, 1976: 5]. В частности, визитной карточкой журнала стала публикация на «первой странице» портретов государственных, политических, общественных и религиозных деятелей, внесших определенный вклад в текущие политические, экономические, социальные и культурные процессы. Еженедельник пользовался вниманием и определенным доверием американского руководства [Иванян, 1991: 189–190].

Строительство социализма в СССР, достижения и трагические страницы «русского эксперимента» вызывали в Соединенных Штатах постоянный общественный интерес, что отражалось на страницах периодических изданий, в публицистике и кинематографии. Значительное внимание уделял Советскому Союзу и журнал «Time». Важные события внутренней и внешней политики СССР, его культурные достижения, социальные изменения в советском государстве сопровождалась образами советских государственных и партийных деятелей на обложке журнала.

При всем стремлении редакции издания демонстрировать независимый и объективный подход к изложению материала, политические пристрастия были все же для «Time» характерны. В частности, в тридцатые годы его смело можно отнести к американской консервативной прессе, что подчеркивалось критикой мероприятий Нового курса президента Ф. Д. Рузвельта, а также весьма критическим отношением к СССР во второй половине 1930-х гг., когда упоминание Сталина постоянно сопровождалось приставкой «диктатор». «Объективность» достигалась и объявлением Гитлера по итогам его европейской активности в 1938 г «человеком года», и размещением на обложках журнала портретов Гимmlера и Хирохито (соответственно, в октябре и мае 1945 г.,

когда роль этих личностей в истории уже была четко определена [The Time. 1945. Feb. 12; The Time. 1945. May 21]).

В период Холодной войны, частью которой было идеологическое противостояние между СССР и США, «Time» уделял Советскому Союзу довольно значительное внимание. С 1945 по 1991 г. около пятидесяти обложек журнала демонстрировали портреты советских государственных и общественных деятелей, людей науки и культуры, а также советскую символику. Текст внутри номера представлял собой не только освещение того или иного знакового события, например, встреч на высшем уровне советского и американского руководителей, но и всесторонний анализ политической, социальной и культурной жизни СССР, экономических и военных возможностей советского государства, в частности, в моменты смены власти в Советском Союзе. В последнем случае советской тематике отводился почти весь номер.

Важно подчеркнуть, что несмотря на острое идеологическое противостояние СССР и США, изображения советских лидеров представлены с должным уважением к их должностям, деятельности и заслугам, а появление на обложках советских космонавтов (Юрия Гагарина, Андрияна Николаева, Павла Поповича, Алексея Леонова) вполне могли вызвать в американцах чувство одобрения достижений советской науки и техники [The Time. 1961. April 21; The Time. 1962. Aug. 24; The Time. 1965. Mar. 26]. Несколько особняком стоит портрет поэта Евгения Евтушенко, его образ символизирует новое молодое поколение советских людей шестидесятых годов, но советская культура на обложках «Time» представлена только один раз [The Time. 1962. April 17]. К подчеркиванию достижений советской науки можно было бы отнести портрет Андрея Сахарова, но его лицо помещено на обложку в первую очередь в связи с его правозащитной деятельностью [The Time. 1977. Feb. 21]. Сахаров удостоился двух обложек американского журнала, второй раз он появляется в эпоху перестройки, ему посвящен практически весь номер, его образ символизирует демократические изменения, происходившие в СССР в горбачевский период [The Time. 1990. May 14].

Некоторая часть обложек «Time» содержала только советскую символику, когда в номере значительное место было уделено каким-либо событиям или процессам, имевшим место в СССР в тот

или иной период Холодной войны. Набор символов был стереотипен и включал в себя изображения серпа и молота, красной звезды, московского Кремля, фрагментов государственного герба СССР, русского медведя. Номер, посвященный вводу ограниченного контингента советских войск в Афганистан, сопровождался изображением советского солдата. Портреты советских лидеров часто тоже дополнялись советской символикой.

Начало Холодной войны слабо отражено на обложках журнала «Time». Обращает на себя внимание тот факт, что в 1945 г. не появилось ни одного портрета Сталина, хотя ранее, в 1930-е и 1940-е гг. советский вождь был напечатан на первой странице неоднократно. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была отмечена журналом только в 1955 г. На первой странице в номере от 9 мая, что, безусловно, символично, был изображен маршал Победы Г. К. Жуков [The Time. 1955. May 9]. Отсутствие образа советского руководителя на первой странице, тем не менее, не говорило об отсутствии интереса журнала к возросшей в мире роли коммунистического движения. Во второй половине сороковых годов появились яркие образы руководителей компартий других стран (Морис Торез, Иосип Броз Тито, Мао Цзедун). В одном из номеров был даже помещен портрет Карла Маркса [The Time. 1948. Feb. 23]. Из советских лидеров до начала 1950-х гг. отдельной публикации удостоился лишь министр иностранных дел В. М. Молотов [The Time. 1946. Aug. 19]. Образ Сталина вновь появляется дважды в 1950 и 1952 гг., причем второй раз вместе с Маленковым, что может служить своеобразной догадкой редакции журнала о будущем советском правителе [The Time. 1950. July 17; The Time. 1952. Oct. 6]. Второй раз подобное предсказание можно отметить в 1964 г., когда «Time» публикует портрет Брежнева за несколько месяцев до снятия Хрущева [The Time. 1964. Feb. 21], Б. Н. Ельцин также заинтересовал «Time» в 1991 г., еще до событий, связанных с августовским путчем и последовавшим затем распадом СССР [The Time. 1991. Mar. 25]. Отдельно можно отметить интерес журнала к Василию Сталину, чей портрет дополнен изображением советского реактивного самолета с орлиным клювом и крылом [The Time. 1951. Aug. 20].

Следующая публикация изображения Сталина на обложке журнала последовала только в 1953 г. в связи с его смертью и масштабными изменениями в руководстве Советского Союза [The Time.

1953. Mar. 16]. Вслед за портретом Сталина в 1953 г. чередой идут изображения Маленкова, Молотова, Берии и Хрущева [The Time. 1953. Mar. 23; The Time. 1953. Apr. 20; The Time. 1953. July 20; The Time. 1953. Nov. 30].

Период 1953–1964 г. озаменовался серией портретов Н. С. Хрущева, что дает возможность проследить эволюцию образа. Первоначально его изображения были выдержаны в строгой манере, характерной для портретов предыдущих советских руководителей, но к 1957 г. на лице Никиты Сергеевича появляется улыбка. Более того, именно Хрущев стал «человеком года» по итогам 1957 г., периода тяжелой борьбы за власть. Для Советского Союза и всего мирового сообщества 1957 год озаменован началом космической эры в истории человечества. Неслучайно Н. С. Хрущев как «человек года» изображен не только в короне, символизирующей московский Кремль и прочную власть, но и с первым искусственным спутником в руках, а на его лице сияла улыбка [The Time. 1958. Jan. 6]. Особый вклад в формирование позитивного имиджа советского руководителя внесла его длительная поездка в США в сентябре 1959 г. Номер «Time» от 28 сентября 1959 г. снова украсился улыбающимся Хрущевым на фоне американских символов — статуи Свободы, небоскребов, автомобиля и даже портрета Авраама Линкольна [The Time. 1959. Sept. 28]. Выражение лица Хрущева на портретах «Time» становится вновь суровым в начале 1960-х гг. в связи с резким похолоданием в советско-американских отношениях. Его портрет в номере от 8 сентября 1961 г. изображен на фоне атомного взрыва, поскольку американская пресса уже была обеспокоена ядерными испытаниями на Новой Земле [The Time. 1961. Sept. 8].

Период с октября 1964 г. по ноябрь 1982 г., символом которого на обложках журнала постепенно становится Л. И. Брежнев, насыщен внешнеполитической активностью советского лидера. Следует подчеркнуть, что пристальный интерес редакции «Time» к личности Брежнева обозначился только в 1970-е гг. в связи с проведением целого ряда советско-американских встреч на высшем уровне. Брежнев изображался рядом с американскими президентами, причем с Никсоном и Фордом — в веселом карикатурном виде, что отражало надежду на улучшение советско-американских в период разрядки международной

напряженности [The Time. 1972. Mar. 29; The Time. 1975. Aug. 4]. Только изображение Брежнева и Картера выдержано в строгом стиле дипломатической встречи [The Time. 1979. June 21]. Во второй половине 1960-х гг. портреты Брежнева на обложках «Time» отсутствовали, но было опубликовано несколько изображений А. Н. Косыгина в связи с проведением экономических реформ в СССР [The Time. 1967. Nov. 10]. Своеобразным и весьма эмоциональным дебютом образа Брежнева можно считать номер «Time» от 4 мая 1970 г., на обложке которого полностью красное лицо генерального секретаря изображено также на красном фоне, что вероятно, должно символизировать полную приверженность строительству коммунизма в СССР [The Time. 1970. May 4]. Своеобразным завершением эпохи Брежнева стала обложка номера, посвященного его смерти и переходу власти к Ю. В. Андропову. Она так же символично выдержана в красном цвете; лицо ушедшего из жизни Брежнева изображено бледно-красным на фоне красного флага с серпом и молотом. На первом же плане доминирует лицо Андропова в естественных тонах [The Time. 1982. Nov. 22].

Переходный период от Брежнева к Горбачеву ознаменовался несколькими изображениями Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Но даже в столь недолгое время пребывания на руководящей должности Андропов удостоился по итогам 1983 года звания «человек года» вместе с Рейганом [The Time. 1984. Jan. 2], между тем итоги этого года были весьма печальны: сбит южнокорейский авиалайнер [The Time. 1983. Sept. 12], начался очередной виток гонки вооружений [The Time. 1983. Dec. 5].

Завершающий этап Холодной войны по праву изобилует изображениями М. С. Горбачева. В период с 1985 по 1991 г. он двенадцать раз появлялся на обложках «Time». В первую очередь это связано с чередой советско-американских встреч на высшем уровне советского лидера с президентами Рейганом и Бушем-старшим [The Time. 1985. Nov. 18; The Time. 1985. Dec ; The Time. 1987. Dec. 14; The Time. 1987. Dec. 14; The Time. 1988. June 13; The Time. 1989. Dec. 11]. Немалую роль в потеплении международных отношений между СССР и США в те годы играл министр иностранных дел Э. А. Шеварнадзе, он тоже был отмечен вниманием редакции [The Time. 1989. May 15].

Заслуги М. С. Горбачева, связанные с энергичными преобразованиями внутри страны («горбачевская революция» по версии редакции), были по достоинству отмечены журналом «Time». Он стал «человеком года» [The Time. 1988. Jan. 4] и, как высшее достижение, «человеком десятилетия» [The Time. 1990. Jan. 1]. Впервые американская публика увидела на первой странице журнала супругу советского лидера — улыбающуюся Р. М. Горбачеву, что символизировало возросшее доверие между двумя странами [The Time. 1988. June 6]. Отслеживая переломные события 1991 г., «Time» дважды продемонстрировал миру фигуру Б. Н. Ельцина в образе пламенного оратора, «горбачевская революция» сменилась «русской революцией» [The Time. 1991. Mar. 25; The Time. 1991. Sept. 2].

Российский историк В. И. Журавлева, специалист по имагологии международных отношений, подчеркивает: «Когда мы говорим об образе страны, то, следуя традициям социального конструктивизма, подразумеваем систему геопространственных знаков, символов и характеристик как один из важнейших способов международной коммуникации и самоидентификации, что формирует дискурсивную основу образа» [Журавлева, 2010: 145]. Портреты советских руководителей на обложках американского журнала «Time» явились своеобразным набором таких знаков, символов и характеристик советской действительности, которая давала возможность успешно формировать в американском общественном мнении коллективные представления о характере внутренней и внешней политике Советского Союза на различных этапах Холодной войны.

С окончанием советско-американского противостояния первые страницы «Time» не утратили своего значения. В наши дни социальные сети активно используют этот материал, зачастую отрывая его от контекста, давая упрощенные трактовки, сопоставляя несопоставимое. Вне времени и событий яркие образы времен Холодной войны, тем не менее, продолжают оказывать влияние уже на современные представления о советском прошлом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Журавлева В. И. Изучение имагологии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики: проблемы и перспективы // Американский ежегодник, 2008/2009 / Под ред. В. В. Согрина. М.: Весь Мир, 2010. С. 142–166.

Бурмистенко А. Н. «ТАЙМ»: бизнес на пропаганде. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977.

Иванян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса. М.: Изд-во политической литературы, 1991.

ТРЕВОЖНОЕ ПРИСУТСТВИЕ: СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СССР В ФОТОГРАФИЯХ ЖУРНАЛА «LIFE»³⁶

Давыдова Ольга Сергеевна

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена Университет ИТМО
ol.davydova@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены стратегии визуализации СССР как актора международных отношений в фотографиях журнала «Life». Наряду с традиционными стратегиями репрезентации, которые распространены в печатной прессе и в иллюстрированных альбомах, на страницах журнала можно обнаружить еще один способ создания образа врага — обозначение его потенциального присутствия, которое воплощается через отказ от прямого изображения. Фотографии фиксируют последствия внешней политики СССР, но не изображают агентов действия напрямую. Это позволяет создать визуальный нарратив неопределенности, порождающий у зрителя чувство тревоги, сопутствующее переживанию постоянной потенциальной опасности в ситуации Холодной войны.

Ключевые слова: фотография, Холодная война, тревога

DISTURBING PRESENCE: STRATEGIES OF REPRESENTATION OF THE USSR IN LIFE MAGAZINE PHOTOGRAPHS

Davydova Olga Sergeevna

*Herzen University
ITMO University*

Abstract. The article considers the strategies of visualization of the USSR as an actor in international relations in the photographs of «Life» magazine. Alongside the traditional strategies of representation found in the printed press

---

³⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

and in illustrated albums, on the pages of the magazine one can find another way of creating an image of the enemy — the designation of its potential presence, which is embodied through the refusal to depict it directly. The photographs record the consequences of Soviet foreign policy, but do not depict the agents of action directly. This allows for a visual narrative of uncertainty that creates a sense of anxiety in the viewer that accompanies the experience of constant potential danger in a Cold War situation.

Keywords: photography, Cold War, anxiety

Журнал «Life», выпуск которого начался в 1936 г., называют одним из самых популярных медиа за всю историю издательского дела. Шейла Уэбб, исследователь истории журнала, отмечает, что для американского среднего класса он выполнял роль законодателя культуры, вкусов и ценностей, а также — наряду с хроникой и радиопередачами — «предложил американской публике новые способы потребления новостей и новые визуальные коды современности» [Webb, 2016: 57]. Создание «Life» — результат слияния фотографии и прессы, изменившего медиа-ландшафт еще в 1920-х гг. Основные трансформации коснулись логики информирования, которая теперь стала связана не с печатным словом, а с цепочкой изображений, связанных друг с другом. Анализируя специфику медийного поля 1920-х годов, теоретик и историк фотографии Андре Руйе пишет: «Современная журналистика характеризуется рождением фотографических иллюстрированных изданий, нового гибрида, особенность которого состоит в том, что он одновременно читается и рассматривается, информация в нем — это уже не только дело текста, но и дело фотографии. Итак, новый стиль журналистики сопровождается разрушением прежних отношений между текстом и изображением, читаемым и видимым» [Руйе, 2014: 152–153]. С одной стороны, такая издательская стратегия порождает критику, основанную на фрагментарности фотографического изображения и возможности его ретуши и трансформации. С другой стороны, появление и растущая популярность иллюстрированных журналов указывают на потенциал не только информирующей, но и эмоциональной составляющей фотографии: фоторепортажи кажутся не только всем понятными, но и гораздо более эффективными в смысле чувственного ответа зрителей.

Фоторепортаж для «Life» строился по формуле: «акцентировать внимание, быть частью общей истории, выразить идею» [Webb,

2016: 57]. Наличие последнего словосочетания не может не заинтриговать: какая именно идея должна была стоять за снимками? В 1941 г. издатель журналов «Life» и «Time» Генри Люс пишет программное эссе «Американский век», где формулирует и детализирует миссию американской нации: распространение идеалов свободы и демократии по всему миру. Люс считает, что американцам пора «искренне принять свой долг и свои возможности как самой могущественной и витальной нации в мире и, как следствие, оказывать на мир все влияние, для таких целей, какие мы считаем нужными, и такими средствами, какие мы считаем нужными» [Luce, 1999: 165]. Такая позиция, безусловно, ведет к колоссальной ответственности: «Америка несет ответственность, как перед собой, так и перед историей, за то мировое окружение, в котором она живет. Ничто не может так сильно повлиять на окружение Америки, как она сама, и поэтому, если окружающая среда неблагоприятна для роста американской жизни, Америке некого винить так глубоко, как она должна винить себя» [Luce, 1999: 166]. Это и должно было быть отражено в репортажах «Life» независимо от их тематики, будь то скрытая нормализация логики потребления или освещение положения дел в других странах. Проблематика Холодной войны, очевидно, не могла не стать частью этой миссии, направленной как внутрь страны, так и вовне. С 1936 г. по 1972 г. «Life» выходил еженедельно, и на его страницах публиковались образы событий, которые редакция считала важными для среднего класса, на который, собственно, и ориентировался журнал: от военных конфликтов до русского балета, от современной музыки до политических интриг и громких судебных процессов. В некоторых номерах журнала появлялись статьи-тревелогии о СССР (например, в августе 1946 г. была опубликована статья и серия фотографий «Вдоль Транссибирской магистрали», а в мае 1947 г. — «Майский день в Москве»), однако чаще Советский Союз фигурировал в редакторских колонках (как правило, вообще без фотографий) в виде портретов политических деятелей и официальных фотографий с мероприятий, а также как триггер изменений в других странах.

Итак, какие стратегии репрезентации врага в журнале можно отметить? В «Life» использовались и традиционные, привычные по газетным изображениям способы репрезентации враждебной

державы. Например, в номере 22 за 1947 г. располагались мрачно-ватые снимки, объединенные названием «Весна приходит в Москву»: хмурые жители, сутулые спины, серая погода, взгляды исподлобья [Life, 1947: 31–32]. Номер от 8 марта 1948 г. сообщает читателям о нарастании коммунистических настроений в Чехословакии. Мэр Праги изображен на фоне огромной стелы, увенчанной серпом и молотом — маленькая фигурка теряется перед гигантским памятником, отсылая к идее тоталитаризма и авторитарности советской власти [Life, 1948 (1): 31]. Номер за 10 ноября 1961 г. явно реагирует на Карибский кризис: в заголовке материала, посвященного Москве, использовано слово «деспот», на разворот помещен огромный снимок, где темные лишенные лиц силуэты устремляются в сторону сереющего вдалеке Храма Василия Блаженного, который в данном контексте воспринимается, очевидно, как символ Красной площади, то есть советской власти [Life, 1961: 30–31].

Вместе с тем, «русские» и «коммунисты» часто изображались здесь как призрачные фигуры, стоящие за событиями Пражской весны 1968 г., демонстрациями в Югославии и разрушениями в Манчжурии. В целом риторика «Life» перекликалась с риторикой газетной прессы, а периоды потепления и похолодания соответствовали аналогичным этапам Холодной войны. Поскольку «Life» фокусировался на представлении своим читателям того, как устроен мир (в рамках идеологии американского мессианства и, в более узком контексте, в рамках реализации миссии, сформулированной Г. Люсом), центральной темой журнала, помимо событий в США, являлась жизнь других стран, быт их жителей, политические и социальные трансформации. Лидерская и мессианская позиция США, на которую указывают исследователи, воспринимается как нечто вроде линзы, накладывающейся на объектив фотографа. Каждое фотоэссе предлагает читателю сравнить увиденное с тем, что ему известно о своей стране. Оценочное суждение формулируется в текстах статей, подписях и заголовках; тем не менее, сами изображения также могут быть весьма риторичными и выразительными.

Например, в номере за 18 марта 1946 г. фотографией недели становится снимок из Манчжурии: голые бетонные стены и деревянные балки в опустевшем цехе текстильной фабрики. Подпись

поясняет: «Текстильная фабрика в Манчжурии стоит без станков и голая после того, как все движимое было увезено в Россию» [Life, 1946 (1): 37]. Русских, только что превратившихся из союзников во врагов, на этом снимке нет; однако запустение и разруха, монтируемые со словами «увезено в Россию», создают образ захватчика, варвара, оставляющего за собой пустоту. Спустя неделю, в следующем выпуске, история о разрушающих последствиях советской интервенции продолжается: на фотографиях — город-призрак, обезлюдевший из-за остановки производства, опустошенные цеха, оставшиеся без надзора детали от станков [Life, 1946 (2): 28–29]. Здесь сложно не увидеть намеков на колонизаторское, экспансионистское поведение Советского Союза; и дело не только в том, чтобы подчеркнуть этот экспансионизм, но и в том, чтобы продемонстрировать его разрушительные последствия.

В номере за 29 марта 1948 г. продолжена история о нарастании коммунистических настроений в Чехословакии. Заглавный снимок материала изображает людей с завязанными глазами. Примечательно, что снимок сопровождается крошечной подписью: так мы узнаем, что это бежавшая в Германию семья [Life, 1948(2): 27]. Ее члены не хотят быть узnanными, так как в Чехословакии остались их родственники. Интересно, что в случае этой фотографии значение формируется и без подписи. Да, без нее мы не узнаем, почему именно у них завязаны глаза, но мотив угнетения, сокрытия правды, наведения пелены на глаза, даже обездвиженности (герои фото сидят) здесь налицо.

В 1956 г., в выпуске, посвященном венгерским событиям, агенты хаоса и страданий тоже именуются «красными». Снимки сделаны на границе Венгрии и Австрии: женщины и дети, беженцы в австрийских лагерях. Три женщины идут навстречу зрителю; та, что впереди, толкает коляску, не скрывая искаженного слезами лица; позади другая героиня фотографии, помоложе, держит на велосипеде короб с вещами, рядом — пожилая женщина в платке, тоже плачет. Подпись, как обычно, красноречива: «Двигаясь к свободе, женщины переходят австрийскую границу с детьми и скудными пожитками» [Life, 1956: 56–57]. Этот снимок прекрасно вписывается в парадигму визуализации СССР как триггера разрушений и опустошения. Композиция фотографии такова, что мы

не видим, куда направляются женщины — они идут прямо на нас; однако благодаря тексту статьи мы можем представить, от чего они спасаются, а их искренние лица, полные страдания, обращенные к нам, мгновенно превращают все, что осталось за их спиной, в территорию боли. Агентом этого горя здесь выступают «красные», которые в сознании читателя мгновенно сливаются с понятием «СССР» (при этом стоит отметить, что «Life» избегает прямого и громкого обвинения Советского Союза; агентами страдания чаще являются либо «русские», либо «красные»).

Несколько иная стратегия репрезентации используется в очерке, посвященном событиям в Чехословакии. В центре внимания фотографов «Life» снова оказываются жители страны, студенты Праги, протестующие, которые рисуют граффити и устраивают сидячие забастовки. На этот раз им противостоят смелые советские солдаты. Снимки, где молодые солдаты запечатлены на фоне танков, снабжены подписями о том, что они читают газету «Правда» и думают, что спасли Чехословакию. Улыбающиеся солдаты выглядят весьма спокойными, но их добродушные улыбки контрастируют с активной мимикой протестующих. Фотографы, запечатлевая протесты и демонстрации, используют выразительные элементы: крупные планы, заниженную линию горизонта и экспериментальные ракурсы. Любое отклонение от классической формы представления служит намеком на политизацию формы: новым голосам — новое видение. И здесь тоже присутствует контраст: солдаты на фоне танков сняты максимально ровно и спокойно, как будто с штатива.

Враг здесь не изображается, но создается в поле воображения зрителя. Призрачное присутствие врага, заданное через репрезентацию следов его пребывания не на своей, а на чужой территории, создает для зрителя ощущение тревоги. Несмотря на значительный разброс определений этого понятия, предложенных различными теоретиками, можно выделить некоторые характерные признаки тревоги. Сианн Нгаи в работе «Уродливые чувства» вслед за Эрнстом Блохом описывает тревогу через темпоральное измерение, как чувство, связанное с будущим, и вместе с тем указывает на пространственность тревоги: «В психологическом дискурсе, например, тревога упоминается не только как аффективная реакция на ожидаемое или прогнозируемое событие, но

и как нечто “спроецированное” на других в смысле вытеснения или перемещения — то есть как качество или чувство, которое субъект отказывается признавать в себе и пытается найти в другом человеке или вещи (обычно в качестве формы наивной или бессознательной защиты)» [Ngai, 2005: 210]. Итак, тревога подразумевает неопределенность и сопутствует ожиданию потенциально опасной ситуации. Кроме того, как показывает последняя цитата, тревога нередко связана с иррациональным, постоянно или временно недоступным для осознания, определения или именованя. Рассмотренные выше снимки как раз создают визуальное повествование, основанное на неопределенности. Демонстрируя последствия уже произошедших событий, они нагнетают ожидание подобных событий в будущем. Отказ от прямой репрезентации врага работает не столько на когнитивное формирование его образа, сколько на чувственную составляющую зрительского восприятия: не будучи представленным, этот образ формируется в воображении, перестает обладать конкретикой, а, значит, становится более тревожным. Конечно, враг поименован, ведь фотографии сопутствуют статьям и снабжены подписями. Тем не менее, отказ от изображения создает зону визуальной неопределенности. Фотография всегда фиксирует то, что было, и отсутствие изображения в этом регистре визуального открывает измерение будущего — территорию, где нечто еще может произойти. Учитывая ставку журнала «Life» на создание образа американской жизни через визуальные коды и нормализацию изображенного, можно сказать, что тревога переходит в область нормализованной повседневности, становясь ее неотъемлемым элементом, а присутствие врага за океаном становится поводом для постоянно ощущаемой тревоги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ryrie A.* Фотография. Между документом и современным искусством. СПб.: Клаудберри, 2014.
- Luce H.* The American Century // *Diplomatic History*. Vol. 23. No. 2, 1999. P. 159–171.
- Ngai S.* *Ugly Feelings*. Cambridge, London: Harvard University Press, 2005.
- Webb Sh.* *Creating Life: “America’s Most Potent Editorial Force” / Journalism & Communication Monographs*. 2016. Vol. 18 (2). P. 55–108.

**ОБРАЗ США В МАССОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ
СОВЕТСКИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ
АМЕРИКАНСКИХ ВЫСТАВОК В СССР
(1973–1976)**

Фоминых Алексей Евгеньевич

*Марийский государственный университет
alexeyfominykh@yahoo.com*

Аннотация. В статье анализируется восприятие Соединенных Штатов аудиторией передвижных тематических выставок, организованных в СССР Информационным агентством США (ЮСИА) в 1970-е гг. Показы экспозиций «Туризм и отдых в США» (1973–1974) и «Техника и жилище в США» (1975–1976) с успехом прошли в 11 городах Советского Союза. ЮСИА тщательно фиксировало типичные вопросы и комментарии посетителей, их реакцию на экспонаты, а также локальные особенности поведения советской публики и ее отношения к США.

Ключевые слова: публичная дипломатия, пропаганда, ЮСИА, выставка.

**IMAGE OF THE UNITED STATES
IN POPULAR PERCEPTIONS OF VISITORS
OF AMERICAN EXHIBITIONS IN THE USSR
(1973–1976)**

Fominykh Aleksei Evgenievich

Mari State University

Abstract. The article analyzes perceptions of the United States by the audience of travelling thematic exhibitions organized by the United States Information Agency (USIA) in the USSR during the 1970s. The showings of «Outdoor Recreation USA» (1973–1974) and «Technology for the American Home» (1975–1976) were a huge success in eleven Soviet cities. The USIA thoroughly recorded typical questions and comments from visitors and their reaction on exhibits, as well as local features of behavior and mass perceptions of the USA by the Soviet people.

Keywords: public diplomacy, propaganda, USIA, exhibition.

Важнейшей частью советско-американских культурных обменов периода Холодной войны были тематические выставки. После первых общенациональных экспозиций лета 1959 года — советской выставки в Нью-Йорке и американской в Москве — стороны ре-

гулярно демонстрировали друг другу свои достижения в области науки и технологий, в культуре и социальной сфере. До замораживания культурных связей в 1979 г. из-за ввода советских войск в Афганистан Информационное агентство США (ЮСИА) провело еще 16 передвижных тематических экспозиций в 25 советских городах. Туры двух последних американских выставок («Информатика в жизни США» и «Дизайн США») проходили уже в годы перестройки до самого распада СССР. Подобные выставки, наряду с кинопрокатом, театральными гастролями, научными и образовательными обмeнами, являлись одним из немногих «легальных» каналов информирования населения двух противоборствующих государств о различных сторонах жизни друг друга. Условия соглашения о культурных обменах (Соглашение Лэйси - Зарубина) 1958 г. ограничивали степень вмешательства принимающей стороны в программу таких показов. Это давало устроителям экспозиций (Госкомитету СССР по культурным связям с зарубежными странами и ЮСИА) возможность использования выставок в качестве канала внешнеполитической пропаганды, ориентированной на население державы-соперника [Нагорная, 2017: 4].

К 1970-м гг. выставочные обмены между США и Советским Союзом приобрели устойчивый характер. ЮСИА уже обладало богатым опытом проведения массовых зрелищных мероприятий для советской публики. Сбором и обработкой информации, получаемой на выставках, занималась собственная аналитическая служба агентства (в разные годы именовалась Office of Research, Research Service или Office of Research and Media Reaction). Конечной целью аналитической работы ЮСИА являлась не только коррекция собственной повестки в отношении СССР, но и информирование Госдепартамента и президентской администрации о политической и экономической ситуации в Советском Союзе, о преобладающих общественных настроениях, об отношении советских граждан к тем или иным проблемам мировой политики и советско-американских отношений.

Предпринимаемые аналитиками ЮСИА усилия можно с полным основанием определить современным термином OSINT (open source intelligence), или разведкой с использованием открытых источников. Количество посетителей типичной передвижной выставки даже в не самом крупном советском городе могло исчисляться сотнями тысяч человек; многие из них заполняли различ-

ные анкеты, беседовали с американскими гидами, оставляли комментарии в книгах отзывов и т. д. Таким образом, до изобретения цифровых технологий обработки массивов информации, которыми располагают аналитики XXI века, ЮСИА, по сути, уже работало с «большими данными». Это позволяет говорить об аналитических записках по итогам выставок (Research Memoranda) как о репрезентативном источнике, отражающем типичное восприятие советской публикой Америки и оценочные суждения американцев о населении СССР [Фоминых, 2023].

В середине 1970-х гг. алгоритм демонстрации американских экспозиций в СССР был уже хорошо отработан: как правило, любая выставка должна была быть показана в Москве, а также в одной или нескольких столицах союзных республик (но никогда — в Прибалтике!) и в областных центрах (или столицах автономий в РСФСР). Примерами такой схемы могут служить две отраслевые выставки, отчетность по которым хорошо документирована в относящихся к ЮСИА фондах Национального архива США (NARA).

Выставка «Туризм и отдых в США» (Outdoor Recreation USA) перемещалась по СССР целый год: стартовала в Москве в мае 1973 г., затем была показана в Уфе, Иркутске, Ереване, Кишиневе и завершилась в Одессе в мае 1974 г. Экспозиция «Техника и жилище в США» (Technology for the American Home) была еще более продолжительной: открылась в Ташкенте в январе 1975 г. и далее прокатывалась в Баку, Москве, Запорожье, Ленинграде — до закрытия в Минске в марте 1976 г. По оценкам агентства, аудитория показов составила, соответственно, 1,5 млн. и 1,2 млн. человек. По итогам каждой экспозиции ЮСИА готовило сводный отчет об общественных настроениях в Советском Союзе (в оригинале — *Observations of Soviet Public Opinion*); также писались промежуточные отчеты, в которых фиксировались детали показа в двух-трех городах (например, «Запорожье, Ленинград, Минск» или «Уфа, Иркутск»).

Проведенные ЮСИА исследования основаны главным образом на отчетах американских гидов, изучении книг отзывов, общих впечатлениях от посещенных городов и атмосферы вокруг мероприятий. Тема массовых представлений советских граждан об Америке является в этих документах одной из основных.

Эти представления, по оценкам ЮСИА, формировались под влиянием нескольких факторов.

Во-первых, это достаточно фрагментарные базовые знания советского населения об Америке, сложившиеся под воздействием официальных средств массовой информации, а также литературы (художественной и публицистической) и кинематографа. Вклад собственно американских источников (печатной продукции, радиовещания, тех же выставок) оценивался как важный, но незначительный по охвату аудитории. Закрытость советского информационного поля от западных источников информации и преобладание в этом поле коммунистической пропаганды приводили, по мнению ЮСИА, к искаженному восприятию западной действительности, гиперболизации ее негативных черт. Уровень базовых знаний о США сильно варьировался в зависимости от уровня образования и широты кругозора аудитории, что, в свою очередь, во многом определялось местом проживания. Так, жители Москвы и крупных промышленных центров, как правило, проявляли большую осведомленность о США и открытость к контактам с американцами, чем представители небольших городов или труженики села.

Во-вторых, в отсутствие доступа к информации с Запада жителям СССР было свойственно проводить прямые аналогии (или проекции) советских повседневных реалий на Америку, либо вообще создавать нелепые (с точки зрения американцев) домыслы, основанные на слухах и фантазиях.

Основным предметом обеих рассматриваемых выставок были американские товары и технологии, поэтому большинство вопросов касалось доступности демонстрируемых изделий, уровня доходов и покупательной способности «простых американцев». В целом превосходство Америки в сфере производства товаров широкого потребления выглядело для советских людей убедительным, хотя и не бесспорным. В большинстве случаев показываемые товары нравились, но хватало и скептических комментариев:

«Это хорошо, но дорого».

«Мы производим такое же».

«И мы сегодня делали бы то же самое, если бы не война» [Research Memorandum M-15-74, 1974:2].

Одним из наиболее распространенных советских предубеждений о жизни в США было представление о массовой безработи-

це и бедности множества американцев. Советские граждане были убеждены в полной ликвидации безработицы у себя на родине, в то время как в Америке это явление проистекало из самой природы капитализма и потому считалось неустранимым.

Советские представления о политической системе США оценивались как поверхностные. Так, в СССР внимательно следили за ходом президентской предвыборной кампании 1976 г., но при этом часто не понимали разницы между ведущими политическими партиями. Американских гидов забавляли попытки переноса представлений о советской партийной жизни на американскую политику: например, вопросы о том, получают ли члены Республиканской или Демократической партии какие-то привилегии (руководящие должности, высокие зарплаты) по сравнению с «беспартийными американцами». Одновременно отмечалось бытование в Советском Союзе представлений о значительной роли Коммунистической партии США. Для многих было открытием узнать, что забастовки рабочих на американских предприятиях вызваны, как правило, чисто экономическими причинами и не сопровождаются выдвижением политических требований. Неизменную остроту приобретали диспуты посетителей и гидов о расовом вопросе в Америке, в особенности в связи с делом Анджелы Дэвис.

Многих посетителей американских выставок удивлял и расстраивал тот факт, что советские кинофильмы в США практически не известны, в то время как голливудская кинопродукция пользовалась в СССР большим успехом. Некоторые проекции звучали еще более странно. Одна из посетительниц выставки «Туризм и отдых в США» интересовалась, ссылают ли преступников-афроамериканцев на Аляску, «как в Советском Союзе депортировали крымских татар в Сибирь». Некоторые спрашивали о жизни «в американских колхозах». Аналогичным образом, в федеративном устройстве американского государства многим виделось подобие СССР с его этническими союзными республиками («На каком языке говорят в Нью-Джерси?»). Изумление афроамериканских гидов вызывали просьбы «сказать что-нибудь по-негритянски» («say something in Negro») [Research Memorandum M-15-74, 1974: 11].

В попытках проследить истоки формирования массовых представлений об Америке в СССР ЮСИА обращалось к теме кинопроката и популярной литературы. К примеру, на основании бесед

с посетителями экспозиции «Туризм и отдых в США» был составлен перечень фильмов, так или иначе повлиявших на складывание образа Америки в Советском Союзе. В аналитической записке называются такие картины, как «Генералы песчаных карьеров» (1971), «Погоня» (1966, в советском прокате с 1971 г.) с Марлоном Брандо и Джейн Фонда в главных ролях, или «Рабы» (1969) — все в жанре социальной или криминальной драмы. Среди книг в этом ряду назывались «Деловая Америка (Записки инженера)» Н. Н. Смелякова (1967) и «Одноэтажная Америка» И. Ильфа и Е. Петрова (1937). В числе наиболее популярных периодических изданий, публикующих новости о США, перечислялись «Литературная газета», «Правда», «Известия» и еженедельник «За рубежом» [Research Memorandum M-15-74, 1974: 7].

Отмечалась такая особенность советского социума, как бытование самых невероятных «городских легенд», связанных с США. Например, в начале 1975 г. прошел слух о кончине бывшего президента США Р. Никсона, причем многие рассказчики ссылались на некую новостную передачу «Голоса Америки» (в реальности не существовавшую) [Research Memorandum M-24-76, 1976: 5].

В отчетах ЮСИА отмечается, что подверженность советского населения государственной пропаганде не была всеобщей. В вопросах и комментариях многих зрителей порой проявлялся скептицизм по отношению к советскому строю. В редких случаях наблюдатели фиксировали и диссидентские проявления. Так, среди отзывов выставки «Техника и жилище в США» фигурируют такие записи:

«Теперь мы увидели, как загнивает капитализм».

«Продолжайте в том же духе, не дайте коммунистам победить».

«Нам остается только завидовать вам. (подпись: жители Средневековья)» [Research Memorandum M-24-76, 1976: 6].

Во время показа выставки в Минске сотрудники ЮСИА заметили, что в книге отзывов систематически стирались позитивные комментарии и добавлялись записи критического содержания. Крайне недоброжелательным показалось отношение к экспозиции «Туризм и отдых в США» представителей компартии Молдавии. В отчете по итогам показа в Кишиневе отмечается, что местные «агитаторы» убеждали посетителей в том, что гидами на выставке работают сотрудники ЦРУ или сионисты, и в беседы с ними

вступать не следует, поскольку за такими контактами наблюдает КГБ [Research Memorandum M-14-74, 1974: 7]. Однако при следующем показе в Одессе, согласно тому же отчету, все было сделано для успешной работы выставки и приятного пребывания в городе ее персонала.

Некоторые особенности поведения местной публики аналитики ЮСИА увязывали с этническим фактором. Так, в Ереване только за первую неделю показа было отмечено более 200 попыток приобрести экспонируемые автомобили прямо на выставке. Свою готовность к сделке потенциальные армянские покупатели иногда подкрепляли крупными суммами денег, которые приносили с собой. В Одессе многие жители интересовались возможностью выехать из СССР вместе с американской выставкой или добиться при посредничестве гидов приглашения от посольства США для оформления советской выездной визы [Research Memorandum M-14-74, 1974: 6-7]. Некоторые гости из прибалтийских республик (в Минске — приезжие литовцы, в Ленинграде — эстонцы) намеренно задавали вопрос, почему выставки не показываются в Латвии, Литве и Эстонии. На это гиды ожидаемо давали стандартный ответ («США не признают вхождение этих республик в состав СССР») — «к немалому смущению русской публики» [Research Memorandum M-24-76, 1976: 17].

Таким образом, ЮСИА использовало выставки в СССР как уникальную площадку для «полевых» социологических исследований, в которых изучение общественного мнения населения СССР о США занимало одно из центральных мест. Анализ получаемой на выставках информации позволил определить общий уровень осведомленности советской публики о Соединенных Штатах (как довольно невысокий) и выявить наиболее распространенные стереотипы об американской политике и образе жизни, над устранением которых ЮСИА работало в последующие годы. Аналитика агентства также достаточно точно выявила наиболее уязвимые места советской экономической и государственной системы, что, несомненно, было использовано на «культурном фронте» Холодной войны США против СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нагорная О. С. «Лимон» за худший павильон: выставочная дипломатия послевоенного СССР // Управление в современных системах. 2017. № 4. С. 3-9.

Фоминых А. Е. Аналитические записки Информационного агентства США по итогам тематических выставок в Советском Союзе (1961–1979) // Американский ежегодник 2023 / Отв. ред. проф. В. В. Согрин. М.: Весь Мир, 2023. С. 180–202.

National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U. S. Information Agency. Entry 64. Office of Research and Media Reaction. Box 32. Research Memoranda, 1963–99. Research memorandum M-14–74. USSR: “Outdoor Recreation USA Exhibit — Final Report. (Yerevan, Kishinev, Odessa showings December 1973 — May 1974) (October 17, 1974).

National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U. S. Information Agency. Entry 64. Office of Research and Media Reaction. Box 32. Research Memoranda, 1963–99. Research Memorandum M-15–74 — Observations on Soviet Public Opinion (October 31, 1974).

National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U. S. Information Agency. Entry 64. Office of Research and Media Reaction. Box 32. Research Memoranda, 1963–99. Research Memorandum M-24–76 — Observations of Soviet public opinion (July 14, 1976).

Раздел 4
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ
СЕБЯ И ДРУГОГО
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ СССР И США

**ФБР И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА США
В УСЛОВИЯХ НАЧАЛА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ³⁷**

Левин Ярослав Александрович

*Самарский государственный технический университет
yaroslavlevin1992@mail.ru*

Аннотация. Начало глобального противостояния США и СССР — Холодной войны — стало шоком для американского общества. Эти перемены происходили на фоне важных политических процессов. Все эти факторы прямо повлияли на зарождение маккартизма — ультраконсервативного неформального движения в Конгрессе, которое имело теснейшие контакты с ФБР. Цель статьи — рассмотреть, как такое явление общественной жизни Америки, как маккартизм, и его связь с ФБР было отражено в средствах массовой информации и культуре, и каков взгляд на это явление в современных медиа.

Ключевые слова: Маккартизм; ФБР; Джозеф Маккарти; Дж. Эдгар Гувер; политический радикализм; имагология.

**FBI AND US POPULAR CULTURE
AT THE BEGINNING COLD WAR¹**

Levin Yaroslav Alexandrovich

Samara State Technical University

Abstract. The beginning of a global confrontation between the United States and the USSR — the Cold War, came as a shock to American society. These changes took place against the backdrop of important political processes. Frank-

---

³⁷ <https://alphahistory.com/coldwar/wp-content/uploads/2013/03/dossier-start-bg5-e1601481636702.jpg> (date accessed: 27.08.2024).

lin Roosevelt's administration was gradually replaced by the team of the new president, Harry Truman, who, unlike his predecessor, was unable to establish the same trusting and effective working relationship with the Federal Bureau of Investigation. All these factors directly influenced the emergence of McCarthyism — an ultraconservative informal movement in Congress, which had close contacts with the FBI and had a huge impact on the US policy 1940s — 1950s. The purpose of this article is to consider how such a phenomenon of American public life as McCarthyism and its connection with the FBI were reflected in the media and culture and how this view changed in modern media.

Keywords: McCarthyism; FBI; Joseph McCarthy; J. Edgar Hoover; political radicalism; imagology.

Окончание Второй мировой войны стало поворотным моментом в мировой истории, а также важным рубежом в истории Федерального бюро расследований. Вопреки идилическим ожиданиям большей части общества, рассчитывавшей на «новую эпоху мира», администрация президента Гарри Трумэна достаточно быстро взяла курс на одностороннее усиление влияния США на мировой арене в ущерб советским интересам [Холодная война, 2003; O'Brien, 1995; Paterson, 1999]. Эти перемены очень хорошо резонировали со взглядами на Советский Союз, царившими в ФБР, директор которого за годы войны и предшествующий период накопил довольно весомую фактологическую базу об обширной работе разведки СССР в Америке. Однако именно период президентства Трумэна отмечен парадоксальной ситуацией, в которой, одновременно усиливая роль ФБР, администрация всячески пыталась ограничить влияние этой службы [Theoharis, 1977: 110; Theoharis, 2000: 79].

Неготовые дать агентам полный простор для действий, Трумэн и его либеральная администрация, в большинстве своем состоящая из наследников «Нового курса», были неудобны шефу ФБР, поэтому, наряду с пропагандой коммунистической опасности, Бюро, по сути, способствовало подрыву авторитета президента и его администрации [Theoharis, 1988: 312].

Наиболее успешным в рамках развернутой ФБР кампании оказалось сотрудничество этой службы с сенатором Дж. Маккарти, который особо рьяно пропагандировал среди американцев идеи о засилье коммунистических шпионов и бессилии администрации Трумэна. Восхождение Маккарти началось с речи в г. Уилинг (Западная Вирджиния), в которой он утверждал, что в Госдепар-

таменте засели коммунисты, и с ними даже не пытаются по-настоящему бороться, что администрация Трумэна слаба и сама переполнена сочувствующими коммунизму кадрами из числа сторонников Франклина Рузвельта. Столь громкие обвинения и резкая критика президента очень быстро приковали к Маккарти внимание СМИ и американского общества, довольно тяжело переживающего начало Холодной войны, и потому очень уязвимо к подобным идеям. ФБР тоже быстро заинтересовалось эпатажным сенатором [Memorandum for the Director, 1950]. Достаточно быстро Маккарти заручается поддержкой Бюро и обзаводится контактами с ФБР и его одиозным руководителем.

Поскольку маккартисты ставили своей целью в том числе «очищение культуры от коммунистов или «попутчиков» (сочувствующих) мировому коммунизму» это движение с самого начала серьезным образом влияло на медиа в широком смысле. Прежде всего, практически с того момента, как вокруг Маккарти сформировался значительный круг сторонников, это движение начало собирать информацию о деятелях культуры, которые были коммунистами или являлись сочувствующими. Итогом этой «работы» стало создание памфлета, известного как «Красные каналы: Отчет о влиянии коммунистов на телевидение и радио» (англ. Red Channels: The Report of Communist Influence in Radio and Television) [Griffith, 1970: 38].

Данное произведение суммировало «результаты расследований» маккартистов и содержало 151 имя известных деятелей культуры и науки. Стоит заметить, что уже в подготовке этого памфлета хорошо прослеживается тесная связь ФБР с движением маккартистов. Предварительный вариант рукописи был направлен Эдгару Гуверу, по указанию которого агенты из «Отдела регистрации преступлений» (фактическая пресс-служба ФБР) дополнили его рядом фамилий и расширили список обвинений по отдельным деятелям. Выйдя в 1950 г. как отдельная небольшая книга, «Красные каналы» стали «библией маккартизма». В силу нараставшего на тот момент влияния Маккарти и его соратников в Конгрессе и обществе, практически все, кто был упомянут в этой книге, потеряли работу, подверглись фактическому ostracismu и быстро стали целью «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» при Палате представителей [Fried, 1997: 44–46].

Фактическими авторами «Красных каналов» были сотрудники редакции главного СМИ маккартистов — еженедельника «Контрата-

ка» (англ. Counterattack). Этот журнал был создан в мае 1947 г. бывшими сотрудниками ФБР и первыми консервативными публицистами, воспринявшими риторику Гувера, а позже — Маккарти. Это издание представляет куда больший интерес, чем даже «Красные каналы», которые были, по сути, выжимкой из наиболее популярных статей журнала. «Контратака» позволяет судить о взглядах представителей этого движения на мир, политику, на отношения США с мировым сообществом. Так, авторы журнала называли ООН частью «мировой организации коммунистов» и всеерьез предлагали, чтобы США вышли оттуда; вся внутренняя и внешняя политика предыдущей администрации была названа «двадцать лет предательства»; Рузвельта осуждали за то, что тот снисходительно, если не сочувственно, относившийся к коммунизму, позволил войти в состав своей администрации огромному количеству коммунистов или даже агентов советской разведки. Ненамного лучше на страницах журнала отзывались и о Трумэне, Госдепе и университетской профессуре [Scherecker, 1998: 138].

В целом идеология маккартизма, представленная в этом издании, основывалась на нескольких основных постулатах: 1) Конспирология. Теория о всепроникающем заговоре «международного коммунизма, который даже больше его главного оплота — Советского Союза»; 2) Палеоконсерватизм. Маккартисты выступали апологетами не просто консервативной идеи, но ее самого радикального выражения; например, они считали, что ряд технических новинок и в целом научно-технический прогресс должны быть заторможены или должны находиться под плотным контролем правительства. 3) Союзники. В условиях нарастающей Холодной войны единственным государственным институтом, которому можно доверять, становится ФБР. Это положение представляется абсолютно логичным с учетом истории маккартизма и его прочных связей с руководством этой спецслужбы; 4) Внутренние враги. Поскольку маккартизм вышел из среды консерваторов Республиканской партии, то неудивительно, что особый антагонизм это движение испытывало к Демократической партии. В наиболее радикальном своем выражении маккартисты предлагали сломать двухпартийный компромисс и вывести вторую крупнейшую партию из политического поля, фактически, в «чрезвычайных условиях» предлагая плавный переход к однопартийной диктатуре [Scherecker, 1998: 144; Scherecker, 2002: 180].

Медийное сопровождение этого движения не могло обойтись без кинематографа. Несмотря на жесткое давление на Голливуд, маккартисты спокойно сотрудничали с теми кинодеятелями, которые были готовы транслировать их идеи. Наиболее значимыми промаккартистскими фильмами стали «Женщина на пирсе 13» (также демонстрировался под названием «Я вышла замуж за коммуниста») 1949 г. и «Я был коммунистом для ФБР» 1951 г. Эти типично маккартистские фильм проникнуты всеми основными догмами движения, в особенности идеей тотального заговора коммунистов, проникнувших во все сферы общественной жизни Америки [Doherty, 2005: 30].

Вполне естественно, что пристальное внимание маккартистов и их союзников из ФБР к сфере культуры, привело к критическому отношению к этому движению [Scherecker, 1998: 154]. Одним из первых таким образом высказывается о нем известный писатель Ирвин Шоу в своем романе 1950 г. «Растревоженный эфир» (также встречается перевод «Взвихренный воздух», англ. *The Troubled Air*). В этом политическом триллере повествуется о судьбе вымышленного популярного автора и ведущего радио-шоу «Университетский городок» Клементе Арчере, который сталкивается с политическим преследованием своей команды за связи и «сочувствие коммунизму». Хотя ни Маккарти и его сторонники, ни ФБР прямо не называются, читатель с легкостью узнает прообразы главных идеологов травли команды ведущего. Заканчивается роман трагически: один из членов творческой группы Арчера кончает жизнь самоубийством, другой его коллега оказывается радикальным коммунистом и уходит в подполье для борьбы с правительством США. Стремясь защитить друзей и коллег, герой сам чуть не становится объектом преследования, почти теряет свою радиопередачу, а также оказывается в состоянии глубокого личного горя в связи с гибелью новорожденного сына [Buckey, 1977: 25–28].

Еще одним важным произведением, критикующим феномен маккартизма, стала пьеса 1952 г. «Суровое испытание» (англ. *The Crucible*) драматурга и писателя Артура Миллера. Сюжет этой работы основывался на знаменитых процессах над Салемскими ведьмами (1692–1693 гг.) и представлял собой мрачную аллегорию на маккартизм. Персонажи, оказавшись в плену целого ряда обстоятельств, были вынуждены называть властям имена все новых

и новых «ведьм». Автор показывал, как один раз раскрутив маховик репрессий, трудно его остановить. Это произведение оказалось более значимым и медийно востребованным, чем роман Шоу. Артур Миллер также окажется в маккартистских списках в 1956–1957 гг. и вернется к активной творческой работе уже в 1960-х гг. Интересные параллели прослеживаются в фигурах двух главных обвинителей на процессах в романе — священника Джона Хейла и вице-губернатора Томаса Дэнфорта. Первый предстает экзальтированным фанатиком, второй же в ряде сцен демонстрирует безразличие к проблемам «колдовства» как такового. Куда больше его заботит власть, ее сохранение и приумножение, что и объясняет его желание поиска «ведьм». Сразу несколько литературоведов приходят к выводу, что образы Хейла и Дэнфорта являются аллюзиями на Маккарти и Гувера [см.: Schrecker, 2002]. В 1957 г. пьеса «Суровое испытание» получила первую экранизацию. Фильм «Салемские ведьмы» (фр. *Les Sorcières de Salem*) режиссера Рамона Руло стал совместным производством Франции и ГДР, сценарий на основе пьесы Миллера написал Жан-Поль Сартр. В фильме сыграли звезды европейского кино того времени — Ив Монтан, Симона Синьоре и Милен Демонжо. В англоязычных странах фильм показывался под оригинальным названием. Одной из особенностей фильма стало то, что Сартр значительно изменил концовку. Если в оригинальной пьесе главный герой, обвиненный в колдовстве и принявший обвинение чтобы спасти жену, погибает, и на этом пьеса фактически заканчивается, то фильм показывает, как парализованный страхом город постепенно восстает против «охотников на ведьм» и как жена главного героя сохраняет жизнь доносчице на нее и мужа [Fried, 1990: 79].

Завершая статью, отметим две ключевые темы в этих произведениях о маккартизме. Во-первых, атмосфера подозрительности, нарастание паранойи в обществе, фактически поощряемые и поддерживаемые государством; во-вторых, роль личности в подобных ситуациях, способность человека сохранять гуманность по отношению к другим, способность сострадать и прощать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Холодная война. 1945–1963 гг. / Под ред. Н. И. Егоровой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003.

Buckley W. F. A Hymnal: The Controversial Arts. Chicago. G. P. Putnam's Sons, 1977.

Doherty T. Cold War, Cool Medium: Television, McCarthyism, and American Culture. N. Y.: Columbia Univ. press, 2005.

Fried A. McCarthyism, The Great American Red Scare: A Documentary History. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1997.

Fried A. Nightmare in Red: The McCarthy Era in Perspective. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1990.

Griffith R. The Politics of Fear: Joseph R. McCarthy and the Senate. Univ. of Massachusetts Press, 1970.

Memorandum for the Director. National Archives and Records Administration. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100-398328 (Joseph McCarthy). 12 March 1950.

O'Brien K. P., Parsons L. H. (Eds.) The Home Front: World War II and American Society. Westport: Praeger, 1995.

Paterson T. The Origins of the Cold War. Madison: Wadsworth Publishing, 1999.

Schrecker E. The Age of McCarthyism: A Brief History with Documents. N. Y.: Palgrave Macmillan. 2002.

Schrecker E. Many Are the Crimes: McCarthyism in America. Boston: Little, Brown and Co. 1998.

Theoharis A. G. Seeds of Repression: Harry S. Truman and the Origins of McCarthyism. N. Y.: Quadrangle Books. 1977.

Theoharis A. G., Cox J. S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. Temple: Temple Univ. Press. 1988.

Theoharis A. G. (Ed.). The FBI: A Comprehensive Reference Guide. N. Y.: Greenwood. 2000.

ОБРАЗ СССР В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ США СЕРЕДИНЫ 1950-х — 1970-х гг.³⁸

Юдин Кирилл Александрович

Ивановский государственный химико-технологический университет

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

kirill-yudin.hist@mail.ru

Аннотация. Исследование обращено к специфике трансформации образа СССР на американском культурном пространстве. Показывается,

---

³⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

что на его формирование, динамику восприятия обществом и государством влияли различные факторы: десталинизация в СССР, завершение маккартизма, стиль и доктринальные приоритеты президентов США. Делаются выводы о том, что это приводило к амбивалентности, сосуществованию консервативно-оборонительных и нейтрально-конструктивных, позитивных имагологических тенденций.

Ключевые слова: Холодная война, образ СССР, общественно-политический дискурс, культура США, имагология.

THE IMAGE OF THE USSR IN THE SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE AND CULTURAL SPACE OF THE USA IN THE MIDDLE 1950s — 1970s

Yudin Kirill Aleksandrovich

*Ivanovo State University of Chemistry and Technology
Herzen University*

Abstract. The study addresses to the specifics of the transformation of the USSR image in the American cultural space. It is shown that its formation, the dynamics of perception by society and by the state were influenced by various factors: de-Stalinization in the USSR, the end of McCarthyism, the style and doctrinal priorities of the US presidents. Conclusions are made that this led to ambivalence, the coexistence of conservative-defensive and neutral-constructive, positive imagological tendencies.

Keywords: Cold War, image of the USSR, socio-political discourse, US culture, imagology.

В середине 1950-х гг. наметились тенденции по некоторому улучшению советско-американских отношений. Они составили активно продолжающийся исследоваться в историографии с разных концептуально-тематических ракурсов феномен «холодного потепления» [Рябов и др., 2023; Зубков, 2006; Левин, Буранок, 2019; Мирошников, 2015; Нечипорук, 2023; Смирнов, 2024; Филимонов, 2012; Юдин, 2024; Belmonte, 2008; Cull, 2008; Underhill, 2017]. С одной стороны, уход из жизни И. В. Сталина и американским правительством, и обществом воспринимался с долгожданным облегчением и даже некоторым чувством злорадства. С другой стороны, для Белого дома было очевидно, что ослабление напряженности, связанное с устранением «фактора Сталина», потребует коррекции пропагандистской работы и внутри страны, в которой нарастало встречное сопротивление маккартизму на государ-

ственном уровне («Декларация совести» М. Ч. Смит) и отторжение на уровне культурном (в фильмах, карикатуре); шло осознание того, что маккартизм не тождествен антикоммунизму и тем более эталону американизма [Юдин, 2024: 51].

Как полагают исследователи, конференция в Женеве 1955 г. стала началом первой оттепели в советско-американских отношениях не только формально-дипломатической, но и реально культурно-коммуникативной [Мирошников, 2015: 189]. Но администрация Д. Эйзенхауэра еще не могла пойти на радикальную трансформацию методов борьбы с коммунизмом. Это отразилось на содержании, тематике публикаций, исходивших от консервативных кругов, руководителей спецслужб, продолжавших оставаться, по выражению С. Андерхилла, «узниками» [Underhill, 2017] старого дискурса, следовавших по пути «риторического прагматизма» и сохранявших убеждения о неизменной сущности коммунистического государства, несмотря на смену его лидера. Стоит упомянуть работы, опубликованные под именем руководителя американских спецслужб — директора ФБР Дж. Э. Гувера — «Люди в подполье» (1938), «Мастера обмана: история коммунизма в Америке и как с ним бороться» (1958) и «Изучение коммунизма» (1962). Несмотря на установленное в историографии фактически коллективное авторство данных публикаций [Левин, Буранок, 2019], они, адресованные массовой аудитории, сыграли существенную роль в создании профессионально-институционального антикоммунистического дискурса в культурном пространстве Холодной войны. Это было направлено на поднятие имиджа Федерального бюро и самого Дж. Э. Гувера, вдохновлявшего личным примером простых американцев на служение нации, защиту ее от «красной угрозы».

Американские журналисты, побывавшие в СССР в этот период времени, тоже создавали противоречивый образ, в котором сочувственно-благожелательный тон, связанный с воспоминаниями о союзнических отношениях в годы Второй мировой войны или о еще не утраченном культурно-цивилизационном потенциале «старорежимной», царской России, не был свободен от личных пристрастий, в том числе подкрепленных имагологическими стереотипами начального этапа Холодной войны [см. подробнее: Нечипорук, 2023]. Не было единства мнений и у российской эмиграции. Американскими консервативными кругами по-прежнему,

как и на начальном этапе Холодной войны, использовался религиозный дискурс, создававший негативные представления о безбожном СССР, «красном дьяволе». Это было отражено и в вышеупомянутых работах Дж. Э. Гувера, в которых выстраивалась символическая пара «коммунизм — сатанизм» [Левин, Буранок, 2019: 382]. Особым феноменом внутренней жизни американского общества был так называемый «телеевангелизм», заключающийся в использовании СМИ для распространения христианских идеалов.

В то же время, в конце 1950-х — середине 1960-х гг., несмотря на геополитические катаклизмы, происходит «культурный поворот» во взаимоотношениях между СССР и США. Еще до подписания Соглашения Лэйси-Зарубина администрация Д. Эйзенхауэра делает ставку на культурно-дипломатические инструменты. 7 июля 1954 г. Д. Эйзенхауэр запросил у Конгресса 5 млн. долларов для президентского фонда, которые предполагалось потратить на поддержку американских торговых выставок и организацию гастролей американских деятелей искусств за рубежом [Мирошников, 2015: 189]. Особое внимание было уделено контролю над музыкальной культурой, трансляции джаза, рок-н-ролла как визитной карточки США. Это стало важнейшей составляющей вещания «Голоса Америки»; в сетке эфира передача «Музыка в Америке», которую курировал У. Коновер, пользовалась огромной популярностью [Cull, 2008: 107]. Общее тяготение молодежи к современной поп-культуре становилось важным способом нейтрализации дискурса Холодной войны, проявлением общности интересов новых поколений разных стран независимо от политических систем и идеологий.

На формирование образа СССР в США в немалой степени влияли переходные состояния, связанные с предвыборными кампаниями президентов США, которые усугубляли имагологическую двойственность. Так, Дж. Кеннеди и Р. Никсон соревновались в антикоммунизме, чтобы повысить свой рейтинг у избирателей и создать репутацию защитников американской демократии, избежав упреков в уступках «врагу номер один». В то же время внешнеполитическая философия «Новых рубежей» при Дж. Кеннеди стала существенным фактором отхода от наиболее агрессивных и радикальных стереотипов Холодной войны в отношении СССР. В своей предвыборной речи в июне 1960 г. Дж. Кеннеди

сказал: «Наша задача состоит в том, чтобы восстановить нашу силу, мощь свободного мира, чтобы доказать Советам, что время и ход истории не на их стороне, что баланс мировых сил не склоняется в их сторону и что, следовательно, мирное урегулирование необходимо для взаимного выживания» [Мельников, 1970]. Об объективных и очевидных преимуществах капитализма, благосостоянии американцев, основанном на достижениях в сфере производства товаров массового потребления, сообщалось в различных брошюрах, издаваемых по линии ЮСИА [Belmonte, 2008: 134], что подкреплялось наглядно, например, на Американской национальной выставке в Сокольниках в июле 1959 г. Благожелательность к СССР и его гражданам, которые могли желать того же, что и простые американцы — комфортных условий для жизни, — и чья позиция не обязательно совпадает с позицией лидера страны, Н. С. Хрущева, его взглядами на перспективы коммунизма, выраженными в эмоциональной экспрессивности [Зубков, 2006: 106], стала неким имагологическим трендом и лейтмотивом «холодного потепления», распространившегося в той или иной степени и на Л. Джонсона, и на период «имперского президентства» [Фурсенко, 1989: 6] Р. Никсона и далее.

В 1970-е гг. состоялась реализация масштабных выставочных программ, развивалось активное сотрудничество между американскими и советскими музеями, искусствоведами, кинематографистами, что способствовало закреплению позитивного представления об СССР как хранителе мирового культурного наследия. Это сопровождалось публикациями, в которых общественные деятели США, такие как инициатор и создатель Американско-русского института в Сан-Франциско Х. Робертс, промышленник из Огайо Э. Лэмб, представитель Национального совета советско-американской дружбы Р. Морфорд, писали о наступлении новой эры — мирного существования, при котором «“холодная война” между нашими странами смягчается по мере роста взаимного доверия» [Советский Союз глазами американцев, 1979: 286].

При этом «фундаментализация» американизма продолжалась в это время традиционными способами, связанными с поощрением деятельности различных фондов, стипендиальных программ. В 1961 г. администрацией Дж. Кеннеди был создан «Корпус мира» («Peace Corps»), основной функцией которого было социальное

мессианство — популяризация американского образа жизни, гуманизма и прогрессивности массовой культуры среди молодежи стран Азии, Африки, Латинской Америки. Добровольцы, служившие в «Корпусе», стремились продемонстрировать способность американцев работать с таким же энтузиазмом, «с каким работают в своей системе коммунисты», опровергнуть представления о США как о стране «стяжателей и материалистов» [Schlesinger, 1965: 209]. Существовали и другие различные филантропические организации и фонды («Север — Юг», фонды Форда, Рокфеллера, корпорация Карнеги), сетевые структуры [Филимонов, 2012: 203]. Отдельно следует упомянуть о консервативных организациях. Так, журналистом П. Вайрихом были созданы научно-исследовательские и аналитические центры — «Фонд наследия», «Комитет республиканских исследований», «Фонд свободного конгресса», «Американский совет по изменению законодательства» [Соколыцкий, 2015: 251].

Таким образом, можно сделать выводы о сложной структуре имагологических трансформаций, включавших в себя и консервативно-оборонительные в виде защиты американского пути, и «обновленческо-конструктивные», позитивные тенденции восприятия СССР. «Конфликтный этос» [Смирнов, 2024: 76] в американской культуре регулировался на институционально-государственном и общественном уровнях с учетом как текущей геополитической конъюнктуры, так и коммеморативных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мельников Ю. М.* Внешнеполитические доктрины США. Происхождение и сущность программы «Новых рубежей» президента Д. Кеннеди. М.: Наука, 1970.
- Зубков С. А.* «Лицом к лицу»: формирование международного имиджа Н. С. Хрущева в средствах массовой информации // Новый исторический вестник. 2006. № 15. С. 100–108.
- Мирошников С. Н.* Становление механизма информационно-психологической войны и «культурной дипломатии» в США в 1946–1956 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 196–194.
- Нечиторук Д. М.* Взгляд со стороны: американские журналисты о социально-экономическом развитии России и СССР в XX в. (1900–80-е гг.). Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023.
- Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А.* «Враг номер один»

в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023.

Смирнов Д. Г. Конфликтный этос культуры: семиотический дискурс // Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. № 3. С. 73–79.

Советский Союз глазами американцев. 1917–1977. Документы и материалы. М: Мысль, 1979.

Соколыцик Л. М. Подъем социального консерватизма в США (1970–1980-е гг.) // Вестник Пермского государственного университета. Серия: История. 2015. Вып. 1. С. 249–258.

Филимонов Г. Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность. М.: РУДН, 2012.

Фурсенко А. А. Президенты и политика США. 70-е годы. М.: Наука, 1989.

Юдин К. А. «Центр бури»: маккартизм в американской культуре и кинематографе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 1. С. 44–54.

Cull N. J. The Cold War and the United States Information Agency: American Propaganda and Public Diplomacy, 1945–1989. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

Schlesinger Jr., A. M. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston; Cambridge: Houghton Mifflin, 1965.

Underhill S. Prisoner of Context: The Truman Doctrine Speech and J. Edgar Hoover's Rhetorical Realism. https://mds.marshall.edu/communications_faculty/22/ (дата обращения: 19.07. 2024)

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В КОСМИЧЕСКОЙ ГОНКЕ: АМЕРИКАНСКАЯ ПРЕССА О «СПУТНИКЕ»

Лекаренко Оксана Геннадьевна

Томский государственный университет

olekarenko@gmail.com

Аннотация. Запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли, показавший отставание США в борьбе за первенство в освоении космоса, вызвал шквал публикаций в американской прессе. В статье на основе анализа публикаций в американских газетах прослеживается реакция американского общества на советский вызов. С октября 1957 г. по январь 1958 г. американцы испытали целый спектр эмоций: от страха, вызванного развитием ракетно-ядерных технологий, до надежды на победу в космической гонке.

Ключевые слова: американская пресса, освоение космоса, советско-американские отношения, холодная война, «шок Спутника»

«US» AND «THEM» IN THE SPACE RACE: THE AMERICAN PRESS ON «SPUTNIK»

Lekarenko Oksana Gennadyevna
Tomsk State University

Abstract. The launch of the first artificial satellite by the Soviet Union, which showed the US lagging behind in the fight for supremacy in space exploration, caused a flurry of publications in the American press. The article, based on an analysis of publications in American newspapers, traces the reaction of American society to the Soviet challenge. From October 1957 to January 1958, Americans experienced a whole range of emotions: from fear caused by the development of nuclear missile technologies to hope for victory in the space race.

Keywords: American press, space exploration, Soviet-American relations, Cold War, Sputnik shock

Одной из ключевых характеристик Холодной войны являлось соперничество США и СССР в различных областях, включая развитие науки и техники. Осваивая новые технологии, каждая из противоборствующих сторон стремилась обойти соперника и повысить собственную привлекательность в глазах потенциальных союзников [Печатнов, 2008: 117]. В 1950-е гг. США и СССР стремительно осваивали космос, захватывая воображение жителей Земли. Космонавтика, будучи средоточием передовых научно-технологических разработок, выступала в качестве своеобразной «витрины» развития национальной науки и промышленности [Фоминих, 2023: 504].

Стартом советско-американской борьбы за первенство в освоении космоса стал запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г. Через месяц СССР запустил второй спутник с собакой на борту. Запуск «Спутника-1» вызвал реакцию шока в американском обществе, осознавшем существенное отставание США в космической отрасли. Доверие населения к правительству, заявлявшему о беспорном превосходстве Америки в развитии космических технологий, было подорвано. В 1955 г. США объявили о планах запустить спутник в течение трех лет. Опасаясь возможного провала, Советский Союз не делал подобных громких заявлений, но в итоге опередил США, запустив собственный спутник.

Первую реакцию на запуск спутника можно обозначить как растерянность и паника, смешанные с удивлением и восхищением новой победой человеческого разума. Издававшийся торговой палатой США журнал «Nation's Business» назвал спутник «наиболее выдающимся достижением со времен кругосветного плавания Ф. Магеллана» [Nation's Business, November 1957]. Однако в условиях Холодной войны любопытство американцев быстро сменилось страхом и негодованием. Запуск спутника косвенно указывал на то, что СССР может производить межконтинентальные ракеты и управлять ими, что являлось серьезным ударом по безопасности США. В правительственных кругах США знали о том, что СССР планирует запустить спутник, и готовили ответную реакцию для американского общества, однако, когда это произошло, степень беспокойства американцев вызвала удивление правительства. В отличие от сдержанной реакции администрации Д. Эйзенхауэра, американская пресса не скупилась на критические замечания в адрес американских ученых, а также политиков, отвечающих за развитие космической программы. Показательной стала карикатура Дж. Берримана, напечатанная в газете «Ивнинг стар» 6 октября 1957 г. Она изображала американских ученых, жадно наблюдающих в телескопы [A Visual History, 1963]. Карикатура называлась «Кто-нибудь работает?». Автор критиковал ученых страны за то, что они следят за советским спутником вместо того, чтобы работать над собственным.

Спустя неделю после запуска спутника газета «Chicago Daily Tribune» отмечала, что американское общество погрузилось в «атмосферу истерики и безумной паники, как будто бы наступил конец света». «Воздух в эти дни, — писалось в газете, — был наполнен взаимными обвинениями, оправдательными объяснениями, призывами к научным исследованиям и увеличению ассигнований на них, созыву специальной сессии конгресса». Журналисты фиксировали наличие разговоров о том, что США потеряли свой престиж, и что единственный способ спасти свое лицо заключается в том, чтобы немедленно запустить пять ракет на Луну и таким образом «показать русским, кто есть кто» [Chicago Daily Tribune. 1957. 12 October].

Страх и негодование сменились нетерпением и тревогой за состояние американской науки. Американцы опасались отстать от

Советского Союза в космической гонке и критиковали темпы развития космической программы США. Демократическая партия использовала запуск спутника в своих политических интересах, обрушившись с критикой на республиканцев, допустивших отставание США. Губернатор Мичигана Г. Уильямс, выступая на собрании представителей Демократической партии из штатов Среднего Запада, заявил: «Мы столкнулись с пугающим вопросом, не станут ли США державой второго ранга, если орбита влияния Кремля расширится, и жители свободных и неприсоединившихся стран обнаружат американское лидерство в состоянии конфуза и неопределенности» [Chicago Daily Tribune. 1957. 18 October]. Он обвинил президента Д. Эйзенхауэра в том, что тот позволил Республиканской партии похоронить программу федеральной помощи образованию. Журналисты пытались провести собственное расследование: найти виноватых и установить причины американского отставания. В числе последних назывались недостаточные ассигнования на космическую программу, перфекционизм ученых, недостатки американской системы образования.

Панические настроения сопровождалась критикой и самокритикой. 20 октября газета «Chicago Daily Tribune» написала: «Мы должны признать, что Советы выиграли гонку. Мы проиграли в этой гонке, но вокруг нас много других соревнований, таких же или более важных. Мы должны сделать выводы из спутника и не проиграть в других гонках». Пресса обрушилась с критикой на советскую систему и образ жизни, что позволяло затмить научные успехи главного противника США в Холодной войне. «В одном мы можем быть уверены, — утверждала «Chicago Daily Tribune», — советское достижение не означает, что советская социальная система лучше, чем наша. Сосредоточение на спутнике означает, что кремлевские боссы намеренно лишают советских людей преимуществ лучшего образования, лучшей еды и товаров народного потребления. Это показывает, что прорыв был сделан ценой свободы и благосостояния граждан». Журналисты отмечали, что многие советские достижения, такие как атомная бомба или спутниковые технологии, были сделаны благодаря откровенной краже. «Мы не воруем секреты», — писала газета [Chicago Daily Tribune. 1957. 20 October]. Журналисты подчеркивали еще одну сильную сторону Соединенных Штатов — готовность делиться научной информаци-

ей с учеными других стран [Chicago Daily Tribune. 1957. 23 October]. Заявления о превосходстве американской системы содержались и в комментариях представителей администрации Д. Эйзенхауэра, которые таким образом стремились поместить советское достижение в определенный контекст.

Журналисты «Chicago Daily Tribune» признавали допущенные Америкой ошибки и недостаток целеустремленности, однако главной причиной отставания США называли американскую самоуверенность и отсутствие политического руководства работой ученых. В то же время они старались закончить на оптимистически-назидательной ноте: «Следует помнить, что мы не отстали безнадежно. Нет причины истерить по поводу советского достижения, но есть все основания волноваться по поводу американской самоуверенности и инертности» [Chicago Daily Tribune. 1957. 20 October]. В США также предпринимались попытки взглянуть на ситуацию под другим углом и найти положительные стороны того, что американцы не были первыми. Например, отмечалось, что, запустив спутник, СССР де факто установил принцип свободы космического пространства. Если бы США были первыми, советская пропаганда могла обвинить Америку в том, что она вторглась в воздушное пространство других государств с военными целями. После запуска советского спутника, подобные обвинения теряли смысл [Chicago Daily Tribune. 1957. 23 October]. Положительные стороны советского достижения отметил генеральный директор Международного агентства по атомной энергии С. Коул, по мнению которого запуск спутника продемонстрировал, что это возможно, и показал американскому народу необходимость интенсификации научных исследований [Chicago Daily Tribune. 1957. 7 November].

Американцы отреагировали более спокойно, когда 3 ноября 1957 г. Советский Союз запустил второй спутник. Это было более ожидаемым и предсказуемым событием, и Вашингтон на этот раз получил предварительную информацию от СССР о планируемом запуске. Газета «Wall Street Journal» отмечала, что американские военные и технические специалисты находились под впечатлением от успеха второго запуска, но уже не испытывали страха перед новым советским достижением [Wall Street Journal. 1957. 4 November]. Наличие на борту собаки по кличке Лайка, у которой не было шансов вернуться обратно на Землю, дало повод

газетчикам в очередной раз покритиковать советскую систему, на этот раз за негуманное обращение с животными [Wall Street Journal. 1957. 5 November]. Через два дня после запуска второго спутника газета «Evening star» напечатала новую карикатуру Дж. Берримана с заголовком «Этого не должно случиться с собакой!» В статье, опубликованной рядом с карикатурой, упоминалась обеспокоенность американской общественности по поводу судьбы Лайки. В ней также высказывалось предположение о том, что готовность Советского Союза пожертвовать «лучшим другом человека» не добавит ему сторонников в мире [A Visual History, 1963]. В свою очередь «Wall Street Journal» писала, что американские ученые не сомневаются в способности СССР в ближайшие годы отправить человека в космос. Вопрос заключается в том — иронизировали журналисты — чтобы найти волонтера, готового не вернуться обратно [Wall Street Journal. 1957. 5 November].

Тем не менее, запустив «Спутник-2», Советский Союз укрепил свое лидерство в космической гонке. По мере того, как США, казалось, все больше и больше отставали от СССР в освоении космоса, нетерпение и тревога американцев нарастали. Карикатура Дж. Берримана в газете «Evening star» изображала Дядю Сэма, который слушает радиопередачу о запуске собаки в космос и покрывается потом. Возможно, Дядю Сэма беспокоила судьба Лайки, но более всего — новый удар Москвы по престижу Америки [A Visual History, 1963]. В ответ на «Спутник-2» американские военные объявили о новых усилиях армии по ускорению американской космической программы. Дж. Берриман отреагировал на это карикатурой, озаглавленной «Им лучше не надеяться на святого Ника!» Изображенный на картинке Санта-Клаус надеется, что армия не ожидает успеха от него. Стоящий неподалеку олень тоже выглядит обеспокоенным [A Visual History, 1963].

Беспокойство американцев вызывало и укрепление международного престижа СССР. В декабре 1957 г. журнал «Nation's Business» писал: «В последние два года русские выросли в глазах многих народов. Это особенно верно в отношении русских ученых, которые побили нас в космосе. Некоторые из наиболее возбужденных готовы поверить, что русские на все способны, даже на создание аванпостов на Венере и Марсе» [Nation's Business. 1957. December]. Газета «New York Times» отмечала изменение в пове-

дении представителей СССР в Организации Объединенных Наций. «В последние недели, — писала газета, — на дипломатических встречах в фокус попал феномен улыбающегося русского дипломата и партийного чиновника, что является новым акцентом в советской пропагандистской линии “мирного сосуществования”, наряду с которым советские дипломаты нередко используют другой термин — “мирное соревнование”». По мнению журналистов, именно спутник наделил русских дипломатов «беспрецедентной самоуверенностью». «Несмотря на то, что в свете спутника русские дипломаты стали более коммуникабельными, широко распространяемые беспокойство и недоверие к советским мотивам сохраняются», — утверждала газета [New York Times.1957. December 1].

В американской прессе того времени было много рассуждений о советской системе образования, которая сделала возможными успехи СССР в космосе. Авторы публикаций обращали внимание на то, что в СССР успешно вовлекают талантливую молодежь в инженерные науки и выделяют ассигнования из государственного бюджета на научные исследования. Журнал «Nation's Business» спрашивал: Как так получилось, что коммунисты, которые отрицают конкуренцию, развивают ее в своих школах, в то время как мы, провозглашающие свободу предпринимательства, зашли так далеко, чтобы отменить дух соревнования в наших классах? [Nation's Business, January 1957]. В газетах и журналах звучали призывы усилить подготовку американских ученых и инженеров через выделение стипендий одаренным студентам, повышение оплаты труда преподавателей точных наук, улучшение системы школьного образования и учебников для старших классов. После первой эмоциональной реакции — только увеличение федеральных расходов на оборону, науку и образование позволит противостоять сопернику — последовали призывы избегать ненужного дублирования расходов [Wall Street Journal. 1957. November 23].

Американцы были вынуждены признать, что получили серьезный вызов в той сфере, в которой рассчитывали на собственное превосходство. Однако, как писал «Nation's Business», для США спутник стал «призывом к сплочению, а не сигналом гибели» [Nation's Business. 1957. December]. Как утверждал один из американских ученых, вышедших на пенсию, «мы должны быть благодарны русским, потому что они встряхнули нас от нашего самодовольства,

но должны опасаться, чтобы они не повергли нас в истерию. Хотя русские опережают нас на этой стадии строительства ракет, США, вне сомнения, далеко впереди в сфере прикладных промышленных технологий» [Chicago Daily Tribune. 1957. December 257].

Главный вывод, который сделали американцы из запуска спутника, заключался в том, что Соединенные Штаты не должны позволить снова застигнуть себя врасплох подобным образом. Эффект конкуренции оказал мобилизующее воздействие на американское общество. После неудачного запуска в декабре 1957 г., американцы вывели на орбиту свой спутник «Эксплорер-1» 31 января 1958 г. Они сумели догнать СССР в космической гонке и повернуть ситуацию в свою пользу. С октября 1957 г. по январь 1958 г. американская пресса в полной мере отразила весь спектр эмоций, которые охватили американское общество: от страха, вызванного развитием ракетно-ядерных технологий, до надежды на победу в космической гонке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Печатнов В. О. О некоторых позитивных последствиях советско-американского соперничества в годы «холодной войны» // Россия — США: политика и дипломатия в XX–XXI вв. / Под ред. С. Б. Вольфсона, Н. И. Егоровой, А. А. Исэрова, В. В. Познякова. М: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 116–121.

Фоминых А. Е. «Икс-15» против «Спутника»: тема космоса в советской и американской выставочной дипломатии 1959 г. // *Via in tempore. История. Политология.* 2023. № 50 (2). С. 503–514.

A Visual History, 1940–1963: Political Cartoons by Clifford Berryman and Jim Berryman. 1963. <https://www.archives.gov/files/legislative/resources/ebooks/a-visual-history-1940-1963.pdf> (accessed 15.06.2024)

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «АМЕРИКА» (1944–1952)

Райкова Вера Алексеевна

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена raivera@yandex.ru*

Аннотация. Журнал «Америка» издавался на русском языке и распространялся по территории СССР на протяжении 50 лет (1944–1994 гг.),

за исключением периода 1952–1956 гг. Это издание являлось важным элементом «мягкой силы» США в годы Холодной войны, конструируя на своих страницах образ «великой Америки». Социальное мифотворчество осуществлялось редакцией журнала посредством репрезентации американского образа жизни и формирования представлений о характерном для рядовых американцев социальном оптимизме.

Ключевые слова: Холодная война, журнал «Америка», Союзпечать, американский образ жизни, социальный оптимизм.

SOCIAL OPTIMISM AND REPRESENTATION OF AMERICAN LIFESTYLE IN THE MAGAZINE «AMERIKA» (1944–1952)

Raikova Vera Alekseevna
Herzen University

Abstract. The illustrated magazine «Amerika» was published on the Russian language in the USSR throughout 50 years (1944–1994) with the exception of a few years (1952–1956). «Amerika» was the important element of United States soft power during the Cold War and to do much for constructing the «Great America» images. On the pages of magazine was represented of American lifestyle and formed the beliefs about widespread social optimism among ordinary citizens in USA.

Keywords: Cold War, magazine «Amerika», Soyuzpechat, American lifestyle, social optimism.

В 1944 г. НКВД СССР и Госдепартамент США заключили соглашение об издании в Америке на английском языке советского иллюстрированного ежемесячника для распространения его среди американцев и об издании на русском языке журналов «Америка» и «Америка в иллюстрациях» для распространения в СССР [Сталин и космополитизм, 2005: 645]. Тираж журнала «Америка» должен был составлять 10 000 экземпляров; половина подлежала продаже через киоски «Союзпечати», вторая же предназначалась распространению по подписке «для строго ограниченного круга руководящих работников» [Сталин и космополитизм, 2005: 646].

Изначально ответственность за подготовку журнала возлагалась на Управление военной информации США, а с 1 января 1946 г. изданием занималось созданное при Госдепартаменте Управление

международной информации и культурных обменов [Хахаева, 1989: 10]. Стоимость одного экземпляра журнала «Америка» составляла 10 руб., что было довольно высокой ценой, однако издание пользовалось высоким спросом и быстро раскупалось [Фисенко, 2024: 276–277].

В 1951 г. в одном из американских журналов, посвященных культуре, искусству и массовым коммуникациям, была опубликована статья журналиста, писателя и колумниста «The New Yorker» К. Пита, раскрывающая некоторые любопытные подробности о «внутренней кухне» журнала «Америка». Так, референтом выступал «Life» — красивое иллюстрированное издание с акцентом на фотожурналистику. Поэтому и журнал «Америка» был такого же формата, как «Life», содержал 76 страниц, 12 из которых были цветными. Выпуск издания был очень длительной и непростой процедурой: сначала журнал на английском языке готовился в Нью-Йорке, затем сигнальный экземпляр отправлялся в Москву, в Информационную службу посольства США в СССР, где осуществлялся перевод на русский язык, далее журнал передавался на проверку советским цензорам [Peet, 1951: 19]. Насколько строгой и тщательной была эта цензура — сказать сложно. К. Пит упоминает лишь два случая: были запрещены к изданию статья известного социолога, профессора Колумбийского университета Ч. Р. Миллса «Общественное мнение» и публикация под названием «Мировое сознание», содержащая текст Всеобщей декларации прав человека [Peet, 1951: 19]. Отечественный исследователь А. С. Фисенко предполагает, что цензура не была чересчур строгой, т.к. «излишнее “закручивание гаек” поставило бы под угрозу договоренности, заключенные на высшем дипломатическом уровне» [Фисенко, 2024: 278]. Так или иначе, организационные сложности и наличие советской цензуры серьезно замедляли процесс выпуска журнала «Америка», что непосредственно влияло на его содержание.

Редакция журнала не стремилась отразить актуальную новостную повестку, а делала акцент на знакомство граждан СССР с историей, культурой, политической системой, социально-экономическими успехами Соединенных Штатов. Журнал «Америка» был подчеркнута аполитичен и арелигиозен, не содержал критики советской общественной модели, что, впрочем, отнюдь не снижало его пропагандистского воздействия на советских людей. По мнению

В. Н. Хахаевой, в 1946–1951 гг. на страницах «Америки» сознательно формировался образ США как совершенной модели демократического государства через публикацию материалов об американской политической системе, избирательных процедурах, неотъемлемых и незыблемых правах американцев, об особом американском федерализме [Хахаева, 1989: 10].

Однако куда больший эффект на советских читателей должны были производить статьи об американском образе жизни, новинках и изобретениях, внедренных в обыденную, повседневную жизнь. Журнал «Америка» стремился показать американскую жизнь исключительно с привлекательной стороны, используя для этого в равной мере текстуальные и визуальные средства — обилие цветных и черно-белых фотографий, рассказы от первого лица, экспертные оценки и комментарии, перепечатки статей из солидных американских изданий. Можно выделить ряд тем, которые получили максимально широкое освещение и лучше всего презентовали американский образ жизни.

Прежде всего, это сюжет, связанный с жилищным строительством в США и обустройством дома. В одних статьях внимание уделялось технологиям строительства и темпам возведения жилья («Скоростное стандартное строительство в США» [Америка, 1944, 1], «Современные постройки отвечают всем требованиям вкуса и целесообразности» [Америка, 1945, 3], «Массовое производство домов» [Америка, 1949, 35] и др.), в других отдельно рассказывалось про современные инженерные системы («Кондиционирование воздуха создает благоприятные условия для работы и отдыха» [Америка, 1946, 12], «Отопление домов. Современная система отопления экономит топливо и обеспечивает нужную для здоровья температуру» [Америка, 1949, 25]), в третьих обосновывалась важность развития индивидуального жилищного строительства («Отдельные дома для средней американской семьи» [Америка, 1946, 10]). Публикации об актуальных тенденциях в дизайне интерьеров сопровождались цветными фотографиями, планировочными схемами и советами по организации пространства («Убранство квартиры. Художники-декораторы содействуют развитию вкуса и поощряют изобретательность» [Америка, 1948, 23], «Новые материалы и рисунки в обойном деле» [Америка, 1949, 32]). Отдельные статьи были посвящены обустройству кухни как

важнейшему помещению в доме («Кухни завтрашнего дня. Экономия труда и времени» [Америка, 1948, 20]). У читателей формировалось представление об американском доме как о комфортном, красивом и уютном месте, созданном с учетом новейших технических изобретений.

Следующая тема, широко представленная в журнале «Америка» — это модная индустрия и стандарты красоты. Практически в каждом номере журнала были заметки о модных трендах, либо приуроченные к определенному времени года («Летние моды» [Америка, 1946, 12], «Моды для дождливых дней» [Америка, 1949, 25], «Весенние моды» [Америка, 1949, 27]), либо предназначенные для разных возрастных категорий («Моды для детей» [Америка, 1950, 39], «Моды для подростков» [Америка, 1949, 33], «Моды для пожилых» [Америка, 1949, 35]), либо посвященные видам одежды («Вечерние платья» [Америка, 1950, 38]). Помимо фотографий, к статьям нередко прикладывались выкройки и схемы вязания, советы по самостоятельному изготовлению одежды. Подчеркивалось, что, хотя американская легкая промышленность в состоянии обеспечить людей одеждой и обувью («Фабричное производство мужских костюмов» [Америка, 1946, 10], «Обувь для всех. Большой выбор по недорогой цене» [Америка, 1948, 22]), американки шьют дома с целью проявить свою индивидуальность и создать свой стиль («Шитье платьев дома — новое увлечение американок» [Америка, 1947, 15]). Кроме одежды, в журнале рассказывали о модных прическах, современной уходовой и декоративной косметике, давали советы по изменению своей внешности с помощью косметических средств («Новые прически» [Америка, 1946, 9], «Культура красоты — советы специалистов для ежедневного пользования косметикой» [Америка, 1947, 17]). Со страниц журнала «Америка» на советских читателей смотрела ухоженная американка в модном наряде, с украшениями и соответствующими аксессуарами, которой хотелось подражать.

В отдельную группу можно выделить статьи, посвященные магазинам и организации розничной торговли в США. Особым предметом гордости американцев являлась система самообслуживания, позволяющая покупателям в магазинах самостоятельно выбирать нужные товары, которые уже упакованы и маркированы («Что нужно покупателю? Розничные торговцы стремятся к луч-

шему обслуживанию покупателя» [Америка, 1949, 27]). Другое нововведение касалось торговли по почте, представлявшее собой заказ необходимых товаров по объемистым каталогам, которые затем доставлялись почтой («Торговля по почте» [Америка, 1947, 15]). Встречаются также заметки об оформлении витрин, упаковке товаров, новых методах продвижения и т.д. («Красивая витрина. Важный фактор в розничной торговле» [Америка, 1946, 12], «Упаковка. Методы торговли изменились в связи с новой упаковкой товаров» [Америка, 1947, 14], Показательный обед. Новый метод сбыта кухонных принадлежностей [Америка, 1949, 34]). Фотографии демонстрировали изобилие товаров на полках американских магазинах, а материал статей информировал читателей о высоких стандартах обслуживания клиентов в США.

Одним из неотъемлемых атрибутов американской жизни является автомобиль, который также нашел свое место на страницах журнала «Америка». Советским гражданам рассказывали о моделях легковых и грузовых автомобилей («Автомобиль 1947 года. Новые модели кузовов сходят со сборочных конвейеров фирмы Студебекер» [Америка, 1946, 12]), транспортной инфраструктуре («Заправочная станция на автостраде» [Америка, 1947, 17]), доступности автомобилей для простого американца («Как управлять автомобилем. Школа учит молодежь безопасной езде» [Америка, 1948, 23]). Отдельно выделим статью «Отели для автомобилистов», опубликованную в 1948 г. и содержащую интересный рассказ о новом виде гостиниц, расположенных вдоль оживленных шоссе и предлагающих автолюбителям остановиться на ночь и отдохнуть. Эти гостиницы, с одной стороны, делали путешествие на автомобиле максимально комфортным и приятным, а с другой, обеспечивали профилактику дорожно-транспортных происшествий. Все публикации на эту тему должны были показать, что автомобиль в США уже превратился из предмета роскоши в средство передвижения, обладать которым может любой американец, достигший совершеннолетия.

Наконец, большое количество статей в журнале «Америка» было посвящено индустрии досуга и развлечениям типичной американской семьи. Первое место среди развлечений, несомненно, занимал спорт. В каждом выпуске журнала содержались заметки, рассказывающие про тот или иной вид спорта и формирующие

представление о многообразии и вариативности спортивного досуга в США. Наряду с общераспространенными видами спорта — бег, плавание, катание на велосипеде, хоккей на льду, шахматы — были представлены и довольно экзотические — буерный спорт («Быстрее ветра — гонки на льду» [Америка, 1949, 26]), лакросс («Лакросс — спортивная игра индейского происхождения» [Америка, 1950, 38]), кегли («Кегли. Популярный вид спорта в США» [Америка, 1946, 7]) и пр. Особенно американцы гордились национальными видами спорта — баскетбол, бейсбол, американский футбол, акцентируя внимания на их триумфальном шествии за пределами США. Вниманию советских граждан даже предлагались популярные тактические схемы построения из американского футбола («Тактические приемы американского футбола» [Америка, 1948, 23]).

В противовес распространенному в СССР представлению о коммерциализации американского спорта, редакция журнала рассказывала о доступности занятий спортом для обычных американцев («Парусный спорт. Любимое развлечение среднего американца» [Америка, 1946, 12], «Теннис. Общедоступный и распространенный вид спорта» [Америка, 1947, 13], «Лыжный спорт в Америке. По выходным дням миллионы американцев совершают лыжные экскурсии в горы» [Америка, 1948, 19]), а также развитости спортивной инфраструктуры. В целом, спорт показан как неотъемлемая часть американской культуры, популярный и доступный способ провести свободное время, причем акцентировалось то, что жители США не только любят смотреть спортивные соревнования, но и сами активно занимаются физической культурой.

Среди других типичных развлечений американцев отмечались танцы («Танцы в Америке: американцы и любят танцевать, и танцуют» [Америка, 1944, 1]), семейное посещение парков аттракционов («В вихре развлечений — парки и аттракционы для молодых и старых» [Америка, 1949, 28]), зоопарков («Детский зоопарки» [Америка, 1945, 3]), цирков («Цирк. В наш век цирк сохранил былое очарование» [Америка, 1949, 25]), просмотр телепрограмм («Телевидение открывает новые горизонты» [Америка, 1944, 1]) и прослушивание музыки («Граммофонные пластинки — промышленность не поспевает за огромным спросом потребителей» [Америка, 1947, 15]).

Таким образом, редакция журнала «Америка» занималась продвижением бренда «Америка», показывая гражданам СССР те аспекты американской жизни, которые, с одной стороны, вызывали искреннюю гордость американцев за свою страну, а с другой, могли быть привлекательными для людей в любой части света. Высокие стандарты качества жизни, доступность жилья, обеспеченность продуктами и товарами народного потребления, возможность путешествовать и заниматься спортом все эти простые вещи понятны и желанны для любого человека, в том числе советского.

Рост популярности журнала «Америка», его высокая востребованность у советских граждан закономерно вызывали опасения у руководства СССР. 27 декабря 1949 г. вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об условиях распространения в СССР изданий «Британский союзник», «Британская хроника» и «Америка», согласно которому с 1 января 1950 г. «непроданные экземпляры журнала “Америка” не будут оплачиваться и будут возвращаться издательству», а приемкой тиража и производством расчетов с издательством американского посольства по реализации журнала «Америка» будет заниматься только «Союзпечать» [Сталин и космополитизм, 2005: 547–548]. Другими словами, распространение журнала «Америка» отныне осуществлялось только через киоски «Союзпечати», а не по подписке. С этого момента начнется длительная и напряженная переписка между Госдепартаментом США и МИД СССР о дальнейшей судьбе журнала «Америка». 14 июля 1952 г. американский посол в СССР Дж. Ф. Кеннан уведомил руководством СССР о немедленном прекращении издания журнала «Америка» [АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 253. Д. 3. Л. 17]. Так закончится первый этап существования журнала «Америка», однако позже между США и СССР будут достигнуты новые договоренности, и в октябре 1956 г. выйдут первые номера обновленного ежемесячного журнала «Америка».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 253. Д. 3. «Ноты посольства США в Москве отделу стран Америки».

Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД: Материк, 2005.

Хахаева В. Н. Журнал «Америка» в контексте американо-советских отношений (сороковые-восьмидесятые годы). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

Фисенко А. С. «Америка» и литература: к истории журнала в послевоенном СССР (1944–1952 гг.) // Литература двух Америк. 2024. № 16. С. 271–290.

Peet C. Russian «America», a magazine about U. S. for Soviet Citizens // College Art Journal. 1951. № 1. P. 17–20.

**“НАДО ЖЕ, ОН И ЭТО ЗНАЕТ!”:
ГАЗЕТА “НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО” О ВОСПРИЯТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА КОРРЕСПОНДЕНТОМ
“НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС” ДЭВИДОМ ШИПЛЕРОМ**

Нечипорук Дмитрий Михайлович
Тюменский государственный университет
d.m.nechiporuk@mail.ru

Аннотация. В статье рассказывается о восприятии Советского Союза в 1960–1970-е гг. американскими журналистами, работавшими в Москве. Утверждается, что в 1960-е гг. американские репортеры все больше интересовались повседневной жизнью советских людей. Это нашло отражение как в газетных публикациях, так и в содержании книг о Советском Союзе. Главное внимание уделено книге корреспондента «Нью-Йорк Таймс» Дэвида Шиплера, сумевшего точно отразить общественные противоречия позднесоветского общества.

Ключевые слова: периодика, Шиплер, США, СССР

**“WOW, HE KNOWS IT TOO!”:
NEWSPAPER “NOVOYE RUSSKOYE SLOVO”
ON THE PERCEPTION OF THE SOVIET UNION
BY «NEW YORK TIMES» CORRESPONDENT
DAVID SHIPLER**

Nechiporuk Dmitrii Mikhailovich
Tyumen State University

Abstract. The article explores the perception of the Soviet Union in the 1960s - 1970s by American reporters, stationed in Moscow. It is argued that in the 1960s American reporters were increasingly interested in the everyday life of Soviet people. This was reflected both in newspaper articles and in the content of reporters' books about the Soviet Union. The main attention is paid to the book of the correspondent of «New York Times» David Shipler, who managed to accurately reflect the social contradictions of late Soviet society in his book «Broken Idols», «Solemn Dreams».

Keywords: newspapers, Shipler, USA, USSR

После окончания Второй мировой войны американские корреспонденты и издатели на первых порах рассчитывали на более благоприятные условия работы в Советском Союзе, чем это было в 1939–1940 гг. Средства массовой информации готовы были посылать в качестве специальных корреспондентов значительно больше репортеров, чем хотело видеть в Москве советское руководство. Уже к середине 1946 г. для американских репортеров, находившихся в Москве, стало ясно, что союзнические отношения, сложившиеся в годы борьбы с гитлеровской Германией, продолжены не будут. Специальный корреспондент «New York Times» в Москве в 1945–1946 гг. Брукс Аткинсон отмечал, что в итоге послевоенные взаимоотношения двух стран исключают возможность установления дружбы на основе взаимных компромиссов [Atkinson, 1946].

Вскоре после отъезда Аткинсона из Москвы советско-американские отношения еще сильнее ухудшились, вновь осложнив работу иностранным репортерам, репортажи которых цензурировались перед отправкой в редакцию. Сама деятельность корреспондентов расценивалась советскими властями как скрытый шпионаж. В 1947–1949 гг. количество иностранных корреспондентов заметно сократилось в связи с новой кампанией советских властей по борьбе с западным влиянием. В итоге отношение к иностранным корреспондентам как к шпионам прочно укоренилось, и до конца существования СССР западные репортеры испытывали на себе враждебное отношение, особенно если их публикации критически оценивали политику советских властей. Тем не менее, к концу 1960-х гг. общее количество зарубежных корреспондентов выросло, а власти Советского Союза через Отдел печати МИД СССР пытались использовать представителей «буржуазной прессы» в своих интересах, заботясь об улучшении имиджа страны за рубежом. В свою очередь, зарубежные корреспонденты оказывались перед непростым выбором: быть ретрансляторами официальной советской прессы и заявлений высокопоставленных партийных функционеров или на свой страх и риск устанавливать неразрешенные контакты с советскими гражданами, которые криковали позднесоветскую действительность. Активное содействие

некоторых западных журналистов участникам диссидентского движения приводило к их выдворению из СССР [Месияев, 1977].

При этом для западных корреспондентов был возможен и третий путь: вести себя осторожно, но активно общаться с максимально широким кругом советских людей в столичных городах и в провинции, чтобы разобраться и понять: а) что из себя представляет реальное советское общество; б) чего на самом деле хотят люди; в) хочет ли советское общество больше индивидуальных и общественных свобод, чем у него есть, и насколько ему вообще интересны идеи «свободного общества». Начиная с 1960-х г., американские журналисты все больше пытались понять Советский Союз изнутри, уже не полагаясь на популярную в 1950-х гг. в США идею противопоставления тоталитарного правительства и советского народа, согласно которой, люди, приобщаясь к потреблению, придут рано или поздно к демократии. Тренд в осмыслении Советского Союза пошел в другом направлении. Со второй половины 1960-х гг. американские журналисты в своих статьях и книгах все больше стремились подчеркнуть, что политический строй в Советском Союзе обладает большой прочностью, а простые люди не противостоят властям, а ищут возможности обустроить свою частную жизнь на фоне политической стабильности и освоения новых территорий, где можно заработать хорошие деньги и быстро получить собственную квартиру [Нечипорук, 2023: 137–157].

Главным результатом осмысления увиденного и прожитого в Советском Союзе для иностранного корреспондента являлась публикация книги. Все больше журналистов в 1970-е—1980-е гг. стремились поделиться с американским читателем об увиденном в Советском Союзе и даже дать свою оценку развития общества. Например, глава московского бюро газеты «Christian Science Monitor» Дэвид К. Уиллис с 1976 по 1981 г. написал книгу под названием «Класс» («Klass»), рассказав о невидимой снаружи системе номенклатурных привилегий и доступа к дефициту, а также о том, каким образом она разделяет советское общество [Willis, 1985].

Примерно в одно время с Уиллисом, с 1975 по 1979 г., в Советском Союзе находился специальный корреспондент «New York Times» Дэвид К. Шиплер, который тоже стремился понять советское общество изнутри. Он застал общество, заинтересованное

в приобретении материальных благ, но равнодушно к западным демократическим идеям [Shipler, 1979]. Шиплер сумел побывать в разных частях страны, посетить различные государственные учреждения, чтобы понять разницу между американским и советским образами мышления. По признанию Шиплера, идея книги возникла после накопления интересного материала и заметок, которые далеко не всегда попадали в газету. В итоге у него появилась идея запечатлеть увиденное общество в книге, которая вышла под названием «Разрушенные идолы, торжественные мечты» [Shipler, 1983]. Книга журналиста получила хорошие отзывы в американской прессе. Ниже публикуется положительная рецензия (с некоторыми сокращениями) на книгу Шиплера в газете «Новое русское слово», в которой рецензент отметила как многогранность работы, так и хорошее знание нюансов позднесоветской действительности [Юнг 1984].

Юнг Е. В стране мертвой идеологии

Для Запада Россия — и дореволюционная, и в особенности советская — всегда была и, в значительной степени, остается страной-загадкой. У многих американцев до сих пор сохранились смехотворные представления о Советском Союзе: для одних это — страна как страна, ну, обычаи там немного другие и климат холодный; другие, напротив, думают, что «русские» не знают, что такое телевизор или холодильник, не могут без особого разрешения съездить из Москвы в Ленинград, а ночами трясутся, ожидая рокового стука в дверь. В то же время справедливости ради следует отметить, что за последние десять-пятнадцать лет в этой области произошли большие сдвиги: вырос интерес среднего американца к России, и одновременно выросло как количество, так и качество доступной ему информации. Только за прошедший год вышло три или четыре новых книги о сегодняшней России. Вероятно, наиболее интересная из них — книга Дэвида К. Шиплера «Россия: разбитые идолы, торжественные мечты».

«Россия» написана в традициях таких известных исследований, как «Русские» Хедрика Смита и «Россия: власть и народ» Роберта Кайзера, да и опыт Дэвида Шиплера схож с опытом Смита и Кайзера: с 1975 по 1979 год он был московским корреспондентом.

том «New York Times», с 1977 — возглавлял московское бюро газеты. Но, как кажется мне, Шиплер гораздо глубже, гораздо более многосторонне понимает Россию, чем его предшественники: то ли за минувшее десятилетие вообще стал больше запас знаний о Советском Союзе, то ли просто Дэвид Шиплер проникательнее своих предшественников. Выходца из СССР его книга не может не поразить исключительной меткостью как обобщений, так и мельчайших частных подробностей. Читая «Россию», то и дело испытываешь чувство узнавания, «уже виденного», и думаешь: надо же, он и это знает!

При этом можно не сомневаться, что некоторых в русской эмиграции книга Шиплера заденет за живое. Его «Россию», возможно, заклеят и как просоветскую, и как русофобскую (что касается советской прессы, то она обвиняла Шиплера неоднократно за время его пребывания в Советском Союзе). <...> Нередко у американского автора знакомые нам стороны советской жизни предстают под новым, неожиданным, углом зрения. Для Дэвида Шиплера, воспитанного в традициях американского индивидуализма, и, к тому же журналиста, преданного более всего принципам свободы мысли и слова, советский режим — это, прежде всего, общество, где официальным идеалом провозглашается единомыслие. И этот идеал, к сожалению, проникает гораздо глубже официозной пропаганды.

Шиплер рассказывает, как пришла в негодование 19-летняя московская студентка Сусанна, когда ее двоюродный брат стал жаловаться на отсутствие в советских школах всяких открытых дискуссий. И правильно, заявила она, так и должно быть: на то и учитель в классе, чтобы прививать учащимся правильные идеи; а то еще, чего доброго, у каждого заведутся собственные идеи — разве допустимо такое безобразие? «Я начал понимать, — пишет Шиплер, — что ей важна даже не сущность идеи, а ее “единственность”». Американский профессор истории Роберт Келли, в течение одного семестра преподававший в МГУ курс американской политики XIX века, говорил Шиплеру, что большинство студентов и профессоров, с которыми ему там пришлось разговаривать, совершенно не могли понять, что такое индивидуализм, индивидуальная свобода. «Келли попытался, — пишет Шиплер, — объяснить своим советским коллегам американский индивидуализм.

После одной такой попытки некий специалист по средневековой истории сказал ему: “Это же очень недисциплинированно. И плохо для вашей армии. У вас нет идеи. А у русских есть идея. Русским нужно верить в какую-то идею”».

<...> Многие наши эмигранты жалуются на качество американского образования (как, впрочем, и сами американцы); но Дэвиду Шиплеру и советская школьная система показалась весьма малопривлекательной. Он подробно рассказывает о том, как школа становится инструментом пропаганды и «промывания мозгов»; даже там, где речь идет не о политике и не об идеологии, а о вполне, казалось бы, безобидных вопросах, самостоятельное мышление у советских школьников не поощряется. Шиплер иллюстрирует это наглядным примером: при нем учительница английского языка в московской спецшколе обсуждала с группой десятиклассников прочитанный ими роман Артура Хейли и неожиданно спросила их, одобряют ли они поведение главного героя. На памяти Шиплера, много бывавшего в советских школах, это был “первый случай; когда учащиеся должны были думать сами за себя” — и сразу видно было, что они к этому не привыкли; никто не отвечал, все мялись, поглядывали на учительницу, пытаясь угадать, какого ответа она от них ждет. “Если бы она спросила, почему вы одобряете его поведение, или почему не одобряете — поднялся бы лес рук”, — едко замечает Дэвид Шиплер. Сусанна, так боявшаяся открытых дискуссий и самостоятельных идей, прочно усвоила дух и принципы советского образования.

Такая выучка зачастую остается на всю жизнь. Даже у людей, сознательно порвавших с режимом, в большинстве случаев сохраняются, как обнаружил Шиплер, тоталитарные рефлексы. <...> Убежденные плюралисты на поверку нередко оказываются столь же нетерпимы к чужому мнению, как и партийные чиновники, и точно так же разделяют мир на черное и белое, как советская пропаганда.

<...> На Западе по сей день распространено представление, что «русские» — убежденные марксисты, с головы до ног пропитанные идеологией. От этого мифа Дэвид Шиплер не оставляет камня на камне. Он показывает, что марксистская идеология пуста и мертва; в партию вступают для карьеры, студенты мечтают не покорять мерзлую сибирскую землю на службе у Родины, а по-

лучить распределение поближе к центру; лицемерие, компромисс возведены чуть ли не в ранг добродетелей, и множество советских граждан живет двойной жизнью: ходят на собрания, клеймят империализм и сионизм, а в частной жизни или ненавидят режим, или цинично презирают всякие ценности, в том числе и официальные. (И при этом многие из них уверены, что американские конституционные свободы — такой же блеф, как советские.)

Но Шиплер не согласился бы и с бытующей среди некоторых эмигрантов теорией, будто едва ли не все население СССР — «скрытая оппозиция» и что инакомыслящих — большинство. Конечно, подлинных “идеалистов”, верящих в коммунизм, совсем мало; о коррупции, о том, что “бесклассовое общество” — фикция, в самом деле знают едва ли не все. Но многие ли понимают, насколько в корне порочен советский режим, насколько в корне лжива советская пропаганда? Шиплер приходит к выводу, что, увы, немногие. <...> В других главах «России» показано, как на фоне всеобщего безверия снова набирает силу — отчасти “сверху”, но в значительной степени, к сожалению, и в народе — миф о великом Сталине.

Трудно найти такой аспект советской жизни, который не был бы затронут в книге Дэвида Шиплера. Одна из интереснейших глав посвящена проблеме преступности; картина, нарисованная автором (на основе разговоров с людьми, чтения юридических журналов и секретного доклада специальной комиссии по преступности малолетних, к которому американский корреспондент каким-то образом получил доступ), получается, как и следовало ожидать, гораздо мрачнее той почти совершенной идиллии, которую преподносит советская пропаганда и которую даже многие эмигранты, столкнувшиеся с преступностью в Соединенных Штатах, принимают за чистую монету. (Шиплеру сказал не кто-нибудь, а сотрудник «Известий»: «Если бы мы каждый день писали о преступлениях, которые совершаются в Москве, то страх бы царил не меньший, чем в Нью-Йорке», — так он пытался обосновать правильность замалчивания преступлений в советской печати, но аргумент, надо сказать, получился довольно компрометирующий). Блестяще анализируется в книге система блата и то, что автор называет «архипелагом привилегий», а также связь между общественным и материальным положением и местом жительства. И, конечно, нельзя не упомянуть

о замечательных, живых портретах людей — от всемирно известных диссидентов до рядовых мужчин и женщин — инженеров, студентов, учительниц.

Точка зрения Шиплера нередко может показаться спорной, в отдельных его замечаниях, может быть, и проскальзывает наивность. Но в целом его «Россия» — книга, которая вряд ли оставит равнодушным хоть одного человека, способного мыслить и чувствовать, — красноречиво опровергает всем нам известные рассуждения о том, что иностранцы вообще не могут понять проблем России и на советский режим смотрят не иначе, как сквозь розовые очки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Месияев Г. Пресс-конференция Роберта Тота // Новое русское слово. 1977. 29 июня. С. 1.

Нечипорук Д. М. Взгляд со стороны: американские журналисты о социально-экономическом развитии России и СССР в XX веке. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023.

Юнг Е. В стране мертвой идеологии // Новое русское слово. 1984. 23 сентября. С. 3.

Atkinson B. Russia Bars Amity with U.S // New York Times. 1946. 7 July. P. 1.

Shipler D. Russians Covet Western Affluence, but Find Democratic Ideals Alien // New York Times. 1979. 7 July. P. 1.

Shipler D. Broken Idols, Solemned Dreams. N. Y.: Times Books, 1983.

Willis D. Klass. N. Y.: St. Martin's Press, 1985.

ОБРАЗЫ «ЗАПАДА» И «ВОСТОКА» НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ ЯРОСЛАВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА «ЗА МЕДИЦИНСКИЕ КАДРЫ» (1958–1964 гг.)

Лебедев Александр Львович

*Ярославский государственный медицинский университет
al12lvovich@yandex.ru*

Аннотация. Представлены результаты анализа публикаций газеты Ярославского государственного медицинского института «За медицинские кадры» за 1958–1964 гг. — период, в который формировался образ стран Западного мира и стран социализма. Образ Запада не был однородным, авторы публикаций видели различия между властью и трудящимися на Западе, отмечая успехи западной науки. Страны социализма изображались миролюбивыми государствами, меняющими жизнь людей к лучшему.

Ключевые слова: газета, образы, медицинский институт, образ Запада.

THE «WEST» AND THE «EAST» ON THE PAGES OF THE YAROSLAVL MEDICAL INSTITUTE NEWSPAPER «FOR MEDICAL PERSONNEL», 1958–1964

Lebedev Aleksandr L'vovich
Yaroslavl State Medical University

Abstract. The article presents the results of the analysis of the newspaper of the Yaroslavl State Medical Institute «For Medical Personnel» (1958–1964), which shows how the image of the Western world and socialist countries was formed. The authors of the publications created a multifaceted and sometimes contradictory image of the West: they differentiated between the authorities and workers in the West, and noted the successes of science. Socialist countries were portrayed as peace-loving and changing people's lives for the better.

Keywords: Newspaper, images, medical institute, the image of the West.

Период пребывания у власти в Советском Союзе Н. С. Хрущева характеризуется, с одной стороны, активизацией внешнеполитических контактов, не всегда удачными попытками решить внутренние проблемы и наладить сотрудничество со странами Запада, а с другой, обострением отношений как с США, так и с крупнейшей страной социалистического лагеря — КНР [Боффа, 1994: 483]. Это нашло отражение и на страницах прессы.

Одним из элементов внутренней политики стало развитие ведомственных печатных изданий. В 1958 г. в целом ряде высших медицинских учебных заведений начали выходить газеты, в том числе в Ярославском государственном медицинском институте (ЯМИ); первый номер газеты «За медицинские кадры» был опубликован 1 января 1958 г. Исследователи прессы отмечают рост на рубеже 1950-х — 1960-х гг. благополучия советских людей и надежды на скорое воплощение идей классиков марксизма-ленинизма о коммунистическом обществе [Мифтахов, Буранок, 2023: 97]. В жизнь советских учреждений входят более частые, чем в прежние годы, поездки их представителей за рубеж, появляется интерес к научным достижениям других стран. Рост контактов СССР с другими государствами, включая США, равно как и реакция на

обострение международной ситуации, находили отражение и на страницах газеты Ярославского медицинского института.

При рассмотрении прессы как источника изучения советской повседневности содержащиеся в ней разнообразные следы «ткани человеческих отношений» создают многоаспектную, динамическую картину повседневного существования разных групп советского социума [Клинова, Трофимов, 2022: 59–62]. С помощью каких образов и каких средств формировались на страницах газеты условный «Запад» и условный «Восток», который включал страны социалистического лагеря, а также другие не принадлежавшие к западному политическому блоку государства? Фактором, побуждающим к познанию и оценке всякого «чужого», «другой» культуры, часто является удивление перед непривычным, незнакомым [Папилова, 2011: 39]. Встает вопрос, что в современной им действительности привлекало внимание ярославских медиков, писавших на страницах газеты о зарубежных странах. Из каких элементов создавался медиаобраз зарубежной реальности, представляемый массовой аудиторией в газете «За медицинские кадры»?

Небольшой объем газеты — две полосы — не давал публикациям о жизни за рубежом, к тому же часто сопровождавшимся фотографиями, шанса затеряться среди других материалов. Тираж газеты был достаточно большим для института: 1000 экземпляров в период с 1958 по 1964 год.

Образы «своих» и «чужих» формировались в газете в исследуемый период с помощью четырех видов публикаций. Первую группу составляют статьи по итогам поездок преподавателей и студентов института как в страны социалистического лагеря (КНР, ГДР, Монголию, Чехословакию), так и в западные государства (Великобританию, Бельгию, Италию, Францию, ФРГ и другие). Вторая группа публикаций сообщала о политических событиях за рубежом. Такие материалы появились с декабря 1958 г. и не были регулярными. В частности, в них упоминались события в Африке, которые рассматривались в контексте борьбы народов с колониализмом или оказания СССР помощи иностранным государствам. Третья группа представлена публикациями о зарубежных новинках медицины и медицинской науки, сопровождавшихся оценочными суждениями авторов. Четвертая группа — это

материалы о реакции советских людей на значимые события в области советско-американских отношений.

Наиболее яркие штрихи образа заграницы дают публикации по итогам зарубежных поездок. По жанру они близки к путевым заметкам, созданным на основе воспоминаний. Это не репортажи, написанные о событиях сразу после возвращения; от поездки до публикации могло пройти несколько месяцев. Так, первая такая публикация о поездке в ГДР от 24 апреля 1958 г. датировала поездку словами: «в августе прошлого года» [За медицинские кадры.1965. № 15].

Сравнение публикации «Незабываемые дни в Бельгии» студентки Светланы Пчелкиной и двух статей профессора Александры Титовой, которая с 1952 по 1971 гг. возглавляла кафедру детских болезней ЯМИ, демонстрирует разные подходы к написанию материалов и в то же время значительный интерес авторов к западной действительности. Статья С. Пчелкиной эмоциональна. Автор — студентка ЯМИ, чемпионка РСФСР по гимнастике, побывавшая в Бельгии на Всемирной выставке в составе советской делегации, поделилась теми чувствами, с которыми ехала в капиталистическую страну: «Как примут нас собравшиеся из всех стран мира люди? Ведь далеко не все из них любители спорта. Далеко не все друзья нашей страны». Однако, как следует из ее рассказа, опасения оказались напрасными. С. Пчелкина рассказывает о посещении павильонов других стран, в том числе американского. Оценки собственно Бельгии позитивны; отмечается чистота городов. С удивлением С. Пчелкина пишет: «сразу бросается в глаза изобилие рекламы. Даже на велодроме рекламируется все, вплоть до таблеток аспирина» [За медицинские кадры.1965. № 30]. Статья С. Пчелкиной интересна и тем, что автор, вероятно, воспринималась многими как один из лидеров мнений, как авторитет. (Заметим, студенческий спорт был в центре внимания газеты; в 1958 г. ему посвящено 8,7 % публикаций).

Две статьи профессора А. Титовой важны тем, что в ходе туристического круиза вокруг Европы она интересовалась вопросами благосостояния врачей и организации здравоохранения. Уровень жизни в Скандинавии она сочла высоким и отмечала, что люди хорошо одеты, потребительские товары недороги, в отличие от еды и жилья. О Великобритании сообщалось коротко, что

лекарства при консервативном правительстве были платными. Италию, и особенно Грецию, автор оценивала как гораздо более бедные страны. В целом в статьях формировался образ дороговизны жизни и недоступности высокого достатка для врача: «им не удастся разбогатеть» [За медицинские кадры. 1965. № 5–6]. В путевых заметках о поездке в Италию другой автор, ассистент Кузнецова, пишет о знакомстве с частнопрактикующим врачом, которому, «приходится нелегко», хотя цена визита к врачу «очень большая», а медицина— платная. В этих путевых заметках противопоставлялись красивые кварталы богачей узким, полным зловония и грязи улочкам бедняков. Автор отмечает, что правительство выделяет кооперативам худшие земли, и труд крестьян тяжел. Сам итальянский народ характеризовался как веселый, трудолюбивый и гостеприимный. [За медицинские кадры. 1960. № 7].

Интерес к науке в СССР и в мире, судя по публикациям, был высок. В 1958 г. институтской науке было посвящено 7 % всех статей; при этом в журнале критически отмечалось отсутствие новизны в некоторых научных докладах в самом институте. На этом фоне сравнение достижений западной и отечественной медицины, делавшееся, например, по итогам конгресса в Мюнхене, выглядит взвешенным и говорит о желании создать объективную картину состояния зарубежной науки. «Поездка была полезной и интересной, хотя во многом жизнь капиталистической страны была для нас, советских людей, весьма непривычной и непривлекательной (нажива, конкуренция, реклама, дороговизна жилья, платная врачебная помощь)» [За медицинские кадры. 1959. № 9].

В газете сложилась практика упоминания негативных черт западного мира в сообщениях о достижениях науки. В заметке В. Шугаева «Выдающийся успех науки» со ссылкой на сообщения прессы говорилось о «поразительном эксперименте итальянских ученых во главе с профессором Даниэле Петруччи», которым удалось впервые добиться развития оплодотворенной человеческой яйцеклетки в течение 29 суток вне материнского организма. Это названо в заметке сенсацией. Упомянута и реакционная роль религии, «особенно сильной в Италии»: «Церковники Ватикана открыто выступили против Даниэле Петруччи, стремясь помешать и остановить блестящие эксперименты».

Составляющей частью образа Запада была агрессивность, которая демонстрировалась упоминаниями о военных преступлениях. Авторы газеты писали про авианосец, который увидели в Италии, взрывы, которые услышали у границы ГДР и которые интерпретировали фразой «видимо, там (в Западной Германии) думают не о мире». Тема агрессивности и коварства Запада получила развитие и в контексте событий 1 мая 1960 г., связанных с полетом Г. Пауэрса. Газета писала о митинге сотрудников и студентов, поддержавших позицию советского руководства о невозможности участия в переговорах в верхах в условиях открытого шпионажа против СССР. На первой полосе был опубликован текст телеграммы, направленной коллективом института 13 мая в американское посольство с протестом против действий и агрессивной политики США. Публикация сопровождалась фотографией студентов, читающих текст телеграммы [За медицинские кадры. 1960. № 19].

Образ стран Восточного (социалистического) лагеря характеризовался конкретными примерами достижений последних лет и акцентом на благодарность этих стран советским людям; в случае с ГДР и Чехословакией — благодарность за освобождение от фашизма, в случае с Китаем и Монголией — за помощь советских специалистов. Доктор Александров, преподававший в монгольском университете имени Чойбалсана, восхищался своими студентами: «С каким вниманием они слушали лекции русских врачей, как прилежно работали в лабораториях, кабинетах, клиниках <...>. Некогда невежественная колониальная Монголия, совершив народную революцию, становится страной высокой культуры» [«За медицинские кадры». 1958. № 17].

В статье «Дружба навеки» В. С. Четверикова подчеркивалось хорошее отношение жителей КНР к советским специалистам: «Особенно трогательной показалась мне сердечная дружба, проявлявшаяся по отношению к нам, советским гражданам, со стороны китайцев повсюду, где бы мы ни появлялись». Итог статьи позволяет предположить, что Четвериков, который вел переписку с коллегами из 16 медицинских институтов КНР, чувствовал намечавшееся охлаждение отношений с Китаем: «Этой дружеской сердечной связью необходимо дорожить, всячески расширять и углублять ее на пользу обоих народов» [За медицинские кадры. 1958. № 18].

В публикации доцента В. Ильиной о 13-дневной поездке в Чехословакию приводились примеры достижений в здравоохранении и образовании. Автор, ставшая свидетелем первомайской демонстрации в Братиславе, писала: «самую большую радость доставила нам та атмосфера дружбы, любви и уважения к советским людям, которую мы чувствовали всюду — в столице и в маленьком городке, среди рабочих и трудящихся сельскохозяйственного кооператива» [За медицинские кадры. 1958. № 22].

Сравнительный анализ публикаций газеты «За медицинские кадры», позволил выделить несколько характерных для образов стран «Запада» черт. Авторы отмечали отсутствие бесплатной медицины, дороговизну, рекламу, которую оценивают, как негативное явление. Трудящийся народ Запада отделялся от властей этих стран и характеризовался положительно; отмечался дружелюбный прием, оказываемый советским людям. В свою очередь, оценивая политические события и явления, авторы газеты подчеркивали агрессивность западных властей, несправедливость социального и политического устройства (социальные проблемы в Италии, избирательная система, падение рождаемости и проституция во Франции), реакционность религии (в Италии). Элементы профессионального соперничества наблюдаются в публикациях о научных достижениях западных ученых. При этом констатировались и признавались перспективные, по мнению советских врачей, результаты исследований. Образ Запада в газете сложно назвать гомогенным, у него разные грани. Государствам капиталистического лагеря с учетом публикаций о достижениях медицинской науки на страницах газеты в рассматриваемый период было посвящено больше публикаций, чем странам дружественным. В публикациях о странах социализма подчеркивали их уважение к советским людям и перемены к лучшему в их жизни, происходившие в последние годы. Важной чертой образа стран социалистического лагеря считали стремление к миру и развитию. Таким образом, воспоминания о посещении зарубежных стран были значимым элементом создания медиаобраза зарубежной реальности как Запада, так и Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боффа Д. История Советского Союза. В двух томах. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964. М.: Международные отношения, 1994. Т. 2.

Клинова М.А., Трофимов А. В. Пресса как источник изучения визуального наследия советской повседневности // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 2. С. 59–64.

Мифтахов И.В., Буранок О. М. Становление газеты САМГМУ «Медик» — первого медицинского корпоративного издания — в контексте культуры и вузовского сообщества 50–60 годов XX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 3. С. 95–106.

Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–40.

ОБРАЗ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» ЗАПАДНОГО МИРА В ПОСТАНОВКАХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ СИБИРИ ПЕРИОДА ОТТЕПЕЛИ

Раздобреев Олег Валерьевич

Сургутский государственный университет

razdobreev_ov@surgu.ru

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация образа «маленького человека» западного мира в постановках провинциальных драматических театров в период оттепели. Не затрагивая напрямую проблематику Холодной войны, постановка произведений советских и зарубежных авторов позволяла в рамках реализации тезиса о партийности искусства показать «отсутствие перспектив у “маленького человека” при существующем в стране строе жизни», «страшную политическую неустойчивость» западного общества, разрушение «старого мира».

Ключевые слова: «маленький человек», театральные постановки, образ Запада, противостояние систем

THE IMAGE OF THE «LITTLE MAN» OF THE WESTERN WORLD IN THE PRODUCTIONS OF SIBERIAN DRAMA THEATERS DURING THE THAW PERIOD

Razdobreev Oleg Valerievich

Surgut State University

Abstract. The article examines the interpretation of the image of the «little man» of the Western world in the productions of provincial drama theaters in

Siberia during the Thaw. The plays did not directly address the problems of the Cold War, but the staging of Soviet and foreign works made it possible to show «the lack of prospects for the «little man» under the existing system of life in the country», the «terrible political instability» of the Western society, the destruction of the «old world».

Keywords: the «little man», theatrical productions, the image of the West, the confrontation of systems

«Маленький человек» как ключевой тип литературного героя появился в русской литературе в первой трети XIX в. Самсон Вырин из повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» или Акакий Акакиевич Башмачкин в повести Н. В. Гоголя «Шинель» — типичные образы ничем не примечательных, скромных, обреченных на страдания людей [Шурупова, 2014: 120]. Впрочем, вряд ли к ним применим сам термин «герой», поскольку никакого героизма эти персонажи не проявляли [Жучкова, 2016: 12], но сочувствие к этому маленькому человеку, показ его типичности, отражение его мыслей, чувств, переживаний, стало важным для реализма, особенно, критического реализма конца XIX — начала XX вв.

В послереволюционный период с утверждением нового социалистического строя и идеала всеобщего равенства, социалистический реализм категорически отрицал возможность применять понятие маленького человека для характеристики советской действительности, однако считал вполне уместным использовать его в идеологических целях для показа негативных сторон исторического прошлого или современной капиталистической действительности. При этом образ западного «маленького человека» не носил карикатурного характера и не формировался как образ однозначного врага. Он трактовался, скорее, через сочувствие к обычному человеку, живущему в безжалостных условиях капиталистического мира, что позволяло подчеркнуть противоположность социалистического и капиталистического образов жизни.

Начавшаяся Холодная война, предполагавшая противостояние двух систем во всех областях (политической, идеологической, культурной), с одной стороны, способствовала трансляции в СССР образа Запада как сосредоточения всех пороков современного общества. Но, с другой, интернационализм коммунистического движения и провозглашаемая солидарность советского народа с трудящимися всех стран не давали исключить западную культу-

ру из собственной повестки. В результате показ раскола между двумя системами проходил не только на уровне противостояния мира капитализма и мира социализма, но и на уровне классового антагонизма труда и капитала в буржуазном обществе. Важное значение имела пропаганда указанных установок силами театрального искусства, что в значительной степени определяло репертуарную и постановочную политику столичных и провинциальных театров страны.

Советские театры обязаны были включать в свой репертуар пьесы «прогрессивных западных авторов», выдерживая их постановку в идеологически правильном ключе. В результате, например, в репертуаре драматических театров Алтайского края в конце 1940-х — начале 1950-х гг. доля спектаклей по произведениям западных драматургов составляла 10–15 % [ГААК: Ф. 1445. Оп. 1. Д. 82. Л. 2; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 206. Л. 1–3].

Выбор пьес иностранных авторов в первую очередь был обусловлен их социальным звучанием. В частности, как «срывающая маску с пресловутого “американского образа жизни”» оценивалась театральным руководством пьеса «современного прогрессивного американского драматурга» Артура Миллера «Смерть коммивояжера»: «Как и в других своих пьесах ... Миллер на судьбе своего героя — среднего американца, далекого от революционных мыслей, но ведущего борьбу за свое маленькое счастье, показывает отсутствие перспектив у “маленького человека” при существующем в стране строе жизни» [ГААК: Ф. 260. Оп. 2. Д. 15. Л. 10]³⁹.

В этой связи следует подчеркнуть, что «маленький человек» Запада в его советской театральной трактовке не был равен героям Пушкина или Гоголя. Как отмечают литературоведы, в англоязычной литературе этот образ формировался в рамках индиви-

---

³⁹ Подобный подход сохраняется и в трудах некоторых современных авторов, считающих что через характеристику главного героя пьесы «Смерть коммивояжера» Вилли Ломена А. Миллер «раскрывает проблему маленького человека, мечтающего осуществить свою американскую мечту» в условиях наличия ложных идеалов «общества потребления». При этом даже фамилия Ломен расшифровывается как «маленький человек» (от англ. «low» — низкий, — О. Р.), «отчаянно пытающийся найти свое место в мире», за судьбой которого отчетливо «вырисовывается трагический образ Америки XX века» [Дубодел, 2015: 4].

дуалистической культуры, поэтому при наличии низкой статусной позиции герой произведений зарубежных авторов старался изменить свою жизнь к лучшему, стремился к материальному преуспеванию и имел право на личное счастье [Шурупова, 2014: 120]. Но в советском театральном повествовании такой «маленький человек» предстал перед зрителем, скорее, как средний, типичный винтик классового общества, который мал перед лицом капитала или давящей его государственной машины. Главный его недостаток в том, что он не может преодолеть свою малость, заявить протест против этого угнетения, поэтому нередко погибает в конце пьесы. Несчастливая судьба этого маленького, среднего, обычного человека позволяла постановщикам ярче продемонстрировать преимущества советского образа жизни.

Трансляция сложившегося стереотипа несправедливого западного мира требовала определенной схематичности, что приводило к появлению на сцене набора типичных образов, таких как «плохой капиталист», «угнетенный рабочий», «честный советский человек» [Чернолих, 2023: 194]. Указанный прием уходит корнями в историю театра, когда в средневековых моралите действовали Совесть, Честолюбие, Гордыня и другие аллегории, а в комедии дель-арте стандартными масками были ловкий Арлекин, глупый Доктор, трусливый Капитан и др. Такая подача облегчала восприятие спектакля зрителями, способствуя формированию заранее заданных установок. Примерно в этом ключе и давалась оценка спектаклей, поставленных по пьесам зарубежных авторов в сибирских театрах.

Так, в опубликованной в 1955 г. в газете «Алтайская правда» рецензии на спектакль «Кража» по пьесе Дж. Лондона, поставленной в драматическом театре Барнаула, обращалось внимание на сохранившуюся актуальность пьесы в современных условиях. «Спектакль звучит как сатира на подлинных хозяев современной Америки», — отмечал рецензент [ГААК: Ф. 260. Оп. 2. Д. 60. Л. 7]. Образы действующих лиц были обусловлены их принадлежностью к разным слоям американского общества, поэтому оценка исполнителей определялась соответствующими ожиданиями. В силу этого условно положительный герой пьесы — депутат парламента США Говард Нокс, рассматривается как прогрессивный деятель и честный человек: «Он враг капитала, сторонник рабочего класса, борец за справедливость». Ему

противостоит финансовый магнат Антони Старкуэдэр, который «давно купил правительство и чиновников», а «ради наживы он продаст родину и народ». При этом исполнитель роли Нокса критиковался за то, что «не показал полностью внутренней силы своего героя, его морального превосходства над сворой финансовых заправил Америки», а Старкуэдэр на сцене театра «не похож на магната», который должен быть «хладнокровен, расчетлив, необыкновенно жесток» [ГААК: Ф. 260. Оп. 2. Д. 60. Л. 7]. При этом конгрессмен Нокс вряд ли мог представлять собой «маленького человека» Америки, но в других постановках типичные образы простых людей находили свое воплощение на сцене.

Примером этого может служить проявленный режиссерами большой интерес к пьесе франко-швейцарского драматурга Альфреда Жери «Шестой этаж». В 1956 г. спектакли по этому произведению были поставлены в театре им. Вахтангова в Москве, в Большом драматическом театре Ленинграда, а затем во многих провинциальных театрах страны.

В Барнауле премьера спектакля «Шестой этаж» состоялась в 1958 г. Цель постановки на заседании художественного совета театра была определена стремлением показать зрителю «судьбы простых людей Франции и судьбу женщины в капиталистических станах» на фоне «страшной политической неустойчивости». В спектакле должна была найти отражение «жизнь маленького общества», как «песня Ива Монтана о маленьких людях Франции» [ГААК: Ф. 260. Оп. 2. Д. 17. Л. 392].

В то же время следует учитывать, что большую часть репертуара театров составляли пьесы советских драматургов, в том числе и повествующие о жизни людей за рубежом. Большинство советских граждан никогда не выезжало за пределы своей страны, поэтому не имело реального представления о западном образе жизни, что приводило к парадоксальной цепочке: пьеса автора, слабо знакомого с реалиями Запада, ставилась таким же режиссером и показывалась зрителям, не имевшим возможности соотнести содержание спектакля с реальностью. Ряд таких спектаклей был поставлен и на сцене сибирских театров.

Одним из них стала постановка пьесы советского драматурга, фронтовика Ю. Чепурина «Меч и звезды» на сцене Алтайского краевого театра в 1957 г. Поднятая в спектакле проблема двой-

ственного отношения к немцам (как противникам в недавно отгремевшей войне, так и нынешним союзникам по социалистическому лагерю) показана через трагическую любовь русского парня и немецкой девушки — простых людей, судьбу которых ломают независимые от них обстоятельства. Сюжет спектакля в чем-то похож на появившуюся несколько позже «Варшавскую мелодию», но в пьесе Л. Зорина маленький человек беспомощен перед лицом большой политики, а в пьесе Ю. Чепурина виновником всего является фашизм и сторонники этой идеологии.

Главная идея спектакля была выражена художественным советом театра следующим образом: «Пьеса “Меч и звезды” поднимает вопрос о мире и дружбе между народами в очень острой драматургической форме. Это трагедия, ... международная трагедия. Мать-немка настроена прогрессивно, она против войны, за мир, приехала с открытой душой. ... Но отец — явный фашист, идет против советской власти. ... Нужно доказать, что пока будет такое международное отношение — полного счастья не может быть в такой семье. Нужно прежде всего разрядить международное отношение» [ГААК: Ф. 260. Оп. 2. Д. 17. Л. 211].

Бийским драматическим театром в 1949 г. был поставлен спектакль по пьесе А. Шейнина «Роковое наследство», широко представленной в различных театрах страны. Действие пьесы разворачивается на волжском пароходе, где едут граждане СССР и американцы, что давало возможность противопоставить друг другу два мира и их выразителей: простого советского человека и хищников мира капитала. «Это пьеса о высокой, чистой коммунистической морали советских людей, свободных от грязного наследия прошлого. И рядом с ними особенно отчетливо и ярко выступает неизменная звериная сущность группы американцев, для которых цель жизни — нажива, бизнес, доллар» — утверждалось комиссией по премьере спектакля [ГААК: Ф. 1445. Оп. 1. Д. 82. Л. 226–228].

Указанное противостояние определяло показ однозначно положительного образа советского человека, имеющего «и простоту, и смекалку русского человека, твердый советский патриотизм и добрую хорошую душу». Актерам же, играющим зарубежных гостей, предлагалось показать «выразительный облик мелкого американского дельца» и усилить черты «прожженного алчного американца» [ГААК: Ф. 1445. Оп. 1. Д. 82. Л. 226–228].

К числу наиболее популярных спектаклей на зарубежную тематику, поставленных в 1950-е гг. в театрах страны, относится спектакль по пьесе Б. Лавренева «Голос Америки». Написанная в 1949 г. и ставшая лауреатом Сталинской премии 2-й степени в 1950 г., пьеса отражала настроения начала Холодной войны, когда американцы из бывших союзников стремительно превращались в противников.

По сюжету, участвовавший в событиях Второй мировой войны капитан американской армии Вальтер Кидд возмущен антисоветской речью сенатора Уилера, вступая с ним в открытое противостояние. «Так завязывается неравный поединок между империалистом Уилером, на стороне которого законы полицейского государства, продажные конгрессмены и суды, и далеким от политики “средним” американцем Киддом, единственным оружием которого является смелость, честность и органическое отвращение к любым сделкам с совестью», — писала советская критика (1950); именно обычный человек Кидд олицетворял «подлинный американский народ, в сознании которого все больше зреет идея штурма империализма» [Театр имени Федора Волкова].

На заседании комиссии по приемке спектакля в Алтайском драматическом театре звучали вполне традиционные замечания, касавшиеся усиления негативных черт в образе Уилера как фигуры, «воплощающей сегодняшнюю Америку», и как «одного из представителей фашизма, готовящего войну». Предполагалось, что для зрителя Уилер «должен быть страшен в своем человеконенавистничестве. ... Он должен вызывать омерзение» [ГААК: Ф. 1445. Оп. 1. Д. 84. Л. 14–15].

В постановке «Голоса Америки» в Рубцовском драматическом театре (1950) больше внимания обращалось на то, что средний американец Кидд в результате приходит «в лагерь подлинной демократической Америки», в то время как «озлобление Уиллера значительно усиливается в силу страха перед будущим, в силу страха за свою судьбишку» [ГААК: Ф. 1445. Оп. 1. Д. 82. Л. 139–140]. В этом контексте рядовой американец Кидд противопоставляется ничтожному Уилеру, предлагая зрителю задуматься над тем, кто из них на самом деле является маленьким человеком.

Подводя итог, следует отметить, что подобная прямолинейная трактовка образа двух миров и роли «маленького человека» в од-

ном из них постепенно теряла свою актуальность. Советский театр 1960-х гг. обращался к внутреннему миру человека (пьесы Э. Радзинского «104 страницы про любовь» (1964), А. Володина «Моя старшая сестра» (1961), «Варшавская мелодия» Л. Зорина (1967) и др.), но назвать этого человека «маленьким» было уже невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Государственный архив Алтайского края (ГААК).

Дубодел А. П. Тема «Маленького» человека в американском обществе (на материале произведений А. Миллера и Дж. К. Оутс) // Огарев-Online. 2015. № 8 (49). С. 1–8.

Жучкова А. В. Внешний локус контроля как субстанциональное свойство «Маленького человека» в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2016. № 1. С. 51–62.

Театр имени Федора Волкова: Борис Лавренев. Голос Америки (1950). <https://volkovteatr.ru/repertoire/arkhivnye-spektakli/golos-ameriki-1950/> (дата обращения: 28.09.2024).

Чернолх К. В. Эволюция образа западного мира в советской массовой культуре 1985–1991 гг. // Свободная мысль. 2023. № 3. С. 188–200.

Шурупова О. С. Образ «Маленького человека» в Петербургском и Лондонском текстах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4. С. 120–123.

РОК-ПОЭТИКА В ГОРОДЕ АНГЕЛОВ 1960-х гг.: ДВЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЙНЫ

Кузнецов Иван Константинович

*НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
ikkuznetsov@edu.hse.ru*

Аннотация. В статье анализируются поколенческие различия в репрезентациях политического и войны в рок-поэзии музыкантов 1960-х годов в Лос-Анджелесе. Автор исследует рефлексии политического в контексте травматического опыта Холодной войны — через призму культуры, поэтики, а также через тематику расизма и эмансипации.

Ключевые слова: Артур Ли, музыка и Холодная война, Рок, США, 1960-е годы

ROCK POETICS IN THE CITY OF ANGELS IN THE 60S: TWO PERSPECTIVES OF POLITICAL AND WAR

Kuznetsov Ivan Konstantinovich

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg

Abstract. The article analyses the generation gap in the representations of the political and the war in the rock poetry of the 1960s among Los Angeles musicians. The author examines the reflection of the political in the context of the Cold war (through the lens of culture, poetry as well as the themes of racism and emancipation).

Keywords: Arthur Lee, Music and the Cold War, Rock, USA? 1960s

Город Ангелов — поэтическое название калифорнийского города Лос-Анджелес, ставшего родиной для многих знаковых музыкантов и поэтов 60-х годов. 1960-е — эпоха поиска откровений и свободы, в том числе свободы от страха ядерной войны. Именно это время отмечено взлетом антивоенного активизма, направленного на окончание затянувшейся войны во Вьетнаме, а также отчетливой реакцией на явление маккартизма Америки 1950-х.

Особенно интересно в контексте Холодной войны посмотреть на творчество Джима Моррисона и Артура Ли.

Моррисон — поэт и рок-музыкант 1960-х гг., солист и лидер группы «The Doors», чья лирика в декадентских и «эдипальных» тонах эпохи модерна шла вразрез с общим эмансипаторным настроением 60-х гг. Для того, чтобы понять причастность Моррисона к тематике Холодной войны, достаточно вспомнить тот факт, что именно его песней «The End» открывается знаменитый фильм Ф.Коппола «Апокалипсис Сегодня». В самом начале картины предстает пейзаж вьетнамских джунглей, над которыми в замедленном темпе пролетают вертолеты. Далее на экране изображаются напалмовые взрывы, и Джим Моррисон поет: «*This is the end / Beautiful Friend*⁴⁰».

Джим Моррисон являлся представителем американского поколения детей, выросших в период относительно стабильных и экономически успешных 1950-х гг. Он был сыном лейтенанта Джор-

---

⁴⁰ Apocalypse Now intro: «The End», The Doors (1979) // YouTube.: <https://youtu.be/ClrvSJwwJUE?si=VehbwE069Gwg5QSP> (дата обращения: 08.10.2024).

джа Стефена Моррисона — ветерана Второй мировой войны и контр-адмирала Американского военно-морского флота. Покинув свой дом для изучения кинематографа в UCLA, Джим Моррисон полностью разорвав связи с отцом. Но и сам отец не мог продолжить признавать в Джиме Моррисоне, трансгрессивной рок звезде 1960-х гг., своего сына, поэтому жест Джима не остался односторонним.

Артур Ли был, с одной стороны, уличным хулиганом, участвующим в различных стычках (The Man Who Inspired Hendrix, 2016). Будучи афроамериканцем, он не раз попадал в неприятности с полицией (расизм полиции в тот период американской истории был намного очевиднее, чем сегодня). С другой стороны, мы знаем Артура Ли как выдающегося музыканта и вокалиста, который производил на свет пронзительные и экзистенциальные тексты, наполненные рефлексией по отношению к распадающемуся на части миру. Тексты дополнял тонкий голос, который накладывался на барочные композиции, совмещенные с оркестровыми и блюзовыми партиями. В целом, произведения Артура Ли являли собой исключительный пример синтеза психоделического рока и фолковых мотивов. Впоследствии молодой музыкальный лейбл Elektra заключил с музыкантом контракт на запись альбомов; и именно Артур Ли убедил директора лейбла Elektra сделать запись своих начинающих коллег по цеху, которых он оценивал крайне высоко — молодую группу с харизматичным фронтменом Джимом Моррисоном.

Конец 1960-х гг. в США и Лето Любви были во многом последним дыханием эпохи оптимистичной борьбы за права⁴¹. В каком-то смысле это было, действительно, схлопыванием молодежных движений, мечтавших, как точно выразился Джим Моррисон, «прорваться на ту сторону» (*«Break on through (To the Other Side)»*), освободившись от буржуазной культуры, капитализма, империализма и войны. Неудивительно, что можно увидеть очевидные аналогии ситуации в США с неудавшейся майской революцией 1968 г. во Франции. Как выражался французский философ Жиль

---

⁴¹ Love's Main Man Looks Back on the '60s, Man : Arthur Lee, leader of Elektra's first rock band, talks about the Doors, the Byrds and Mick Jagger // Los Angeles Times. <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1993-08-26-vl-28061-story.html> (дата обращения: 8.10.2024).

Делез, это было время возмутителей спокойствия, эпохой суеты, жестов, всевозможных глупостей, иллюзий [Делез, 2016: 70]. Подобные описательные коннотации применимы и к концу 1960-х гг. в США — времени возмутителей спокойствия, среди которых была и дионисийская рок-звезда Джим Моррисон; время жестов, глупостей, и иллюзий, которые, в свою очередь, развеивал в своих текстах Артур Ли. Раскрепощение личности обернулось личным апокалипсисом, а формы освобождения от социальных и культурных клише сами стали социальными и культурными клише уже в 70-е гг., с появлением такого феномена как глэм-рок. Три революции — сексуальная, психоделическая (в каком-то смысле духовная) и сарафанная [Мирская, Пигулевский, 2017: 78] — поставили под сомнение гегемонный культурный порядок 50-х гг., создав при этом свой, новый.

Исследования страхов, аффектов и дискурсивной ситуации Холодной войны в культуре тех социальных движений, которые канализировали эти страхи, представляется важной научной задачей. Большая часть исследований затрагивала, прежде всего, кинематограф и другие условно большие культурные формы. Как уже было указано некоторыми исследователями, например, Т. Б. Рябовой [Рябова, 2022: 90], музыкальные произведения очень часто брали и до сих пор берут на себя роль имплементации различных социальных и дискурсивных практик в сознание массового слушателя — музыка служит институтом формирования идентичности и идеологической картографии мира человека. Данный текст обращает внимание на то, как в популярной музыке 60-х гг. отразился страх, пронизывающий американское общество на рубеже десятилетий 1950–60-х гг.; молодые американцы были недовольны не только войной во Вьетнаме, но и также консервативной идеологизацией общества, выстраивающего свою идентичность на принципе противопоставления потенциальному врагу в лице коммунизма.

Музыкальная композиция «The Red Telephone» группы «Love», изданная в 1967 г. за авторством Артура Ли, своим названием отсылает к существовавшей в те годы горячей линии на случай угрозы ядерной войны; линия связывала военное командование США, президентский офис США и высшее руководство СССР. Журналист американского портала AllMusic Мэтью Грюнвальд писал

о «The Red Telephone», что она является одной из самых изысканных композиций из всего альбома, а также одной из самых увлекательных композиций, что когда-либо писал Артур Ли; она отражает мрачно-философские и апокалиптические настроения. Песня также связана с классическими для Артура Ли темами — расовой проблематикой заключением, несвободой, эмансипацией, а также смертью и войной.

Первый куплет можно перевести следующим образом: *«Сидя на холме, / смотря на то, как умирают люди, / мне намного лучше на другой стороне, / я поеду автостопом»*. В тексте очевидны коннотации отрешенности, отчужденности от тех гипотетических смертей, что происходят на некотором другом берегу. Речь идет о затянувшейся войне во Вьетнаме, где к моменту конца 60-х годов, по усредненным оценкам, США потеряли около 60 000 личного состава. В данном случае прослеживается авторская позиция отстранения, напоминающая позицию Славоя Жижека *«I would prefer not to»* [Сивков, 2021: 175]. Такое окончание, без указания места направления поездки, можно считать некоторым манифестом, указывающим на кочевнический характер жизни лирического героя. Иными словами, прослеживается номадологическая [Делез, Гваттари, 2005: 183] составляющая, в которой субъект пытается вырваться из четко структурированного дискурса, заставляющего его выбирать какую-либо сторону. Субъект, лирический герой, пытается вырваться из предписанных ему дискурсивных конструкций и ситуаций, требующих немедленного действия — найти свое предназначение в кочевническом, номадологическом проекте децентрированного субъекта и избежать насильственного политического и идеологического контекста 60-х гг.

Следующий куплет также представляет интерес: *«День за днем / я не знаю жив ли я / или я должен существовать. / Иногда моя жизнь такая странная / и, если ты считаешь, что я счастлив / покрась меня в (белый)(желтый)(розовый)»*. Мы можем установить следующие аналогии с точки зрения расовой проблематики и выстраиваемого в американской пропаганде образа врага: белый — американец, желтый — солдат Вьетконга, хрестоматийный образ «азиатского врага». Это своеобразное включающее исключение. Подобное перечисление указывает авторскую позицию: каким бы «цветом» ни метила человека идеология, границы всегда размыты

и нецентрированы, что также отсылает нас к номадологическому проекту Жюль Делеза и Феликса Гваттари.

Пятый куплет также примечателен: *«Мне не нужно время дня, / любое время со мной пойдет. / Я просто не хочу, чтобы вы использовали мое время, / потому что это неправильно»*. Складывается фукианская картина, в которой время человеческого тела ставится на службу дисциплинарным структурам — прежде всего, армии, в которой время человеческой жизни становится одним из ключевых ресурсов. С помощью средств биополитики эксплуатируется молодость, телесное время и жизненное время молодых людей, что не устраивает лирического героя. Словно номад, хиппи, лирический герой пытается ускользнуть от описанного порядка вещей.

Заключительный куплет на русском языке звучит следующим образом: *«Они запирают их сегодня / они выбрасывают ключ / я гадаю кто это будет завтра, я или ты?»*. Символизм данных строк также отсылает нас к войне во Вьетнаме. Так, одна треть личного состава США были призваны в рамках обязательного призыва. Известным является факт, что многие мужчины, получившие отсрочку, были из обеспеченных и образованных семей. Кроме того, существовала даже специальная система лотерей, в которых случайным образом отбирали на войну во Вьетнаме⁴². В процитированных строчках обыгрывается положения *homo sacer*, в котором оказывались молодые люди, особенно из бедных, афроамериканских семей (как было упомянуто, сам Артур Ли был афроамериканцем). Можно с полной уверенностью говорить о наличии антипризывного символизма в данных строках. Воспринимаемая война и борьбу идеологий в рамках более обширного процесса Холодной войны, автор отчуждает себя и смотрит со стороны мета-позиции, представляя ее в тонко-декадентском стиле.

Такой подход сильно контрастирует с тем, что мы можем называть военными песнями, или с музыкой, которая, по крайней мере, старается оправдать войну во Вьетнаме. Интересным представляется пример композиции «Hello Vietnam» в стиле кантри, исполненной Джонни Райтом; стоит обратить внимание на то, что эта же композиция звучит и в фильме «Цельнометаллическая оболочка» Стэнли Кубрика (1987). Характерно, что в тексте дан-

---

⁴² Vietnam war draft // Thevietnamwar.info. <https://thevietnamwar.info/vietnam-war-draft/> (дата обращения: 8.10.2024).

ной композиции⁴³ война воспринимается как нечто обыденное, нормальное для человека; размеренный темп музыки заставляет нас предположить, что «остановить коммунизм на Вьетнамской земле» и «не дать Америке быть остановленной» — долг каждого добропорядочного гражданина Соединенных Штатов Америки. Однако, конечно, такой взгляд был мало популярен среди протестной молодежи конца 60-х годов, в чем мы убедились на примере композиции Артура Ли.

Даже на чувственном, феноменологическом, уровне, мы понимаем, какое глубокое различие лежит в различных точках зрения на войну, особенно между различными поколениями. Хрестоматийным примером этого является Джим Моррисон и его отец, или Артур Ли, воспринимающий войну во Вьетнаме в целом как серию событий во главе больших несправедливостей мира с расизмом, предрассудками и несвободой, из которых необходимо выбраться.

Очевиден серьезный разрыв поколений, их оптики. Одно поколение, представленное Джонни Райтом, воспринимает войну как способ отстоять американские идеалы и ценности свободы, как нечто обыденное и обязательное. Другое поколение, в числе которого были Артур Ли и большое количество других музыкантов и поэтов 1960-х гг. (например, Боб Дилан), видят в войне проблему, причину несвободы и корень зла, которое необходимо выкорчевать, или жить «по другой берег» от него. Холодная война — история аффектов и эмоций [Аванская, 2019: 12], которые определяли ход мировой истории и ставили мир на грани полного уничтожения.

Хочется закончить данный текст строчкой из еще одной композиции Артура Ли с альбома *You Set the Scene*, которая показывает важность личного выбора в контексте времени. Выбор становится экзистенциальным манифестом вброшенности и обреченности на свободу, которая кажется уже скорее проклятием в сложном мире, полном насилия, войн и непростых идеологических выборов:

*«There's a man who can't decide if he should
Fight for what his father thinks is right».*⁴⁴

⁴³ Hello Vietnam // Genius. <https://genius.com/Johnny-wright-hello-vietnam-lyrics> (дата обращения: 8.10.2024).

⁴⁴ You Set the Scene // Genius. <https://genius.com/Love-you-set-the-scene-lyrics> (дата обращения: 08.10.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванская В. А. История холодной войны как история эмоций: на примере гонки ядерных вооружений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4. С. 10–22.

Делез Ж. Мая 68-го не было. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

Делез Ж, Гваттари Ф. Трактат о номадологии // Новый круг. 2005. № 2. С. 183–187.

Мирская Л. А., Пигулевский В. О. Контркультурный эрос в рок-музыке // Южно-Российский музыкальный альманах. 2017. № 4. С. 78–83.

Рябова Т. Б. Стереотипизация как оружие пропаганды холодной войны: воинская маскулинность в советской песне // Социальная психология и общество. 2022. № 4. Т. 13. С. 90–106.

Сивков Д. Ю. Субъект Бартлби // Логос. 2021. № 3. С. 170–190.

ОБРАЗЫ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В АНЕКДОТАХ СССР ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ 1946–1991 гг.

Селезнев Алексей Тимофеевич, Романов Илья Эдуардович

МГУ им. М. В. Ломоносова

Kostoc.gagarin1961@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию анекдотов СССР, которые позволяют взглянуть на эпоху Холодной войны по-новому. Авторами анализируются ключевые сюжеты и образы, запечатленные в таком социальном феномене, как анекдот. Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении различных типологических сюжетов, которые показывали образы СССР и США.

Ключевые слова: Холодная война, СССР, США, анекдот.

IMAGES OF «FRIENDS» AND «FOES» IN THE ANECDOTES OF THE USSR DURING THE COLD WAR OF 1946–1991

Seleznev Aleksey Timofeevich, Romanov Ilia Eduardovich

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article examines the anecdotes of the USSR, which allow us to look at the Cold War era in a new way. The authors analyze the key plots and images captured in the social phenomenon as an anecdote. The novelty of the work lies in the comprehensive consideration of various typological subjects that showed the image of the USSR and the USA.

Keywords: The Cold War, the USSR, the USA, anecdote.

Анекдот как исторический источник, который передает настроения общества, очень интересен. Существует определенный дефицит научных исследований, который можно объяснить рядом факторов: к анекдотам относятся не совсем серьезно, и существует трудность фиксации данного вида источника.

Источниковедческой базой выступает сборник М. А. Мельниченко «Советский анекдот: указатель сюжетов», по 3-му изданию которого и цитируются все анекдоты. Автор отмечает: «Политический анекдот в современном понимании, т.е. жанр преимущественно городского фольклора... появляется в начале XX века и быстро превращается в центральный жанр городской традиции...» [Мельниченко, 2023: 8]. Говоря о феномене анекдота и его ценности как исторического источника, исследователь пишет: «Политизация советского анекдота во многом была определена иницированными властями политизацией массового сознания и унификацией политического быта населения СССР... В городе... анекдоты рассказывались на всех уровнях социальной иерархии» [Мельниченко, 2023: 10].

Кратко рассмотрим историографию вопроса. В. О. Перцов в 1927 г. написал первую статью про анекдот в журнал «Новый Леф», которая являлась единственной в отечественной историографии на многие годы [Перцов, 1927: 41–43]. Ее автор рассуждает о сути и характере анекдота абстрактно и образно, отмечая, что «Анекдот в этом случае — поэзия бюрократической прозы» [Перцов, 1927: 42]. Автор делает важное замечание, которое определяет специфику анекдота и трудность его фиксации: «он не выдерживает цензуры. Напечатать его нельзя, можно только рассказать» [Перцов, 1927: 42]. Во времена оттепели в газете «Известия» появилась публикация Николая Курицына «За это надо драться!», посвященная анекдотам [Курицын, 1964: 5]. Автор осуждал анекдот как явление, которое порочит советскую действительность. В целом текст носит тенденциозный характер, однако показывает официальную точку зрения на политический анекдот.

В. С. Бахтин в 1989 г. в «Литературной газете» опубликовал интервью-статью про анекдот; это интервью сопровождалось рядом анекдотов [Бахтин, 1989: 16]. В период перестройки вырос

интерес к данному виду юмора, что обусловлено расширением политической и идеологической свободы. Как отмечает М. А. Мельниченко, «проблема соотношения политической действительности и смеховой культуры на протяжении многих десятилетий оставалась вне поля зрения советских ученых» [Мельниченко, 2023: 15]. Кроме того, он говорит о малом количестве современных исторических исследований в данной области. По мнению автора, «советский анекдот представляет собой часть устной демократической традиции [Мельниченко, 2023: 15]. В современной отечественной историографии существует пара десятков работ, которые в основном рассматривают советский анекдот в различных аспектах в рамках фольклористики и лингвистики. В основу данного исследования легли социологический и исторический подходы. Текст анекдота вариативен, и поэтому он с большим трудом поддается хронологической локализации. Мы не ставим вопрос об авторстве этих анекдотов, их происхождении. Для нас в данной статье они представляют интерес как значимый фактор жизни советского человека, оказывающий влияние на его представления в «своих и «чужих» в контексте Холодной войны.

Внешняя политика СССР и международные отношения интересовали советских людей, и это можно проследить в анекдотах. Одной из тем для юмора стала КНР, с которой отношения у СССР испортились с 1960 г. из-за политики, которую проводил Н. С. Хрущев. Китай предстает как грозная сила, которая благодаря своей энергии может одолеть СССР. На восприятие Китая влиял и пограничный конфликт на острове Даманском (март 1969 г.). В одном из анекдотов сказано, что СССР проиграет войну с Китаем, потому что капитулирует: «после того, как он возьмет в плен 400 миллионов китайцев» [Мельниченко, 2023: 959, далее ссылки на данный корпус источников приводятся в формате: «М.»].

Джимми Картер говорит с Леонидом Брежневым по прямому проводу. В ходе разговора Картер сообщает советскому вождю о наличии в США чудо-компьютера, предсказывающего будущее. Брежнев заинтригован и просит <...> Картера задать компьютеру вопрос: «Каков будет состав Политбюро ЦК КПСС в 1980 году?»... Картер смущенно говорит: «К сожалению, я не могу прочесть. Имена написаны по-китайски» [М.: 960].

Важным сюжетным блоком выступают анекдоты про ГДР и ФРГ, где две страны являются антитезой друг друга. ГДР показывают как отстающую страну, которая получила от идей Маркса и от СССР только «Коммунистический манифест», а не «Капитал» [М.: 938]. Особый интерес вызывает проблема Берлинской стены, которая существует «чтобы отделить Восток от Запада» [М.: 938]. Стена препятствовала бегству в ФРГ. В анекдоте глава ГДР Эрих Хонеккер в диалоге с французской актрисой Брижит Бардо говорит ей в ответ на просьбу снести стенку: «Ты, наверное, хочешь, чтобы мы остались одни?!» [М.: 420].

Достаточно популярной была и тематика диссидентов, невозвращенцев и еврейской эмиграции. Сбежавшие из СССР представлены как находчивые люди: «Сборная команда КВН выехала в США на товарищескую встречу. Веселые вернулись...» [М.: 421]. Про случаи диссидентства во время заграничных гастролей Большого Театра сложена целая серия анекдотов. Приведем два из них:

Уезжает в США Большой Государственный оркестр. Возвращается Камерный ансамбль.

Девиз Большого театра: «Будем ездить — до последнего!» [М.: 422].

Такие случаи были широко известны в обществе, так как СМИ их активно осуждали, можно вспомнить Рудольфа Нуреева, который совершил «прыжок в свободу» в 1961 г., Наталью Макарову, Михаила Барышникова и других. Для граждан СССР актуальным и желанным был и выезд за границу. ОВИР выдавал заветные выездные визы, но с этим было все не так просто: «Всю жизнь человек доказывал, что он русский, но в парткоме его считали евреем, теперь он доказывает, что он еврей, но в ОВИРе его считают русским» [М.: 1016]. Поэтому у людей, мечтавших «о загранице», складывалась иллюзия о прекрасном и долгожданном Западе.

Глобальным вопросом оставалась перспектива превращения Холодной войны между двумя сверхдержавами в горячую. Несмотря на разрядку международных отношений при Л. И. Брежнев, атмосфера продолжала быть напряженной. Страны ОВД и НАТО противостояли друг другу, что порождало ряд схожих сюжетов, например:

Солдат заснул на пусковой кнопке стратегической ракеты. «Происшествий не было!» — «А Бельгия где?! Два наряда вне очереди!»

В отсеке подводной лодки: «Кто нажал на красную кнопку?» Молчание. «Кто нажал на красную кнопку?» Молчание. «Да хр[...] с ней, с Австралией, но дисциплина-то у нас должна быть! Кто нажал на красную кнопку, я спрашиваю?» [М.: 699].

Предметом осмеяния становится и порядок в советской армии, где, согласно анекдотам, царит такая неразбериха, что это вполне может привести к случайным ядерным ударам. Показана и хрупкость мира, и влияние человеческого фактора. Ядерное оружие сдерживания утрачивает свою целесообразность, так как в ходе войны будет достигнута Пиррова победа.

Будущее. Год 1992. Война СССР с США подошла к концу. Звонок из Вашингтона в Кремль: «Вы все свои атомные бомбы уже употребили. А у нас еще одна осталась. Сдавайтесь! Даем вам десять минут». Через десять минут ответный звонок Кремля: «Сержант Иваненко, разбирая сапоги на складе, нашел еще пять атомных бомб. Сдавайтесь вы! До тех пор, пока у нас такой беспорядок, мы непобедимы» [М.: 704].

В период Холодной войны Советский Союз и Штаты соревновались во многих отраслях. Ключевой стала борьба за первенство в космосе. Успехи СССР положительно влияли на образ страны, а Юрий Алексеевич Гагарин стал известен на весь мир. В анекдоте по-доброму подшучивают над Леонидом Ильичом («После высадки американцев на Луну Брежнев: «Мы должны высадить космонавтов на Солнце». — «Но ведь там такая температура!» — «Полетят ночью» [М.: 273]).

Отношение людей к гонке двух государств за первенство было неоднозначным, так как идеология не заменяла первичные потребности. Это порождало ряд злободневных анекдотов: «США катятся по наклонной плоскости в пропасть. Задача СССР — догнать и перегнать США»; «на шоссе первый плакат: «Догоним и перегоним Америку!». Второй плакат (выставленный автоинспекцией): «Не уверен — не обгоняй!»» [М.: 450].

Вопросы экономики и потребления были одними из ключевых для людей, если не самыми важными. Социалистическая, плановая, экономика ассоциируется с дефицитом и импортом продуктов и товаров. Так на Кубе после развитого социализма будет дефицит сахарного тростника, хотя до этого его было в избытке: «Она начнет ввозить тростниковый сахар» [М.: 152]. О массовых закупках хлеба, зерна из США и Канады, которые начались с 1963 г., сложено много анекдотов, начиная с закупки зерна за рубежом и заканчивая чудесами советской агрономии, которая собирает урожай в Канаде: «В коммунистической школе будущего: «Что такое пшеница?. — Злак. Растет в Канаде» [М.: 484].

Общество видело выход из такой ситуации в капитализме и в рыночной экономике, поэтому перестройку приняли с вдохновением и радостно обратили взор в сторону Запада:

Американские экономисты предлагают такую программу построения коммунизма в СССР. Одна половина страны строит у себя коммунизм. Другая половина страны строит у себя полноценный развитый капитализм и кормит первую половину [М.: 157].

Сытый и развитый Западный мир выигрывает борьбу у социалистического лагеря:

Что позволяет Советскому Союзу закупать на Западе так много зерна?

— Один из основных пороков капиталистической системы — хроническое перепроизводство товаров широкого потребления» [М.: 483].

Подводя итоги исследования, можно обозначить основные сюжетные линии и образы в анализируемых источниках: советский политический анекдот критиковал систему, выводя ее пороки на свет; западный мир, в том числе и США, похожи на рай на Земле, там созданы условия для развития человека и для потребления; именно надежды на лучшую жизнь и разочарование в Советской системе побуждали людей к конструированию образа Запада как «Земли обетованной» и к партнерскому сотрудничеству с ним; эти идеи нашли воплощение в период перестройки и в 1990-е годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин В. С. Вчера мне рассказывали анекдот / записал И. Фоянков // Литературная газета. 1989. № 20. С. 16.

Курицын Н. За это надо драться! Письмо в газету «Известия» // Известия. 1964. № 52. С. 5.

Мельниченко М. А. Советский анекдот: указатель сюжетов. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Перцов В. О. Анекдот. Опыт социологического анализа // Новый Лепф. 1927. № 2. С. 41–43.

НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

Дагаева Кира Игоревна

Московский педагогический государственный университет

dagaevakira@yandex.ru

Аннотация. В работе изучаются публикации американских журналов «Commentary» и «Time», посвященные Советскому Союзу, которые вышли в период с августа по декабрь 1991 г. Анализ публикаций позволяет установить, что августовский путч вызвал всплеск интереса зарубежной прессы к СССР. Оценки консервативной прессы представляли собой достаточно нейтральные аналитические обзоры; материалы либерального издания тяготели к образности и эмоциональности. Прослеживаются параллели с революцией 1917 г., выявляются основные стереотипы и образы СССР в американских СМИ.

Ключевые слова: имагология, образ России, революция, Холодная война, стереотипы.

NEW REVOLUTION: INTERPRETATION OF THE AUGUST PUTC IN THE AMERICAN PRESS

Dagaeva Kira Igorevna

Moscow Pedagogical State University

Abstract. The article discusses the publications of the American magazines «Commentary» and «Time» devoted to the Soviet Union which were published in the period from August to December 1991. It was revealed that the August putsch caused a surge of interest in the USSR in the foreign press. The assess-

ments of the conservative press were presented by neutral analytical reviews, while the materials of the liberal publication tended to be figurative and emotional. American magazines show a tendency to draw parallels between the 1917 revolution and the putsch 1991. The results of the analysis reveal the main stereotypes and images of the USSR used in American press.

Keywords: imagology, the image of Russia, revolution, Cold War, stereotypes.

Холодная война — сложное многомерное явление, длившееся почти полвека и затронувшее несколько поколений. Она не только оказала воздействие на ход мировой истории, но в значительной мере влияет и на восприятие современных событий. Это не просто фрейм, рамка, ограничивающая угол восприятия, но и полноценная парадигма интерпретации окружающей действительности. Современная реальность — это не только обстановка в парадигме наследия Холодной войны, с ее образами и стереотипами, но и возобновление пропагандистской риторики, возврат к концепции противостояния, своего рода «Холодная война 2.0» [Фрейнберг, 2022]. В связи с этим особый интерес вызывают события финального периода Холодной войны, их трактовка и влияние на формирование общественного мнения.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период с августа по декабрь 1991 г. Фокус интереса — публикации американской прессы в сентябре 1991 г., представляющие наиболее яркую реакцию на августовский путч. В работе рассматриваются два американских издания: либеральный общественно-политический новостной еженедельник «Time» и консервативный аналитический ежемесячный журнал «Commentary». Цель исследования — проследить специфику репрезентаций образа Советского Союза, его лидеров и его жителей в американской прессе различной политической направленности. Выбор изданий определялся, в первую очередь, доступностью архивных материалов и достаточной сопоставимостью периодичности их выхода в свет.

Анализ материалов проводился по нескольким направлениям. Во-первых, это лингвистический и статистический анализ, учитывающий количество публикаций, частотность лексем и коллокаций, то есть словосочетаний. Подобный формализм позволяет выявить сухие факты (такие, как, например, пики публикационной активности). Опора на частотные лексемы и коллокации позволяет абстрагироваться от эмоционального авторского стиля и заглянуть

немного глубже в текст — проследить, какие маркеры, ключевые точки, встречаются в текстах чаще остальных; установить их повторяемость и, основываясь на беспристрастных статистических данных, говорить о стабильности тех или иных идей или образов.

Во-вторых, производился тематический анализ текстов, позволяющий выявить основные проблемы, волновавшие американских журналистов, определить основные направления их риторики и особенности расстановки акцентов при репрезентации фактов.

В-третьих, внимание уделялось иллюстративному материалу, поскольку это также является опорным имагологическим элементом, принципиально влияющим на формирование образа «чужого». Несомненная сложность в работе на данном уровне состоит в многокомпонентности представленных образов. Иллюстрации включают в себя несколько уровней: текстовый (подписи и верстка), цветовой, элементы кадрирования, ракурсы, выбор персоналий и многое другое. Следует отметить, что это направление заслуживает отдельного и тщательного исследования.

На первом уровне анализа, связанным со статистическими параметрами, удалось выявить, насколько вырос интерес американских СМИ к России после августовского путча. Так, например, в «Time» ежемесячное количество публикаций, посвященных нашей стране, в 1990–91 гг. составляло 4–7. Между тем в сентябре 1991 г. вышло 24 статьи, посвященных событиям в Советском Союзе. В случае журнала «Commentary» этот показатель не столь выдающийся, однако корреляция также прослеживается: среднее число публикаций, посвященных СССР, составляло 6–8 статей, в то время как в сентябре 1991 года этот показатель достиг 10 публикаций, что достаточно много для одного номера. Примечательно, что все публикации журнала «Time» выходили в разделе «Мир», в то время как рубрикация в «Commentary» была более диверсифицирована: 6 статей вышли в разделе «Цивилизация и мир», 2 — в разделе «Литература» и 2 — в разделе «Европа». Однако в журнале «Time» в первом номере сентября событиям в СССР была выделена отдельная рубрика под названием «Русская революция», так же назывался весь выпуск, о чем свидетельствует заголовок на обложке [Wallis, 1991]. На лексическом уровне следует отметить высокую частотность употребления лексем «революция», «переворот», «провал», «кризис» (см. рис. 1), характерную как для консервативного, так и для либерального издания.

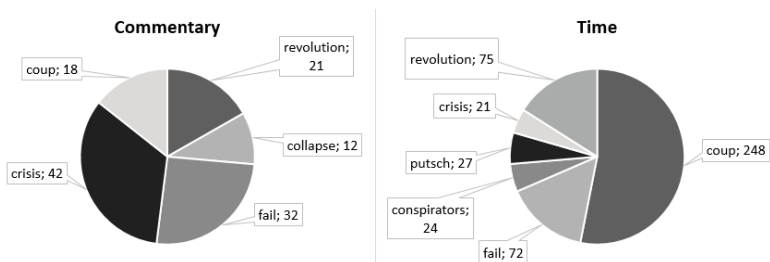

Рис. 1. Наиболее частотные лексемы в публикациях журналов «Commentary» и «Time» в сентябре 1991 г.

Основываясь на статистических данных, можно сделать вывод, что консервативный журнал «Commentary», освещая августовский путч, делал акцент на аспектах «кризиса» и «провала», в то время как «Time» на лексическом уровне акцентировал внимание, в первую очередь, на «перевороте», «революции» и «провале». В каждом из журналов встречались и свои высокочастотные лексемы. Так, в «Commentary» особое внимание уделялось «коллапсу», причем не только политическому, но и экономическому, в то время как в «Time» писали о «путче» и «заговорщиках».

На уровне частотных коллокатов в журнале «Commentary» можно выделить «коллапс советской системы» и «коллапс советской экономики»; также большое внимание уделялось окончанию Холодной войны. В журнале «Time» наиболее частотными были сочетания «разгар кризиса», «неконституционный переворот», «русская революция», «большевистская революция» и «провалившийся переворот».

Тематический анализ публикаций позволил выявить общую тональность материалов, а также основные вопросы, в рамках которых велось обсуждение событий в СССР. Общая тональность публикаций «Commentary» достаточно нейтральна, основной упор делается на аналитические рассуждения. Материалы «Time» представляют собой классический образец американской публицистики, в основе которой лежит активный сторителлинг, базирующийся на комментировании актуальных событий, в рамках которых мнения авторов не слишком устойчивы и постоянно колеблются [Ужегова, 1999: 54]. Сам нарратив в «Time» конструируется как

«стори». В каждой статье, как в художественном произведении, в обязательном порядке присутствуют завязка, кульминация, развязка, столкновение положительного героя, «своего», и отрицательного, «чужого».

При освещении августовского путча американские журналисты как консервативного, так и либерального направления, фокусировали свое внимание на пяти основных темах. Во-первых, они писали, что августовский путч или «русская революция» (Time. 1991. Sept. 2; Sept. 16) — это уникальное событие в мировой истории (Commentary. 1991. October 1991; Time. 1991. Aug. 9). Причем, за этой характеристикой пряталась мессианская концепция [Журавлева, 2021: 303] американской внешней политики, согласно которой США должны нести в мир просвещение и демократию. Этот тезис подтверждает вторая тема, активно освещаемая американскими СМИ — надежда на то, что Россия встала на верный путь развития. Прослеживаются высказывания о том, что все ранее происходившее в российской истории «будет исправлено» (Commentary. 1991. October), а Россия превратится «во что-то блестящее» (Time. 1991. Sept. 2). Третья и четвертая темы представляют собой реализацию американских стереотипов о русском народе (безвольном и невежественном) и деспотичном (в новых реалиях — тоталитарном) русском государстве. О русских писали как о «лишенных чувства закона» (Commentary. 1991. October) и «политически пассивных» (Time. 1991. Sept. 2), живущих в «полицейском государстве» (Commentary. 1991. October). Пятая тема была связана с окончанием Холодной войны. Журналисты отмечали, что большая часть жизни современных американцев прошла в атмосфере Холодной войны (Commentary. 1991. Sept.; Time. 1991. Sept. 9). Выдвигались теории, как изменится мир, когда этот конфликт окажется исчерпанным и наступит «новая эра» (Time. 1991. Sept. 9).

Говоря об иллюстративном материале, стоит отметить, что особое внимание в этом вопросе привлекают обложки журналов «Time». Интерес представляет не только подбор визуальных образов (например, «благостный» Ельцин с подписью «Русская Революция» (Time. 1991. Sept. 2) и окровавленный портрет Ленина с подписью «Вакуум власти» (Time. 1991. Sept. 9). Причем интерес представляет не только выбор героев, цветовых решений, верстки иллюстраций, но и динамика образов самих политических лидеров. Так, в марте

1991 года Б. Н. Ельцин изображается как «плохой парень» (Time. 1991. Sept. 2), а в сентябре 1991 года его уже называют «судьбой России» (Time. 1991. March 25). В то же время образ М. С. Горбачева стремительно ухудшается. Пресса назначает его на роль «чужого», делает его виноватым во всех неудачах и кризисах страны, обвиняет в том, что он не смог воплотить американскую мечту о демократии и процветании на российской почве. Мессианская идея об обращении России к лучшему будущему, по мнению американских журналистов, оказывается нереализованной по его вине. Причем, эта трансформация образов советских политических лидеров характерна не только для «Time», но и для «Commentary».

Подводя итоги, следует отметить, что в ходе анализа публикаций в журналах «Commentary» и «Time» подтверждается тезис, выдвинутый З. А. Ужеговой — дихотомия «свой — чужой» в освещении августовского путча базируется не столько на противопоставлении «русские — американцы», сколько на внутренних противоречиях внутри СССР. «Своими» на страницах американской прессы выступают либералы, реформаторы, во главе с Б. Н. Ельциным. А «чужими» — консерваторы («партия») и М. С. Горбачев, не оправдавший возложенных на него ранее надежд по реформированию СССР. Дихотомия «свой — чужой» также реализуется на уровне сравнения «старой», коммунистической, России и возможностей ее «нового», «революционного» курса. Отдельный интерес представляют параллели между августовским путчем и Октябрьской революцией 1917 года, заключающиеся в трансфере образов, прямых параллелей, парафразе известных произведений. В ходе анализа публикаций, посвященных «революционной» тематике, также выявлено, что американская пресса транслирует надежду на «возврат России на демократические рельсы»; образ СССР претерпевает существенные изменения и приобретает позитивную окраску.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Журавлева В. И.* Общее прошлое русских и американцев. М.: РГГУ, 2021.
- Ужегова З. А.* Образ «новой» России на Западе : По материалам американской и британской прессы. Дис. ... канд. культурологии. М.: МГУ, 1999.
- Фрейнберг А.* Костин заявил о конце глобализации и «холодной войне 2.0» // Ведомости. 2022. 14 июня.

Раздел 5

НАСЛЕДИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

СИМВОЛЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СМИ РОССИИ И США МЕТОДАМИ АНАЛИЗА БОЛЬШИХ ОБЪЕМОВ ИНФОРМАЦИИ⁴⁵

Рябова Татьяна Борисовна

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

riabova2001@inbox.ru

Туркин Илья Андреевич

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена ilya.turkin2001@gmail.com

Аннотация. Авторы, используя методы анализа больших данных информации, исследуют использование символов Холодной войны в современных СМИ, российских и американских. Показано, что российские СМИ чаще, чем американские, обращаются к символу «Холодная война» и его производным для описания взаимоотношений между странами. Продемонстрировано, что образы Холодной войны имеют различную смысловую направленность в российских и американских СМИ. Утверждается, что в американских СМИ символика Холодной войны адаптируется для конструирования нового врага — коммунистического Китая.

Ключевые слова: политические символы в СМИ, символы Холодной войны, анализ больших данных в изучении политики, Холодная война, российско-американские отношения, американо-китайские отношения

---

⁴⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305: <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>

COLD WAR SYMBOLS IN CONTEMPORARY POLITICAL RHETORIC: ON THE BASE OF RESEARCHING THE US AND RUSSIAN MASS MEDIA BY BIG DATA ANALYSIS

Riabova Tatiana Borisovna

Herzen University / St. Petersburg State University of Economics

Turkin Ilya Andreevich

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Herzen University

Abstract. The paper using the methods analysis of Big Data examines the ways of exploiting the Cold War symbols in contemporary political US and Russian mass media. The authors demonstrated that Russian mass media use the symbol of Cold war for describing the relations between nations more often than American ones. They showed that Cold war images have different senses in mass media of two countries. At last the paper examines how American media construct China as a new Enemy with the help of Cold war symbols.

Keywords: political symbols in mass media, symbols of Cold War, Big data analysis, Cold war, Russian-American relations, American-Chinese relations

Изучение символов Холодной войны в политической науке фокусируется на вопросах о том, почему они становятся востребованными сегодня, какие политические акторы, каким образом и с какой целью их используют. Резкое изменение норм и правил, на которых была основана политическая система, создало эффект неопределенности и потребовало найти язык, позволяющий объяснить текущие политические процессы и дать прогнозы о том, как разрешить ситуацию. Образы и символы Холодной войны являются одним из тех ресурсов символической политики, которые предоставили возможность использовать аналогии из прошлого конфликта для объяснения и конструирования настоящего. К опыту Холодной войны для интерпретации современной ситуации обращаются лидеры государств и высокопоставленные политики. Среди них В. Путин и С. Лавров, Дж. Байден, Д. Трамп и Э. Блинкен, Си Цзиньпин, Э. Макрон и О. Шольц — представители держав, которые были в период противостояния по разную сторону баррикад [см., напр.: Рябова, Туркин, 2022].

Основными исследовательскими вопросами при разработке программы прикладного политологического исследования стали следующие. Насколько часто масс медиа — российские и американские — привлекают символы Холодной войны? Какие именно символы являются наиболее востребованными и в каких тематических контекстах? Можно ли говорить о заметных различиях в использовании символов Холодной войны в СМИ современных США и России?

Методологическим принципом для исследования служит положение о роли идей и образов как символических ресурсов, направленных на производство способов интерпретации социальной реальности и борьбу за доминирование в публичном пространстве [Малинова, 2010]. Кроме того, мы опирались на положение о функциях политического символа, прежде всего, на его способности проводить символические границы между «своими» и «чужими» [Рябов, 2017].

Материалами послужили данные американских и российских СМИ, имеющих интернет-версию. Важнейшими критериями для отбора стали, во-первых, популярность издания, во-вторых, разнообразие политических ориентаций. (Среди отобранных для анализа американских изданий: CNN, Politico, Fox и др.; среди российских: RT, НГ, РБК, КП и др.). Хронологические рамки исследования: 1 января 2021 г. — 1 августа 2024 г. Данные собирались за каждый год последовательно с целью проанализировать динамику использования символов Холодной войны в период непрерывного нарастания международной напряженности, начало этого процесса принято датировать именно 2021 г.

Основным инструментом сбора данных стал сервис «Пресс—индекс» — сетевая онлайн-платформа, разработанная одноименной компанией и широко используемая крупнейшими российскими и зарубежными структурами с целью мониторинга СМИ и социальных сетей. Полученные количественные данные об использовании символов Холодной войны в анализируемых изданиях дополнительно проверялись поиском контекста употребления этих символов⁴⁶.

Для проведения исследования мы планировали изучать те символы, которые были значимы в период Холодной войны и которые,

---

⁴⁶ Благодарим за помощь в сборе материала Ассоциацию выпускников ННГУ.

на наш взгляд, должны были привлекаться СМИ для текущей ситуации. Список символов практически не различался для российских и для американских СМИ; всего было отобрано 15 единиц анализа. В него входили такие политические символы, как Железный занавес, Берлинская стена, Карибский кризис и др. Другую группу составляли символы, которые мы отнесли к идеологическим (коммунизм, колониализм и др.). И еще одной группой, которые, предполагалось, могут вызвать сетевую активность, стали связанные с Холодной войной символы массовой культуры (Рокки, Иван Драго). Отдельно учитывался символ «Новая Холодная война», который появился в условиях обострения международной обстановки и отсылает к смыслам Холодной войны в целом.

Полученный по результатам мониторинга массив числовых данных, а также анализ тематического контекста использования символов Холодной войны, позволил сделать ряд важнейших выводов:

1. Сам термин «Холодная война» в 2022–2023 гг. активно использовался в нарративах ведущих российских и американских СМИ, как в историческом контексте, так и применительно к современной ситуации. Наиболее частотной адаптацией исследуемого образа сегодня стал символ «Новая холодная война», фигурирующий в виде различных лексем («новая холодная война», «холодная война 2.0. и т.д.).

Динамика публикаций, содержащих лексему «Новая холодная война» и охват аудитории этих публикаций отражена на рис.1 и 2.

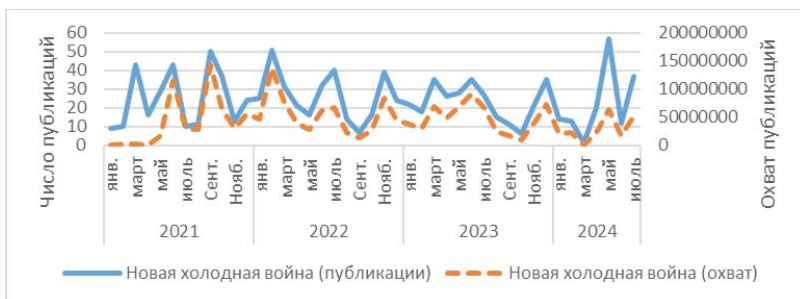

Рис. 1. Число публикаций, содержащих лексему «Новая холодная война» в ведущих российских СМИ и охват их аудитории

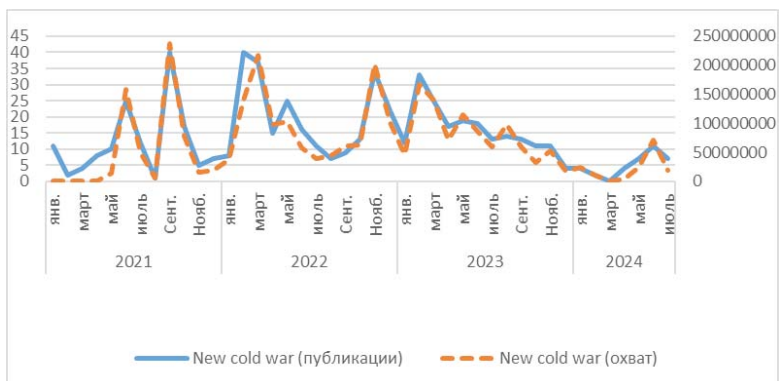

Рис. 2. Число публикаций, содержащих лексему «New Cold War» в ведущих американских СМИ и охват их аудитории

Анализ тенденций использования символа показал, что в российских СМИ к нему обращались значительно чаще, чем в американских, и охват аудитории публикаций, в которых использовался этот символ, был выше (Рис. 1 - 2). Пики использования термина приходятся на период обострения международной напряженности накануне СВО и на апрель 2024 г. Последний связан с активным обсуждением российскими журналистами заявления китайского лидера о недопустимости начала новой Холодной войны, которые тот делал во время подготовки и в ходе своего европейского турне весной 2024 г.; это помогает объяснить низкий охват аудитории тематики в анализируемых российских СМИ в этот период, так как проблема китайско-европейских отношений для россиян является периферийной.

Но и вне этих пиков использование символа в российских СМИ можно считать интенсивным. Данные, представленные на Рис. 2, свидетельствуют о том, что употребление символа в американских СМИ не только реже, но имеет существенную динамику: с 2021 г., отмеченного пиком публикаций, интерес к теме постепенно и устойчиво падает, хотя в апреле-июле 2024 г. и был зафиксирован небольшой (на фоне прошлых лет) рост.

2. Образы Холодной войны устойчиво присутствуют в нарративе как американских, так и российских СМИ; при этом нередко они имеют разное содержание и смысловую направленность.

Следует сказать, что те символы Холодной войны, которые мы определили в группу «символы массовой культуры» (Джеймс Бонд, Иван Драго и т. д.), в анализируемых изданиях за исследуемый период почти не появлялись. Равным образом, не стали частотными в употреблении масс медиа и такие популярные символы Холодной войны, как Железный Занавес и Берлинская стена, хотя международная обстановка к этому, казалось бы, располагала.

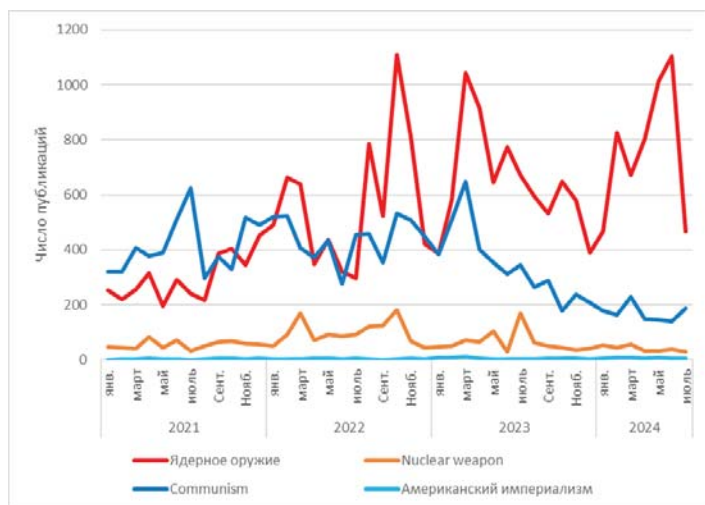

Рис. 3. Примеры употребления символов холодной войны в российских и американских СМИ, в %

Однако популярными стали значимые символы Холодной войны, которые имеют отношение к военному (прежде всего) и идеологическому противостоянию. В российских СМИ наиболее часто обращались к теме ядерного оружия (см. Рис. 3); причем использование лексем «ядерное орудие», «угроза применения ядерного оружия» демонстрирует рост после начала СВО. Как показывает диаграмма, американские СМИ обращались к теме «Nuclear weapon» в пять раз реже. Иногда разрыв становится десятикратным. Одним из объяснений этого является широкое обсуждение шестидесятилетия Карибского кризиса в России; в США это событие, очевидно, вызвало меньший интерес. Еще одна тема, которая привлекала

внимание российских СМИ в контексте Холодной войны — это деятельность разведок, российской и американской.

Что касается американских СМИ, то их чаще волновала не ядерная угроза, а угроза коммунизма. Именно «Communism», что крайне любопытно, стал самым часто употребляемым символом в контексте тематики Холодной войны. Это связано с тем, что данный символ удобен как для стигматизации своих оппонентов внутри страны, так и для конструирования образа врага в лице таких государств, как Россия или Китай.

3. Одним из выводов мониторинга СМИ явилось то, что символы Холодной войны используются не только для описания взаимоотношений двух держав, участвовавших в этом историческом противостоянии — России и США, но и для роли на международной арене еще одной страны, которая стала играть в последние десятилетия ключевую роль — Китая. Анализ тематики контекстов употребления символов Холодной войны в отношении Китая позволяет выделить четыре дискурсивные стратегии конструирования образа врага в лице КНР с помощью этих символов.

Во-первых, проводятся прямые аналогии между СССР и современным Китаем; Китай становится главным соперником Соединенных Штатов в новой Холодной войне, строящейся по тем же лекалам, что и собственно Холодная война. При этом, в соответствии с логикой сиквела, Китай репрезентируется в качестве гораздо более сложного и опасного соперника. Например, один из влиятельных американских консервативных аналитиков, директор Фонда «Наследие» Кевин Робертс, нередко использует, в том числе в анализируемых источниках, символ Холодной войны для характеристики современного противостояния США и КНР. Так, выступая на Fox News, он заявил, что США сегодня вовлечены в Новую Холодную войну с Китайской Народной Республикой; при этом, по его оценке, этот противник является даже более способным и опасным, чем Советский Союз на пике своего могущества.

Во-вторых, символ «новой холодной войны» привлекается американскими СМИ не только для проведения аналогии между СССР и КНР, двух принципиальных противников США, но и для объяснения их различий. В частности, спецификой нового противостояния США и Китая является борьба в киберпространстве. Согласно позиции американских журналистов и экспертов, если

Советский Союз не мог соревноваться технологическими достижениями с Западом, то Китай сегодня развивает сектор высоких технологий на равных с технологическим сектором США.

В-третьих, как мы отметили ранее, в текстах современных американских СМИ о КНР для объяснения специфики соперника-конкурента привлекаются идеологические символы Холодной войны, такие, как «коммунизм» («Коммунистический Китай», «коммунистическая партия Китая»). Акцентирование коммунистической идеологии Китая также позволяет провести аналогию между двумя важнейшими противниками США в послевоенную эпоху. Например, член Палаты представителей Конгресса США Майк Галлахер заявляет, что именно Коммунистическая партия Китая на протяжении десятилетий с момента окончания первой Холодной войны между Соединенными Штатами и ныне несуществующим Советским Союзом занимается агрессивной геополитической дипломатией.

В-четвертых, для объяснения сущности китайского противника берутся на вооружение и популярные символы Холодной войны, содержание которых связано с аксиологической составляющей конфликта. В частности, одним из частотных маркеров позднесоветского СССР стало определение Р. Рейгана «Империя Зла», прозвучавшего в адрес советского государства (1984 г.); оно предполагало невозможность уравнивать два государства: аморальный коммунистический СССР, отрицающий все самое святое, прежде всего религию, и высоконравственные США. Поэтому американский ученый и писатель Ли Эдвардс, член уже упоминавшегося консервативного фонда «Наследие», утверждал на Fox News, что необходимо вернуться к основам, заложенным Рейганом, для противостояния новой тоталитарной угрозе — коммунистическому Китаю. С другой стороны, данная дискурсивная стратегия может включать и альтернативный вариант: критику Республиканской партии, которая якобы отказалась от идеалов Рейгана. Например, обозреватель «The Washington Post» Марк А. Тиссен упрекает современных ему республиканцев, которые отказываются от финансирования помощи Украине. По его мнению, это показывает, что сегодня Республиканская партия забыла о «наследии Рейгана», так как она отказывается защищать свободу и демократию против Империи зла, как это делал 40-й президент США.

Анализ частотности употребления символа «Империя Зла» в американских СМИ показывает интересную динамику в течении исследуемого периода. В 2021 году Империей зла чаще всего назывался Китай (37 % от всех упоминаний символа; следом шла Россия (14 %) и Иран (6 %). Заметим, что в значение «Китай» мы включали и упоминания собственно Китая, и упоминания Пекина; маркер «Азия», который очень часто соотносился с Империей Зла (23 %) и который также нередко выступал синонимом Китая, мы не стали включать в подсчет. Точно таким же образом, к упоминанию собственно России мы сочли возможным добавить упоминание в контексте империи зла президента РФ В. Путина. СВО изменила картину использования символа. В 2022 году в половине случаев определение «Империя Зла» было адресовано России (50 %); Китай маркировался подобным образом значительно реже (16 %). В следующий, 2023 г., символ в отношении Китая использовали с той же частотой (17 %), а в отношении России — значительно реже (26 %). Поясним также, что программа искала все упоминания символа; поэтому в ряду контекстов его употребления были не только объекты, маркируемые как Империя Зла, но и субъекты, которые с этой империей сражаются; наиболее часто среди таких борцов появляются США (40 %; в том числе такими субъектам являются Государственный департамент США, Северная Америка, Вашингтон).

Подводя краткие итоги исследованию, заметим, что использование символов Холодной войны применительно к современной ситуации является заметным и устойчивым явлением как в СМИ США, так и в СМИ России. При этом, российские СМИ чаще, чем американские, обращаются к символу «Холодная война» и ее производным для описания взаимоотношений между странами. Далее, образы Холодной войны имеют различную смысловую направленность в российских и американских СМИ. Наконец, важным представляется, что в американских СМИ символика Холодной войны адаптируется для конструирования нового врага — коммунистического Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Рябов О. В. Политика идентичности и символические границы // Символическая политика. Вып. 5: Политика идентичности / под ред. О. Ю. Малиновой. Москва: ИНИОН РАН, 2017. С. 41–60.

Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О.С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023.

Туркин И. А., Рябова Т. Б. «Холодная война» в символической политике современной России: официальный дискурс // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / Под ред. С. В. Беспаловой. Т. 7. Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. С. 323–325.

ОБРАЗЫ США ВРЕМЕН ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ В 1990-е гг.

Канаев Артем Алексеевич

*НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
hunter_kan@inbox.ru*

Аннотация. Политическая мифология российских национал-большевиков нуждалась в символах и образах, отражающих их стремление к революционности, радикализму и неприятию современности. Такие образы они находили не только в российской культуре, но и в американской, которую считали враждебной. В данной статье на примере нескольких текстов газеты «Лимонка» демонстрируется логика использования образов Арнольда Шварценеггера и Мэрилин Монро в контексте критики нацболами Запада и США.

Ключевые слова: национализм, НБП, «Лимонка», Запад, Холодная война

IMAGES OF THE COLD WAR PERIOD USA IN THE DISCOURSE OF THE NATIONAL BOLSHEVIK PARTY IN 1990s

Kanaev Artem Alekseevich

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg

Abstract. The political mythology and aesthetics presented on the pages of the Russian National Bolshevik Party newspaper «Limonka» had a number of

stable characteristics. Nazbols were in need of certain symbols, images that combined the demonstration of body, strength, historicity, revolutionism, and a radical rejection of Modernity. They were in search for such images not only in Russian culture, but also in U. S. culture, which they considered hostile and one of the main targets of their protest. On the example of several texts written by ordinary authors of «Limonka», this article aims at demonstrating the logic of the National Bolsheviks' use of the images of Arnold Schwarzenegger and Marilyn Monroe in the context of their general criticism of the West and the United States.

Keywords: nationalism, National Bolshevik Party, newspaper «Limonka», the West, Cold War

Основанная в мае 1993 г. российская Национал-Большевистская партия (НБП) начала выпускать газету «Лимонка» в конце 1994 г. В тон партийной деятельности и идеологии газета представляла «лево-правой»: на ее страницах нацболы активно старались синтезировать «радикально левые» и «радикально правые» идеи, работая на эту цель как в рамках политической мифологии, так и в эстетическом плане. В посвященной культуре НБП и «Лимонки» работе Ф. Фенги ключевые мотивы содержания газеты суммированы следующим образом: «...провокативная демонстрация насилия, сексуальности, тела, используемые как форма индивидуального и коллективного восстания против художественных конвенций и социальных норм; безнадежный, отчаянный, героический и квази-комический протест против культурной, институциональной и экономической власти, и, в конечном счете, против современности как таковой» [Fenghi, 2020: 59]. Так, на страницах газеты регулярно появлялись тексты об определенных личностях, которые должны были выступать политическими и эстетическими образцами, ориентирами, символами, носителями черт, к обладанию которыми надлежало стремиться рядовому национал-большевику — радикалу, не все приемлющему в современности. Зачастую этими символами становятся определенные «исторические» личности, прославившиеся в той или иной мере эпохальными, «революционными» (в широком или узком смысле слова) свершениями.

Нацболы, что в контексте этого исследования стоит подчеркнуть, были радикально антагонистически настроены по отношению к «Западу». В образе гомогенно воображаемого «Запада» сочетались черты, навеянные различными интеллектуальными течениями: отдельными антизападническими элементами славянофильской

риторики второй половины XIX в., идеями радикального антизападничества Европы (к примеру, философскими концептами немецких «консервативных революционеров», а также евразийцев из русской эмиграции), и определенными элементами советского антизападного дискурса.

В этом идейном контексте кажется особенно интересным и продуктивным рассмотреть, в каком виде на страницах «Лимонки» появлялись образы, связанные непосредственно с культурой Запада эпохи Холодной войны. Конечно, с одной стороны, конструируя образ врага, «Лимонка» регулярно использовала карикатурные, высмеивающие, гротескные образы «Запада» этого периода. Так, например, вслед за неоднократно использовавшим подобные образы «Запада» в целом и США в частности вождем партии Э. Лимоновым, авторы «Лимонки» нередко называли символом «Запада» и Америки «Микки Мауса». Они употребляли его в следующем символическом ряду: «Микки Маус, Мак Дональд, мондиализм и США <...> Диснейленд, пацифистские митинги...». Эти символы противопоставлялись таким искомым нацболом ценностям, как «... идеалы Нации, Традиции, Истории, Империи и Верности...» [Лимонка. 1995. № 7].

«Запад» в контексте такого противопоставления оказывался слаб, лжив, при этом по-своему тоталитарен (что неоднократно подчеркивал сам Лимонов через метафору «дисциплинарного санатория» [Канаев, 2024]), дегероизирован, лишен некоей высшей, взывающей к действию и подвигу, культуры. При этом подобный «Запад» мыслился в 1990-х как «гегемон», а, значит, и ассоциируемые с ним признаки приписывались всем, так как победивший «Запад» распространяет свое влияние на весь мир.

Это интуитивное предположение было довольно четко выражено в метафоре из известной песни состоявшего в «НБП» Егора Летова: «пластмассовый мир победил»; образ «пластмассы» также неоднократно встречался на страницах «Лимонки». Особо говорящими символами такого «Запада», на взгляд нацболов, представляли продукты и объекты его массовой культуры (такие, как Диснейленд и его продукция, певцы вроде Майкла Джексона, и др.)

Однако куда более примечательно, что некоторые «западные» образы фигурируют на страницах «Лимонки» с позитивными в це-

лом коннотациями, прежде всего, это образы Арнольда Шварценеггера и Мэрилин Монро.

Первый, А. Шварценеггер, важен нацболам как образец маскулинности, силы, к тому же являющий собой уже по-своему «историческую» личность в контексте западного кинематографа. Более того, этот образ был особенно важен лимоновцам потому, что, по их мнению, и сам Запад в весьма агрессивной манере позиционировал Шварценеггера и некоторых сыгранных им героев как идеализированный образ своей стороны конфликта в Холодной войне. Так, в 1995 г. в «Лимонке» нацбол с псевдонимом «Даниил СИЛЬНЫЙ» опубликовал текст «Большой белый человек» в рубрике с характерным названием «идол». В конце текста он декларирует, что Шварценеггер — это «символ западного мира, первопроходец культурной агрессии поп-цивилизации, им пугают детей интеллигентные родители» [«Большой белый человек», Лимонка. 1995. № 3].

Но даже «символ враждебного западного мира» оказывается культурно значим для автора из-за следующих отмечаемых им характеристик биографии Арнольда и его фильмов. Автор утверждает, что «Арнольд — супермен», и делает важную оговорку: «Супермена хотят все. Мужественный суперсимвол нужен даже инфантильным и негероическим культурам современных западных демократий». Сыгранный Шварценеггером «воитель Конан» — это «неподдающийся коррозии» образ, который можно разглядеть даже несмотря на то, что он «...давно и цепко схвачен пластилиновой машиной Системы» и скрыт «за сытым сиянием воплощенной американской мечты». Негативные характеристики США и «Запада» чередуются попытками описания причин устойчивости культа образа Шварценеггера, которые закономерно увязываются со знаковыми аспектами политической философии самих нацболов: «Он “возбуждающийся” по Лимонову, “пассионарий” по Гумилеву, реальный “Человек Длинной воли”». Эти характеристики очевидным образом проистекают из неоевразийских элементов мировоззрения ряда членов НБП, из-за чего многие другие искомые НБП персонажи и образы интерпретировались в качестве «пассионариев» и «Людей Длинной Воли», и данные характеристики были одним из самых распространенных у нацболов способов выделить позитивные черты «исторических» фигур.

При этом, автору важно предоставить коррелирующие, на его взгляд, с этими чертами Арнольда экстравагантные факты его биографии — «Сын офицера нацистской военной полиции, воспитанный в строгости и выросший в послевоенной бедности...»; автор припоминает истории, связанные с обвинениями Шварценегера в нацизме на почве слухов о его позитивных отзывах о «тевтонских статуях — реликвиях Третьего Рейха», и в силу наличия у него коллекции пластинок, открывающихся речами Гитлера, и, в особенности, его любви к нацистскому приветственному жесту (в частности, заметно проявившейся в фильме «Качая железо»).

Далее автор перечисляет ряд особенно высокопарных цитат Шварценегера. Важными для него оказываются цитаты, где киноактер говорит о желании быть среди людей, «которые ведут за собой, а не следуют за толпой», «управляют другими людьми»; некоторые для Шварценегера являются «выдающимися людьми», заслуживающими «обожествления»; «победителями», «героями», помимо восхищения этими людьми, автор демонстрирует и желание среди них оказаться. Затем следует упоминание еще одного примечательного «биографического» факта: долгое время на подиумах Арнольда фигурировала фраза «Так говорил Заратустра». Сложно сказать, насколько действительно это является «фактом», однако авторский акцент на этой, пусть и воображаемой детали, важнее: нищестанство было важно как для нацболов, так и для множества их кумиров. Автор с наслаждением цитирует признание Арнольда в том, что ему «... всегда нравились влиятельные люди. Диктаторы и все такое... Я хочу, чтобы меня помнили 1000 лет, как Иисуса Христа».

Идеологическое влечение автора вынуждало его подчеркнуть и историю знакомства Шварценегера с режиссером Джоном Милюсом в рамках работы над фильмом «Конан-варвар». Автору важно процитировать следующее приписываемое им самим режиссеру высказывание: «я дзэн-фашист и настолько правый, что, по-видимому, смыкаюсь с анархистами». Подчеркивание этой реплики вновь коррелирует с характером анализа сыгранного Шварценегером «Конана»: автор называет его «сверхчеловеком Гиперборейской эры» — характеристика, прямо связанная с идеологией Третьего Рейха, а также определенными эстетическими ориентирами множества «радикально правых» идеологий.

В свете подобного описания особыми красками играет прочтение автором фразы из «Терминатора»: «I'll be back». Автор считает, что ее надо воспринимать как дарование «человечеству» «надежды», что, хотя герой и «уходит, но время героев придет опять». Шварценеггер для автора-нацбола оказывается тем редким для современных нацболу Америки и «Запада» символом былого времени, «истории», «времени героев», которое еще должно вернуться — назло, в понимании нацболов, установившейся современной «Западной» гегемонии.

Схожим образом работает образ знаменитой американской киноактрисы Мэрилин Монро в тексте автора с псевдонимом «Dead Head». Логика чисто эстетического внимания «лимоновца» к Монро понятна: прежде всего, она соответствует желанию нацболов эстетизировать «тело» и «сексуальность». Однако, что важнее, эта логика иллюстрирует парадоксальное сочетание очевидной «историчности» популярной фигуры с найденными в ней автором «маргинальными», «бунтарскими» аспектами.

Текст, сопровождаемый обнаженной фотографией актрисы с одной из ее фотосессий, представляет Мэрилин в виде своеобразного борца с «Системой» (с авторской заглавной буквы) [«Мэрилин Монро отомстила за себя Америке», Лимонка 1999. № 123]. Автор настойчиво подчеркивает подлинность деталей бурной биографии актрисы — таких, как защита ею своего мужа, писателя Артура Миллера, во время маккартистских процессов (а также сам факт наличия у нее, по мнению автора, «радикально левых взглядов»), участие в политических дипломатических приемах (в частности, с Н. С. Хрущевым). Также упоминаются не лишние налета конспирологии теории о сотрудничестве Монро с КГБ и Фиделем Кастро и роли «связной» Джона Кеннеди с мафией.

Из подобной палитры фактов автор сооружает следующий сюжет: он видит в судьбе и символике Мэрилин Монро историософский образ «Блудницы», демонстрация которого, по мнению автора, нанесла серьезный урон уже упомянутой «Системе» и вместе с ней «Американской Мечте». По автору, все «использовавшие» образ Мэрилин как образ «Блудницы» «промаргивают в Блуднице бунтарку», из-за чего «идеальная гражданка...» — секс-символ и одно из воплощений той самой «Американской Мечты» — «... ниспро-

вергает своим поведением всю показную благополучность общественного строя!»).

Это «ниспровержение» происходит не только из-за расхождений актрисы с идеальной Америкой хотя бы в силу ее «радикально левых взглядов», но и потому, что она совершила самоубийство. Автор полагает, что первое время это самоубийство пытались списать на несчастный случай именно из-за невозможности поверить в то, что символ «Американской мечты» мог встретить такой не соответствующий этой идеализации конец.

По автору, этот диссонанс стал «одной из причин последующих вскоре “молодежных революций”». Диссонанс этот был тем острее, что именно образ Монро «полностью отвечал специфике прятать порок перед прочим миром под личиной благонравия (а то ведь придут, и разрушат, как старый Карфаген)». Стоит упомянуть, что мотив уличения в скрытии подлинных (агрессивных, империалистических, милитаристских) мотивов США или «Запада» за какой-либо «личиной» — в данном случае, привлекательным образом Монро и вместе с ней «Американской мечты» — частый сюжет публицистики Лимонова, подхваченный авторами «Лимонки».

Наконец, в конце текста автор упоминает «легенду» о том, что после смерти Монро Фидель Кастро сказал, что «Мэрилин умерла героиней». Событие, таким образом, в знаковой для «Лимонки» манере наделяется важной для «НБП» «героической» чертой, тем самым завершая образ Мэрилин Монро в качестве «бунтарки» и исторической личности. Следует также упомянуть свойственный НБП квазикомический аспект в конце текста: автор полагает, что, если бы Монро родилась в СССР, она бы «прожила достойную ее жизнь. Потому что советский мужик (не стоит забывать, где мы родились) — лучший мужик в мире»; через постулируемый в тексте образ «Запада» по итогу создается и позитивный образ «своего», и лучшее, что автор видит в Мэрилин Монро, внезапно, пусть и в отчасти шутливой форме, подается как нечто, что могло благополучно реализоваться только на противоборствующей «Западу» стороне.

Так, по-своему позитивные образы США и Запада» в целом появлялись на страницах «Лимонки» именно исходя из общего контекста критического восприятия «Запада» российскими национал-большевиками. Нацболы воспринимали Холодную войну как

эпоху уже становившегося «пластмассового мира», но все же более «героическую» и «историческую» чем та, что наступила с распадом СССР (часто обозначавшуюся ими как декларированный победившим «Западом» «конец истории»). В том числе поэтому нацболы старались, несмотря на все идеологическое и геополитическое отторжение, вычленивать соответствующие их эстетическим идеалам и некоторым идейным постулатам фигуры и образы, как бы взламывавшие формирующуюся «Систему» изнутри, и при этом иллюстрирующие некоторые наиболее привлекательные для НБП черты «Врага».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Fenghi F. It will be fun and terrifying. Nationalism and Protest in Post-Soviet Russia. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2020.

Канаев А. А. «Мягкое насилие» и «тоталитарная демократия»: образ «Запада» в политическом языке Эдуарда Лимонова // Диалог со временем. 2024. № 86. С. 210–226.

ОБРАЗЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ГДР В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ⁴⁷

Белова Анна Валерьевна

Тверской государственный университет,

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

anna.belova@iea.ras.ru

Аннотация. Цель исследования — выявить специфику репрезентации образов Холодной войны в представлениях о ГДР в современной массовой культуре на основе сериалов «Германия–83», «Германия–86», «Германия–89», «ГДР». Масштабирование Холодной войны до контекста противостояния Западной и Восточной Германии, воплощенного в немецких и российском телесериалах, позволяет поставить ряд исследовательских проблем конструирования культурно-исторической памяти об одном из наиболее влиятельных периодов XX в.

Ключевые слова: Холодная война, ГДР, массовая культура, культурно-историческая память, женская семейная память.

---

⁴⁷ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № РНФ № 24-18-00212, <https://rscf.ru/project/24-18-00212/>

COLD WAR IMAGES IN THE PERCEPTIONS OF THE GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC IN CONTEMPORARY POPULAR CULTURE

Belova Anna Valerievna

Tver State University

*Institute of Ethnology and Anthropology named
after N. N. Miklouho-Maclay of the RAS*

Abstract. The study aims to identify the specifics of the representation of Cold War images in the perceptions of the German Democratic Republic in contemporary popular culture based on the TV series «Germany-83», «Germany-86», «Germany-89», «GDR». Scaling the Cold War to the context of the confrontation between West and East Germany, embodied in German and Russian TV series, allows us posing a number of research problems of the constructing of cultural and historical memory about one of the most influential periods of the 20th century.

Keywords: Cold War, GDR, popular culture, cultural and historical memory, women's family memory.

Репрезентация в современной массовой культуре темы ГДР в контексте геополитического противостояния периода Холодной войны — очевидная апелляция к культурно-исторической памяти. История ГДР (1949–1989) воплощает уникальный опыт социально-го конструктивизма, интерес к изучению которого проявлен как в немецкой, так и в российской историографии [Повседневная жизнь при социализме, 2015]. Историкам, социальным антропологам редко удастся зафиксировать общества, формирование, эволюция и крушение которых составляли бы столь компактный хронологический период — ровно сорок лет. С точки зрения глобальной истории — это минимальный отрезок времени, на протяжении которого могут быть отслежены исторические процессы, однако в ракурсе истории повседневности имеется в виду построение и гибель целого культурного мира со специфической каждодневной жизнью нескольких поколений людей, их буднями и праздниками, маленькими триумфами и большими трагедиями [Белова, 2018: 4–5].

ГДР входила в ближний круг распространения советского влияния, то есть «своих “других”» в виде коммунистических режимов Центральной и Восточной Европы, а также прочих стран мировой социалистической системы. Будучи одной из «своих “других”»,

ГДР, вместе с тем, находилась на особом счету у советской идеологии, выполняла функцию своего рода витрины социалистического строя. Из-за близости Западного Берлина и ФРГ, родственных связей людей и «просачивавшейся» через Берлинскую стену информации в ГДР стремились искусственно поддерживать более высокий, чем в других соцстранах, уровень жизни. Со своей стороны ГДР принимала правила субординации по отношению к СССР — «старшему брату» и наставнику [Белова, 2015: 230].

Цель данного исследования — выявить специфику репрезентации образов Холодной войны в представлениях о ГДР в современной массовой культуре на основе сериалов «Германия-83» (Deutschland 83, 2015, реж. Э. Бергер, С. Радси), «Германия-86» (Deutschland 86, 2018, реж. Ф. Коссен, А. Фельдхузен), «Германия-89» (Deutschland 89, 2020, реж. Ф. Коссен, А. Фельдхузен), «ГДР» (2024, реж. С. Попов). Масштабирование Холодной войны до контекста противостояния Западной и Восточной Германий, воплощенного в немецких и российском телесериалах, позволяет поставить ряд исследовательских проблем конструирования культурно-исторической памяти об одном из наиболее влиятельных периодов XX в. — от очередной угрозы ядерного конфликта осенью 1983 г. через концепцию «нового мышления» М. С. Горбачева до падения Берлинской стены, от «провальной экономической политики» СЕПГ [Путрус, 2015: 126] к политическому краху ГДР. Автор оригинальной идеи немецких сериалов и их сценарист, американка и, вместе с тем, берлинская писательница Анна Вингер настаивает на том, «что это во многих смыслах колониальная история»⁴⁸. Обе Германии имели лишь «видимость автономии», будучи пространством присутствия и конфронтации США и СССР. «Холодная война» проявлена в сериалах на двух планах: контекстуальном (составляет событийный контекст кинематографического действия) и дискурсивном (воспроизводит риторику и является предметом обсуждения героев). Важно подчеркнуть, что для создательницы немецких сериалов — это еще и элемент женской семейной памяти на основе воспоминаний ее мужа Йорга Вингера о военной службе в роте связи в Западной Германии в 1980-е гг.

---

⁴⁸ Interview with Anna Winger. 2015. 9 December. <https://www.channel4.com/press/news/interview-anna-winger> (date accessed: 27.08.2024).

Современное восприятие Холодной войны в массовой культуре является составляющей проблемы исторической памяти, изучение которой носит междисциплинарный характер. При этом в историко-этнологические исследования памяти включаются проблемы контр-памяти, забвения, борьбы за память, политик памяти, которые так или иначе представляют собой понятийный арсенал антропологии памяти, обусловленный в каждом конкретном случае специфическим историческим контекстом. В то время как конструкторами доминирующей национальной «исторической памяти» являлись мужчины-историографы, женщины, как правило, становились носительницами альтернативной социальной памяти. Поэтому важно понять, каким образом данный вид памяти участвует в конструировании национальной идентичности, насколько гендерная дифференциация существенна для интерпретации общенационального исторического нарратива [Белова, 2019: 40]. При этом массовая культура, даже опираясь на документальные свидетельства, устные подтверждения очевидцев, воплощает собой социальную память как продукт общественного воображения.

Благодаря немецким и российскому телесериалам последнего десятилетия образ ГДР обрел медийную привлекательность символического пространства социальной утопии. Разделение Германии на два государства локализовало метафору «железного занавеса», вписало геополитическое противостояние в контуры национальной истории. Уникальность искусственно созданного «благополучного» олицетворения «новой» Восточной Германии строится на конкуренции с «неправильной» Западной и лавировании между собственным видением построения социализма и директивами СССР. ФРГ и ГДР называют в телесериалах в духе риторики Холодной войны «Западом» и «Востоком», прибегая к геополитическому олицетворению, а СССР — «Москвой», редуцируя страну до столичного топонима. В сериале «ГДР» персонажи — восточные немцы транслируют отстаивание интересов «республики», как будто бы ФРГ таковой не является. По сути, термин «республика» употребляется ими в значении не формы правления, а общественно-политического строя немецкого социалистического государства.

В отличие от оscarоносной драмы «Жизнь других» (*Das Leben der Anderen*, 2006, реж. Ф.Х. фон Доннерсмарк), сериалы пред-

ставляют связанную с деятельностью Штази историю ГДР в менее трагическом измерении. Находясь в авангарде Холодной войны, являясь формально всегда лояльной к установкам советского руководства, не пережив, в отличие от других социалистических стран, кризисов, подобных венгерским событиям 1956 г. и «пражской весны» 1968 г., ГДР тем не менее всегда вела свою игру, стремясь обезопасить себя и от «друзей», и от «врагов». Созданная система службы внешней разведки ГДР является полномочным участником сериального действия.

В некотором смысле российский сериал «ГДР» воспринимается как ответ на появление «Германии-83, -86, -89», возможно, именно в силу того, что в немецких сериалах роль СССР в руководстве социалистическим лагерем показана недостаточно выпукло. В кадре лишь упоминается имя Ю. В. Андропова и информация из Москвы, есть ее малопримечательный представитель, не играющий даже второстепенной роли в развитии сюжета. В критический момент падения Берлинской стены руководству внешней разведки ГДР не удастся связаться с Москвой по причине того, что «все — на параде». А в формальном рапорте — «Эгон Кренц проинформировал товарища Горбачева, что мы уже начали внедрять в жизнь все необходимые преобразования» — не считается прежнее рвение к следованию императиву. Этот дефицит постарались компенсировать в российском сериале, перенеся одну из сюжетных линий в столицу СССР и сделав ведущим персонажем последнего советского лидера, а точнее супружескую чету Горбачевых. Сквозной темой становится «предательство» Москвой интересов социализма объявлением «перестройки». Обвинениям советского руководства в ревизионизме и налаживании контактов с Западом противопоставляется приверженность ГДР прежнему политическому курсу в новых условиях. Неоднократно звучит мысль, что «мир сошел с ума», но ГДР отстаивает неизменные идеалы в ограниченном пространстве. Тема «закрытости» страны соотносится с метафорой «бункера», неоднократно возникающей в разных контекстах. Констатация «Москва нас бросила» одновременно звучит как призыв к мобилизации и действию на свой страх и риск.

И в «Германии-89», и в «ГДР», несмотря на намерение «стоять до конца», реалистично оцениваются ближайшие перспективы падения Берлинской стены и стремление влиятельных разведок

заполучить доступ к агентурной сети Штази. В сериале «Германия-89» эта линия проявлена как конкуренция ЦРУ, БНД (*Bundesnachrichtendienst, BND*) и КГБ за «секреты», известным главному герою Мартину Рауху, агенту «Колибри», спасаемому миром от ядерной катастрофы в 1983 г. Сюжет сериала «ГДР» напрямую построен вокруг охоты за архивом Маркуса Вольфа (*Markus Johannes Wolf, 1923–2006*), бывшего начальника Главного управления разведки Министерства государственной безопасности ГДР в 1958–1986 гг.

Еще одна сквозная линия — пресловутая вездесущность Штази. Незнакомые люди, выражая заинтересованность или готовность помочь, вынуждены уточнять: «Я не из Штази». В комментариях ЦРУ это звучит: «здесь просто так дружелюбие не проявляют». В сериалах «Германии-83, -86, -89» в семье главного героя почти все работают на Штази по своей или не по своей воле. Вместе с тем это становится своего рода алиби для его скептически настроенной матери, которая в 1983 г. держит в доме книжный склад и предоставляет личный автомобиль для передвижной библиотеки запрещенной литературы. Благодаря тому, что отец ее сына и родная сестра занимают высокие посты в службе внешней разведки, а сына без его согласия завербовали и внедрили адъютантом к одному из генералов бундесвера, она получает преимущество постановки в очередь на трансплантацию почки, то есть в некотором роде вознаграждение за близость к высокопоставленным сотрудникам системы. В 1989 г. она посещает оппозиционные собрания, поддерживает отношения с жертвами режима. Когда после падения Берлинской стены возникнет вопрос, можно ли кому-то верить, внедренный внешней разведкой профессор университета в Бонне, затем депутат Бундестага, активно помогавший при этом бегству на Запад восточных немцев, скажет, что на самом деле все сложнее, чем может показаться в контексте однозначных ответов.

Неоднозначность жизни в ГДР проявлена во многих аспектах: несмотря на существующие запреты, все знают о нелегальном просмотре западных телеканалов, чтении запрещенных книг. Бегство на Запад для одних, прежде всего диссидентски настроенной интеллигенции, сочетается с отправкой на Запад как привилегией для сотрудников внешней разведки, что обнаруживает своеобразную проницаемость границ в условиях их полной закрытости.

Атрибуты образа жизни в ГДР — маленький дом с небольшими, но специализированными по функциональному назначению помещениями, миниатюрный участок и пикники на нем. Жилищная проблема стояла в ГДР не менее остро, чем в СССР: размер «восточногерманской квартирки» с запасом «шпревальдских огурчиков» — один из устойчивых культурных стереотипов. Таких же, как и принятое в ГДР совместное купание ню представителей разного пола. «Искупаться голым — это можно и здесь, — наставляют вновь прибывшего агента ЦРУ, — узнать, что восточный немец не таскает на себе жучок, можно только если он голый» («Германия-86», 5 серия). В качестве маркеров особой идентичности в сериалах представлены такой символ ГДР, как личный автомобиль «Трабант» с частично пластиковым кузовом, товарный дефицит конца 1980-х гг. в виде «пустых полок» магазинов и очередей за мясом и колготками. Последний преодолевался в незначительной степени уже в 1986 г. «посылками с Запада», ассортимент которых был ограничен; он включал, например, в том числе универсальный крем NIVEA, гранулированный растворимый кофе, сладкую пасту, шоколад. Однако особенно ценным было то, что в упаковку шоколада изнутри между внешним и внутренним слоями обертки клеивалось письмо, переслать которое открыто не хотели из-за перлюстрации и возможного изъятия. Все владеют «тайным языком», как переправить письмо через «закрытую» границу, чтобы не обнаружили. При том, что передача посылок с личным курьером — это тоже особая тема.

Одно из преимуществ социалистического образа жизни — проявления женской эмансипации: «Мужское население в ГДР во власти очень эмансипированного женского населения, что приводит к комплексу неполноценности у некоторых мужчин» («Германии-89», серия 3). У них появляется «тяга к реализации классической гендерной роли, иными словами желание быть мачо». Одна из представительниц партийной элиты с гордостью заявляет, что «98 % женщин в ГДР работают полный рабочий день» («Германии-89», серия 5).

Возвращаясь к метафоре социальной утопии: согласно установкам ЦРУ, ГДР — это «страна, которой нет. Правительство США не признает ГДР как страну, а Восточный Берлин — ее столицей. ГДР не существует. Это пузырь» («Германии-86», серия 5). При

этом краткая справка о ГДР завершается обращением: «добро пожаловать в Холодную войну, сынок». В стране, которой не существует, разворачивается сопоставимое по времени масштабное геополитическое противостояние, образы которого в массовой культуре по-прежнему задействованы в конструировании культурно-исторической памяти его участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белова А. В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3. С. 39–51.

Белова А. В. Интернациональная дружба по переписке как феномен повседневности школьниц в социалистических обществах 1980-х годов (на примере ГДР и СССР) // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / Под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Акоюн. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 226–246.

Белова А. В. Концепт «интернациональная дружба» в идеологии и повседневности позднесоциалистических обществ ГДР и СССР // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2018. № 1. С. 4–19.

Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Акоюн. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Путрус П. Г. Иностранцы в «закрытом обществе» ГДР: политические беженцы, учащиеся, трудовые мигранты // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Акоюн. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 106–128.

ОБРАЗЫ «РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ» ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕЖИМА ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МЕЖДУ СССР И США

Невзоров Максим Вадимович

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена max.nevzorov@gmail.com*

Аннотация. Дж. Най утверждает, что в процессе установления режима безопасности между СССР и США в сфере ядерного оружия (ЯО) существовала область общего знания, где США и СССР рассматривали разрушительную силу ЯО в терминах взаимной уязвимости. Предполагается, что знания о разрушительной силе ЯО попадали в руки политиков не только напрямую от экспертов, но и косвенно в виде эмоционально окрашенных образов массовой культуры.

Ключевые слова: режим безопасности, ядерное оружие, образы массовой культуры.

IMAGES OF THE «DESTRUCTIVE POWER» OF NUCLEAR WEAPONS IN THE CONTEXT OF THE NUCLEAR SECURITY REGIME BETWEEN THE USSR AND THE USA

*Nezvorov Maxim Vadimovich
Herzen University*

Abstract. J. Nye argues that in the process of establishing a security regime between the USSR and the US on the issue of nuclear weapons, there was an area of shared knowledge in which the US and the USSR viewed the destructive power of nuclear weapons in terms of mutual vulnerability. It is assumed that knowledge of the destructive power of nuclear weapons reached politicians not only directly from experts, but also indirectly in the form of emotionally coloured images produced in mass culture.

Keywords: security regime, nuclear weapons, images of popular culture.

Центральным понятием статьи является международный режим ядерной безопасности. «Режимы могут быть определены как явные или неявные принципы, нормы, законы и процедуры принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания акторов в определенной области международных отношений» [Krasner, 1982: 186]. Что означает «схождение США и СССР» вокруг признания разрушительной силы ядерного оружия (ЯО)? В теории международных отношений подобное схождение объясняется через понятие обучения (learning); обычно речь идет о роли экспертного сообщества или, в терминологии И. Адлера, «эпистемического сообщества». Среди важнейших экспертных сообществ следует выделить «фабрику мысли» *Rand*. «Предположение о рациональности, реалистские предположения о природе и разрешении конфликтов, страх перед коммунизмом, который был почти равен страху перед самой ядерной войной, передавалось от *RAND* политическим структурам [США], которые позже сформулировали политику контроля над вооружениями» [Adler, 1992: 114]. Дж. Най в режиме ядерной безопасности выделил, среди прочих, *область общего знания* о разрушительной силе ЯО, указывая, что режим сформировался под влиянием ядерных испытаний, теоретического моделирования

на основе получаемых данных [Nye, 1987: 384]. Такого рода знания, очевидно, формируются под влиянием экспертов. Однако известно и большое количество популярных художественных произведений, которые формировали образ разрушительной силы ЯО. Какую роль эти образы массовой культуры могли играть в формировании режима безопасности и какие характеристики образа можно выявить? Ответим на эти вопросы.

В процессе оформления режима безопасности политические лидеры должны были решить две проблемы: 1) с одной стороны, тотальное уничтожение должно было быть связано с идеей массового применения ЯО, что и было решено в рамках стратегии *гарантированного удара возмездия*, которая делала бессмысленным одиночное применение данного вида вооружений в *обычной* войне; 2) смоделировать *образ тотального уничтожения* обеих сторон в ходе массированного обмена ядерными ударами; этот образ способствовал бы схождению ожиданий политических акторов через упрощение понимания последствий применения ЯО и помог бы сделать образ тотального уничтожения убедительным. И если вопросы стратегии исследуются довольно широко, то образы тотального уничтожения в массовой культуре изучались меньше, особенно в политической науке.

Угроза способствует интеграции внутреннего политического тела, что повышает способность правительства мобилизовать силы на применение гарантированного удара возмездия. В некотором роде идея угрозы является продолжением идеи К. фон Клаузевица о тотальной мобилизации [Калдор, 2015: 71] как единства правительства и народа.

Как показывает анализ Т. Шеллинга, повышение правдоподобности угрозы приводит к парадоксальному снижению вероятности ее исполнения [Шеллинг, 2007]. По этой причине любая лазейка, которая бы позволила кому-либо увидеть постапокалиптическое будущее, выжив в настоящем — здесь и сейчас — рассматривается как нарушение договора. Образ *принципиального выживания* как антитеза образу *тотального уничтожения* интерпретируется не с точки зрения объективных технических критериев, но под углом политической перспективы: способность выжить после применения массированного обмена ядерными ударами будет рассматриваться сквозь призму продолжения сложившегося социального

неравенства, где шансы на выживание имеются у элит, но никак не у среднестатистического гражданина. Образ принципиального выживания элиты будет означать ее способность поддержать и воспроизвести после ядерного армагеддона привычный для «здесь и сейчас» уровень комфорта. Составной частью этого образа является способность *предсказать* будущий удар, что связывается с планированием удара, с сознательной подготовкой к событиям. Кто, как не сумасшедший, будет тратить миллионы на системы выживания в ситуации, когда никто не выживет? Однако если эти деньги тратятся, то значит они (элиты) не сумасшедшие, а, напротив, полагаются на расчет? Снижение возможности нанести полноценный удар возмездия обычно связывается с разработкой альтернативных стратегий — превентивного обезоруживающего удара или развития системы противоракетной обороны — однако представляется, что ограничением в разработке и применении данных доктринальных положений является прежде всего неспособность ни одного из акторов режима ядерной безопасности создать систему принципиального выживания для всей страны в целом без каких-либо исключений.

Руководствуясь этой теоретической перспективой, обратимся к рассмотрению отдельных характеристик художественных образов, поддерживающих образ тотального уничтожения в противовес образу принципиального выживания. Среди работ, в которых систематизируются и анализируются образы ядерной войны в кино, отметим работу Т. Хида и А. И. Кубышкина, а также статьи А. Д. Попова и Е. В. Просоловой [Heed, Kubyshkin, 2019; Попов, 2020; Просолова, 2022; см. также Understanding the Imaginary War, 2016]. Далее в статье используются примеры из художественных кинофильмов и сериалов; ряд из них имеет литературную или игровую первооснову.

1. *Растерянность лиц, принимающих решения.* Растерянность здесь означает не бездействие, но всего лишь тот факт, что лидеры находятся под прессом необходимости принятия решения, каждое из которых может оказаться последним. События обычно проходят за круглым столом, с привлечением большого количества советников и, как правило, представителей (хотя бы косвенно) противоположной стороны. Соответствующие сцены мы находим как в сатирической картине «Доктор Стрейнджлав...» (реж. С. Куб-

рик, 1964), так и в исторической драме «Тринадцать дней» (реж. Р. Дональдсон, 2000). Динамику событиям задает не действие, а крушение всех высказанных в сцене главными советниками предположений, которые до этого казались незыблемыми и логичными. Эта динамика подчеркивает неподготовленность элиты к принятию решений; слабость элиты в данном случае рассматривается как сильная сторона: хотя она и не была готова к ситуации, но предпринимает все силы, чтобы разобраться в ней. Схожий паттерн мы можем видеть в постапокалиптическом фильме «Двенадцать обезьян» (реж. Т. Гиллиам, 1995): хотя армагеддон не был предотвращен, сама сюжетная линия дает понять, что элиты, используя машину времени, пытаются разобраться в случившемся, и, по возможности, вернуть все назад.

Противоположностью образа растерянности лиц, принимающих решения, является *образ прагматичных элит*, у которых ядерный апокалипсис является частью плана. Например, одна из сцен сериала по одноименной игре «Фоллаут» (восьмая серия первого сезона, 2024) также проходит за круглым столом, однако авторы сериала подчеркивают сговор собравшихся представителей корпораций, производителей высокотехнологичных бункеров, для которых война является частью бизнес-плана, а мирные переговоры лишь «откидывают их назад». Аналогичный пример демонстрируется в фильме «Не смотрите наверх» (реж. А. Маккей, 2021): элиты покинули Землю на космическом корабле незадолго до ее столкновения с метеоритом.

2. *Разрыв настоящего и новая точка отсчета*. Большая часть произведений в постапокалиптическом жанре о последствиях ядерной войны связана именно с этой характеристикой. Манга, и также игровые и мультипликационные адаптации («Босоногий Гэн», автор К. Накадзава, разные годы) показывают этот разрыв. Ужасы самой бомбардировки и ее последствий со временем проходят, догоняя непосредственных свидетелей бомбардировки Хиросимы и Нагасаки с помощью, например, онкологических заболеваний. Однако эти преходящие, не всегда смертельные, последствия, взятые сами по себе, могут даже привести на мысль о принципиальной выживаемости в постядерной жизни. Тезис о принципиальном разрыве настоящего подтверждается на деле тогда, когда мы начинаем учитывать контекст социально-политических изме-

нений: в Японии, например, это связывается с отречением Императора и оккупацией страны, лишаящей ее суверенитета.

Интересно, что в образе *тотального уничтожения* можно провести градацию интенсивности разрыва настоящего. Фильм «На берегу» (реж. С. Крамер, 1959) рисует картину медленного, отложенного, но неминуемого уничтожения всего человечества; это разрыв без новой точки отсчета. Среди фильмов на противоположном конце градации отметим «Двенадцать обезьян», представляющий собой рефлексию по поводу ответственности человечества за Мир; в основу сюжета положен не ядерный конфликт, а угроза распространения смертоносного вируса в «оптимистичные» 1990-е гг. Главный герой фильма неспособен на адекватную коммуникацию между будущим и прошлым: вернувшись в нормальное «настоящее», он находится под угрозой провести остаток своих дней в психиатрической клинике — это метафора полного разрыва настоящего. Но «будущее» в этом фильме оказалось сильным, способным создать машину времени и с помощью главного героя восстановить преемственность. Напомним, что такой позитивный конец стал возможен благодаря тому, что сама по себе катастрофа произошла не по злему умыслу элит, а, значит, «машину времени» можно рассматривать как метафору преемственности, способности восстановить разрыв настоящего.

Между указанными фильмами по нашей шкале расположим фильм «Нити» (реж. М. Джексон, 1984), претендующий на реалистичность описания последствий ядерной войны. Метафорой преемственности здесь является тема рождения детей. Новая точка отсчета в этом фильме, хотя и несет черты социальной «варварской» упорядоченности, однако, заканчивается сценой, в которой подразумевается, что героиня, сама родившаяся лишь немного времени спустя ядерной войны, рождает мертвого ребенка. И, наконец, мир вселенной «Фоллаут» разделен на две непересекающиеся плоскости — подземной «нормальной» жизни и жизни наземной, варварской, средневековой, живущей по своим законам. Метафора конфликта между этими видами жизни напоминает, что неравенство началось задолго до ядерной войны.

3. *Другие виды существ.* Чтобы еще больше подчеркнуть разрыв настоящего в образе тотального уничтожения, авторы произведений создают персонажей, которые являются *тотально Дру-*

гими, иными по отношению к Человеку. Здесь также можно провести определенную градацию — от животности к разумности: зомби как «бывшие» люди (например, зараженные кордицепсом в сериале по одноименной игре «Одни из нас»); гули, которые разумны постольку, поскольку принимают специальный препарат («Фоллаут»); разумные обезьяны (франшиза «Планета обезьян») аналогичны людям (но ими не являются!); дальше, видимо, должен быть размещен доктор Манхэттен из фильма «Хранители» (реж. З. Снайдер, 2009) как существо, превосходящее человека. Все новые виды появляются в результате технологического воздействия человека на окружающую среду, все они связаны с человеком, или тем, что произошли от человека. Важной функцией данного образа, как отмечено выше, является усиление ощущения разрыва с настоящим — подразумевается, что «как раньше» уже не получится. Но в то же время, учитывая репрезентации социально-политического контекста, в котором действуют другие виды, следует заключить, что, по идее авторов подобных сюжетов, существование *иных* подчеркивает бессмысленность разрыва настоящего, обесценивает новую точку отсчета после катаклизма. Обезьяны, гули, зараженные — все они обитают среди подчеркнута «средневековых» социальных структур управления. Подразумевается, что ядерная война (и более широко — любое технологическое воздействие человека) не имеет никакого смысла, коль скоро даже другим видам в историческом процессе придется повторить то же самое, что проходили люди. Тот же доктор Манхэттен ставит под вопрос разумность людей: для объединения и прекращения вражды им требуется общий враг, а не способность к разуму; он взорвал ядерные бомбы, чем «заставил» США и СССР объединиться против него.

Подчеркнем, что набор вышеперечисленных образов мог способствовать поддержанию международного режима ядерной безопасности. Однако указанные произведения являлись, прежде всего, рефлексией на внутрисполитическую ситуацию в США и не касались СССР за редким исключением (х/ф «Письма мертвого человека», реж. К. Лопушанский, 1986; см. также: Попов, 2020; Просолова, 2022). Данное различие может быть проинтерпретировано при помощи теории влияния (*empowering*) внутренней политики на внешнюю Дж. Чекеля [Checkel, 1997: 478]; в СССР

мог преобладать механизм «обучения элит», тогда как в США, помимо этого механизма, был задействован также и механизм социального давления на элиты. Последнее может объяснить роль массовой культуры как источника образов, которые акторы внутренней политики могут использовать, чтобы донести свою точку зрения до представителей органов власти. Безусловно, механизм передачи образов в процессе обучения, равно как и доказательство связи между образами массовой культуры и формированием внешней политики, требует дальнейшего исследования.

Благодарности.

Автор благодарит А. И. Кубышкина, Т. Б. Рябову и И. А. Туркина за ценные комментарии к тексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Калдор М. Новые и старые войны. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

Понов А. Д. Печи Освенцима и пепел Хиросимы: страх войны в режиссуре советских массовых мероприятий 1950–1980-х годов // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 140–157.

Просолова Е. В. Ядерная угроза в кинематографе как инструмент пропаганды в эпоху идеологического противостояния СССР и США // Ялта 1945: уроки истории. Сборник материалов международной научной конференции (2021–2022 гг.). Ливадийский дворец-музей. Симферополь: «Антиква», 2022. С. 153–162.

Heed T., Kubyshkin A. I. Armageddon: Comparative Images of the Nuclear Conflict Between the United States and the Soviet Union in American Cinema // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 5. С. 250–258.

Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007.

Adler E. The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. P. 101–145.

Checkel J. T. International norms and domestic politics: bridging the rationalist—constructivist divide // European Journal of International Relations. 1997. No. 3. P. 473–495.

Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organization. 1982. Vol. 36. Iss. 2. P. 185–205.

Nye J. S. Nuclear Learning and U. S.—Soviet Security Regimes // International Organization. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 371–402.

Understanding the Imaginary War: Culture, Thought and Nuclear Conflict, 1945–1990 / ed. by M. Grant, B. Ziemann. Manchester: Manchester University Press, 2016.

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ НА СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: НОВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ

Гончаренко Валерия Юрьевна

*Российский государственный гуманитарный университет
ms.de.leri@mail.ru*

Аннотация. Холодная война как исторический процесс не закончилась, а перетекла в новую стадию, которую исследователи называют «второй Холодной войной». В настоящее время снова усиливается противостояние США и стран Запада с Россией, Китаем или обеими странами сразу. Мы можем наблюдать, как события и образы Холодной войны накладываются на современность. В данном исследовании анализируется роль феномена Холодной войны как исторического события в современной политике к.

Ключевые слова: Холодная война, США, СССР, НАТО, Новая холодная война.

THE IMPACT OF COLD WAR EVENTS ON CURRENT TRENDS IN WORLD POLITICS: THE NEW COLD WAR AS A HISTORICAL EVENT AND A SOCIAL CONSTRUCT

Goncharenko Valerya Iurievna

Russian State University for the Humanities

Abstract. The Cold War as a historical process has not ended. It reached a new stage, which researchers call the «Second Cold War». Currently, the confrontation between the United States, Western countries and Russia, China or both countries at once is intensifying again. We can see the reflections and images of the Cold War on current political situation in the world. This study analyzes the phenomenon of the Cold War as a historical event in modern politics.

Keywords: Cold War, USA, USSR, NATO, New Cold War.

Конец Холодной войны — процесс, завершившийся в начале 1990-х гг. прошлого века. Современные историки выделяют несколько основных дат, которые подвели итог противостоянию двух сверхдержав. 9 ноября 1989 г. пала Берлинская стена. Это

событие историки выделяют как наиболее демонстративный символ окончания Холодной войны — символ падения «железного занавеса». 3 октября 1990 г. произошло объединение ГДР и ФРГ. 8 декабря 1991 г. были подписаны Беловежские соглашения, закрепившие создание СНГ и очертившие границы новых независимых государств на постсоветском пространстве. В начале 1992 г. президент России Б. Н. Ельцин заявил о том, что ядерные ракеты больше не направлены на военные объекты США и других западных стран, а перенацелены на незаселенные территории Земли. 1 февраля 1992 г. президентами США и России была подписана Кэмп-Дэвидская декларация, которая официально положила конец Холодной войне.

Однако можно ли считать, что Холодная война закончилась в самом деле? На эту тему в академической среде до сих пор ведутся дискуссии. В современном дискурсе широко распространен тезис о том, что Холодная война как идеологическое, экономическое и военно-политическое противостояние двух сверхдержав не завершилась в начале 1990-х гг. с распадом СССР, а перетекла в очередную фазу разрядки, которая продлилась, по различным оценкам историков, до известной «петли Примакова» 24 марта 1999 г.⁴⁹. В тот день премьер-министр России Е. Примаков вылетел на переговоры в США. Уже находясь в пути, он узнал от вице-президента США Альберта Гора об ударах НАТО по Югославии и приказал развернуть правительственный самолет над Атлантикой. Военная сила была применена без соответствующей резолюции Совета безопасности ООН. Президент России В. В. Путин после не раз говорил, что именно с бомбардировок Югославии силами НАТО началось ухудшение отношений России и Запада. Таким образом, период «оттепели» в отношениях США и России как страны-правопреемницы СССР сменился на начало нового противостояния.

Это событие считается одним из ключевых, когда мы говорим о начале новой Холодной войны, так как до 1999 г. Россия при администрации Б. Ельцина стремилась к сближению со странами Запада, к установлению союзнических отношений с бывшими идеологическими врагами. Россия вступила в МВФ, Всемирный

---

⁴⁹ «Петля Примакова»: Как разворот над Атлантикой вернул Россию на мировую арену (РИА Новости. 2019. 23 марта).

банк и другие международные организации, рассматривалась даже возможность присоединиться к НАТО. Совет Россия — НАТО, учрежденный в 2002 г., активно функционировавший вплоть до событий в Грузии 2008 г., был направлен на борьбу с международным терроризмом. Он несколько раз приостанавливал свою работу (в 2014 и 2019 гг.), но его работа была окончательно завершена лишь в 2021 г.

В этом контексте необходимо упомянуть о том, как менялась идентичность НАТО в период с 1988 по 2024 гг. Изначально Североатлантический альянс создавался с целью защиты Европы от возможной угрозы советской экспансии. После распада СССР и роспуска ОВД остро встал вопрос о формировании новой идентичности альянса. Поиски идентичности в данном случае предполагали поиск нового врага, того «другого», против которого могли бы сплотиться все участники военно-политического блока. Любой международной организации необходима цель существования — отсутствие объединяющего фактора для ее участников обрекает организацию на прекращение деятельности. Соответственно, НАТО необходимо было либо распустить, либо реформатировать. Остро встал вопрос о необходимости реформирования Североатлантического альянса в соответствии с реалиями формирующегося пост-биполярного миропорядка и поиска новой коалиционной идентичности [Антюхова, 2015]. «Отражение советской угрозы» более не являлось актуальной целью НАТО и не соответствовало лозунгу одного из бывших генеральных секретарей организации: «держатъ Советский Союз вне Европы, американцев — внутри, а немцев — в подчиненном положении» [Reynolds, 1994].

В 1990 г. Лондонская декларация закрепила за НАТО миссию обеспечения трансатлантической безопасности и помощи странам бывшего социалистического лагеря с интеграцией в «западное сообщество»⁵⁰. Формирование новой идентичности НАТО было призвано оправдать существование альянса после того, как была достигнута его основная политическая и стратегическая цель — сдерживание СССР. Созданная в 1994 г. программа «Партнерство ради мира» даже подразумевала поиск диалога с Россией по

---

⁵⁰ 20 лет назад: Лондонская декларация отмечает рождение новой НАТО // Организация Североатлантического Договора. 2010. 5 июля. https://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_64790.htm (дата обращения: 19.07.2024).

ключевым вопросам безопасности. После распада СССР произошло расширение функций Североатлантического блока: миротворческие операции в Европе и за ее пределами, силовые акции вне традиционной Евро-Атлантической зоны ответственности [Арбатов, 2006].

В положениях Стратегии 1999 г. сформировалось определение НАТО как основной организации, отвечающей за безопасность в Европе. Стратегическая концепция НАТО 2010 г. «Активное участие, современная оборона» предусматривала три основные задачи Альянса — коллективная оборона, кризисное регулирование и безопасность на основе сотрудничества. Однако уже в 2015 г. идентичность организации вновь начала выстраиваться вокруг поиска нового врага, произошло возвращение к видоизменившимся, но основополагающим задачам: угрозой вместо агрессии СССР стало рассматриваться неожиданное нападение России на страны Европы [Войтоловский, 2013]. На саммите НАТО в июле 2016 г. Россия была признана основной угрозой безопасности для альянса; в июне 2022 г. на саммите в Мадриде структуры НАТО зафиксировали в своей новой концепции сдерживание «любой агрессии» России. Таким образом, Североатлантический альянс вернулся к своим первоначальным целям и задачам, которые ставил перед собой во время Холодной войны.

Окончание Холодной войны обозначило крах биполярного мироустройства и положило конец идеологическому противостоянию двух сверхдержав, но после распада СССР так и не сформировалась однополярная модель мира. Российская многовекторность, начатая «петлей Примакова», окончательно оформилась выступлением Владимира Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г.⁵¹ Мюнхенскую речь многие по сей день сравнивают с Фултонской речью Черчилля. Она окончательно обозначила становление современной России как ключевого центра силы и показала, что «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна». Параллельно со становлением России — правопреемницы СССР — как одного из ключевых центров силы, в новом многополярном мире постепенно стали укреплять свои позиции в качестве ведущих центров

---

⁵¹ Мюнхенская речь Владимира Путина. 2007 // Президент России URL: <https://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 28.08.2024).

силы такие акторы международных отношений, как Европейский Союз, Китай, Индия, Бразилия, Турция, Иран [Гаджиев, 2024]. Россия, Китай, Турция и страны Латинской Америки не раз призывали Запад отказаться от концепции однополярного мира, и появление таких международных структур и инициатив как БРИКС, «Большая двадцатка», «Один пояс — один путь» убедительно свидетельствовало об усилении тренда на многовекторность.

В этой связи необходимо упомянуть и экономическое противостояние — санкции США и западных стран против России и формирование новых экономических организаций. Основанная в 2006 г. организация БРИКС, характеризующаяся вначале как «мертворожденное дитя» [Андропова, 2013], в 2020-х гг. вышла на новый виток своего развития. К началу 2023 г. около 40 стран выразили свою готовность присоединиться к организации. На долю входящих в БРИКС стран приходится 27 % мирового ВВП. Им принадлежит 15 % мировой торговли, а Китай является первой по величине экономикой в мире и вместе с Индией входит в десятку стран по темпам роста ВВП. В этой связи можно говорить о том, что в случае успешной деятельности данной организации речь пойдет не просто о формировании экономической организации, способной конкурировать с ЕС, а о полной переориентации торгового сотрудничества на Восток, в обход США и объединенной Европы, и о зарождении нового экономического миропорядка.

Стоит также упомянуть, что, несмотря на усталость многих ведущих центров силы от США и поиск новых экономических путей, сотрудничество США со многими странами мира, в том числе и со значимыми для России партнерами, также расширяется на Восток. Формат «С5+1» (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и США) за последние пять лет достиг успеха в расширении связей в сферах экономики, энергетики, торговли, медицины и обеспечения безопасности⁵². В 2021 г. глава МИД России Сергей Лавров заявил, что западные страны поставили цель ослабить связи России с государствами Центральной Азии: «Объем экономических связей, выстраивающихся сей-

---

⁵² Страны Центральной Азии и США отметили успех формата «С5+1» // ТАСС. 2021. 4 мая. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11307235> (дата обращения: 28.08.2024).

час у США и ЕС с Центральной Азией, несопоставим с нашим экономическим взаимопроникновением, но поставленная Западом цель однозначна — всячески ослаблять наши связи со своими союзниками и стратегическими партнерами».

Для Холодной войны прошлого века характерно было также противостояние двух идеологий — социализма и капитализма. В XXI в. на смену идеологическому противостоянию между социалистическим и капиталистическим лагерями пришел новый ценностный разлом; он оформился в противостояние традиционных и неолиберальных ценностей⁵³. Ценностный антагонизм выражен в том, что традиционные ценности противопоставляются неолиберальным, популяризирующимся на Западе через культуру: кино, музыку, литературу. Россия и многие другие страны мира сегодня движутся в фарватере борьбы за сохранение, защиту и продвижение традиционных ценностей. Так, на сегодняшний день, «ценности, которые лежат в основе российской гражданской идентичности», являются одной из основных опор «российской многонациональной государственности». Перед Россией стоит задача «противостоять западным ценностям: агрессивному насаждению вседозволенности, доведенной до абсурда толерантности, различными деструктивными моделям поведения».

Проследив за ходом событий с окончания Холодной войны вплоть до современности, можно отметить, что экономическое, военно-политическое и идеологическое противостояние между ведущими центрами силы мира, Россией и США, продолжается. Изменились лишь некоторые рамки и правила поведения для ведущих акторов международных отношений. Так, на смену борьбы таких идеологий, как капитализм и социализм, пришло столкновение неолиберальных и традиционных ценностей. На смену биполярному мироустройству пришла модель многополярного мира с такими центрами силы, как Россия, Китай, США, Европейский Союз (с оговоркой — до 2022 г., когда ЕС еще проводил более независимую от Белого дома политику). Можно заметить, как вновь обостряются замороженные после первой Холодной войны конфликты, проследить, как идентичность, цели и задачи НАТО вернулись к своим первоначальным очертаниям, как формируют-

---

⁵³ Борьба за традиционные ценности как «глобальный вызов» современности // Международная жизнь. 2023. 1 ноября.

ся новые экономические организации и пути торговли. Холодная война с распадом СССР не закончилась — изменился лишь облик, но характерные черты экономического, военно-политического и идеологического противостояния по-прежнему не теряют своей актуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андропова И. В. БРИКС — мертворожденный ребенок или новый вектор международной политики: к вопросу об эффективности работы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2013. № 5. С. 43–49.

Антюхова Е. А. Формирование Стратегии НАТО в постбиполярный период // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 17–24.

Арбатов А. Г. Расширение НАТО и национальные интересы России: доклад на конференции РОПЦ-Фонда Розы Люксембург// Полития. 2006. № 2. С. 94–103.

Войтоловский Ф. Г. Идеология и практика атлантизма во внешней политике США: Автореф. дис. ... канд. д-ра полит. н. М., 2013.

Гаджиев К. С. Геополитика: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024.

Reynolds D. The Origins of the Cold War in Europe: International Perspectives. Yale Univ. Press, 1994.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ? АМЕРИКА ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Шейман Владимир Владимирович

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена schoenmann@mail.ru*

Аннотация. В статье на основании данных проведенного автором социологического исследования в форме интервью анализируется, как российские военнослужащие интерпретируют роль США в украинском кризисе сквозь призму их представлений о Холодной войне. Автор анализирует представления участников СВО о причинах и результатах противостояния СССР и США в период Холодной войны, выясняет, насколько нынешний конфликт трактуется ими как продолжение этого противостояния, выявляет их мнение о вооруженных силах США и о роли производимых Голливудом образов американских военных в пропаганде.

Ключевые слова: Холодная война, Специальная военная операция, образ американских военнослужащих, кинематограф США, российско-американские отношения

CONTINUATION OF THE COLD WAR? USA THROUGH THE EYES OF PARTICIPANTS OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

*Sheiman Vladimir Vladimirovich
Herzen University*

Abstract. Based on the results of sociological research, the article analyses how the Russian military interprets the role of the USA in the Ukrainian crisis through the prism of its views on the history of the Cold War. The author examines the views of the participants of the Special Military Operation on the causes and results of the confrontation between the USSR and the USA during the Cold War, investigates the extent to which they see the current conflict as a continuation of this confrontation, reveals their opinions about the US armed forces and the role of Hollywood images of the US military in propaganda.

Keywords: Cold War, the Special Military Operation, the image of U. S. militaries, U. S. cinema, Russian-American relations

Противостояние России и Запада, обострившееся в период проведения Специальной военной операции, сегодня нередко называют Новой холодной войной [подробнее об использовании этого термина см. Туркин, Рябова, 2022]. Данный термин появился задолго до начала боевых действий и был призван охарактеризовать суть вновь возникшей конфронтации, а именно: главное оружие — это не военное воздействие, а пропаганда, как в «старые добрые времена». Прежними остались и ключевые игроки, хотя сегодня термин «Новая холодная война» используется также по отношению к противостоянию США с Китаем. Однако с 2022 г. политики и медиа по понятным причинам стали использовать этот термин значительно чаще, привлекая при этом те характеристики, которые были достаточно традиционными для практик создания образа врага времен советско-американской конфронтации [Рябов и др., 2023]. В этой ситуации естественным выглядит вопрос, в какой мере такую интерпретацию разделяют сами участники СВО — российские военнослужащие в зоне боевых действий.

Цель данной статьи, таким образом, заключается в анализе мнений участников СВО о том, насколько современную конфронтацию США и России можно считать продолжением Холодной войны. Каковы представления респондентов о Холодной войне, ее целях, результатах и последствиях? Какие цели, с их точки зрения, ставят перед собой США сегодня? Как они воспринимают армию

США и что они думают об образах американских военных, распространяемых массовой культурой США и, прежде всего, кинематографом?

Материалом для исследования послужили данные серии глубоких интервью с участниками СВО (n=6, возрастная группа — российские мужчины в возрасте 18–40 лет; все они имеют среднее и среднеспециальное образование, большинство окончили ПТУ). Данные собирались в период лета 2023 г.

Сначала мы выяснили представления респондентов о Холодной войне: кто был ее участником, каковы были ее результаты. Никто не испытывал затруднений с тем, чтобы назвать ключевых противников в этой конфронтации. Советский Союз в этой войне потерпел поражение, свидетельством чего стал его распад — этот тезис с разной степенью уверенности высказало подавляющее большинство информантов.

СССР распался, Америка — нет, значит они победили.

Вячеслав.

Наверное, Советский Союз проиграл, он же распался.

Константин.

Большинство опрошенных отметили отличие Холодной войны от «горячей», которую они связали с прямыми военными действиями. Характеризуя Холодную войну между СССР и США, часть респондентов назвали ее отличительной чертой «гонку вооружений». Несколько респондентов, заметим, ссылаясь на знания, полученные как в школе, так и в результате просмотра художественных фильмов, отметили, что две сверхдержавы боролись за влияние в мире, стремились поделить мир, но прямого военного противостояния между ними не было.

В школе говорили, что СССР с Америкой боролись за влияние в мире, но войны между ними не было, они воевали в других странах, через другие страны. *Алексей.*

Я знаю, что СССР и США пытались поделить мир. Много фильмов смотрел, там они враги в любой точке мира. *Дмитрий.*

Далее мы пытались понять точку зрения опрошенных на то, можно ли считать современное противоборство США и России

продолжением Холодной войны. Информантам было предложено высказать свое отношение к следующему суждению: «Эксперты нередко считают, что СВО — это война не России и Украины, а России и США. СВО является продолжением той самой закончившейся Холодной войны между СССР и США, а украинцы — лишь инструмент в руках США». Информанты единодушно поддержали эту точку зрения. Именно Америку считают своим противником российские солдаты — участники СВО. Украина при этом лишается субъектности. Даже те респонденты, кто не смог ответить на вопрос о том, является ли СВО продолжением Холодной войны, не сомневались в том, что Америка является участником конфликта.

Факт того, что Америка стоит за Украиной, очевиден.

Иван.

Конечно, они руками украинцев воюют против нас. И оружие им поставляют, это всем очевидно, и пропаганда их ... вся против нас как была до [СВО], так, тем более, остается сейчас. *Константин.*

Следующий вопрос касался целей США в нынешнем конфликте и их соотношении с целями этой страны в период Холодной войны. Никто, отвечая на этот вопрос, не испытал затруднений; практически все респонденты ответили, что цели США — уничтожение России и русских, то есть, по их мнению, те же, что и в тот период.

Цели Америки те же самые: ..[*уничтожить* — В. Ш.] что Россию, что СССР. Да, в принципе русских, где бы то ни было. *Дмитрий.*

Все то же самое, как и тогда. Чужими руками истощить Россию, ...[*похитить* — В. Ш.] природные ресурсы, снизить обороноспособность страны. *Вячеслав.*

Америка никогда ничего для нас не делала хорошего, я думаю, что это противостояние было, есть и будет. Где [противостояние], в каком виде, с кем [вместе] или против кого, не имеет значение. *Константин.*

При этом подчеркивается, что США стремятся посеять раздор между российским и украинским народами.

[цель американцев] — сравнить два народа. Украинцам ненависть к нам внушали на протяжении десятилетий. Когда у тебя там живут родственники, они многое говорят о том, что у них по новостям передают. Сами-то они не решили так, вот давайте ненавидеть русских, очевидно, что кто-то помог им нас возненавидеть. *Иван.*

Некоторые информанты сочли отличительным признаком двух противостояний их масштаб: происходящее сегодня направлено, с их точки зрения, на то, чтобы отколоть Украину от России, а не на более глобальные цели («В Холодную войну речь шла о борьбе за земной шар. Здесь же, Америка решила организовать войну на границе России, истощив ее». *Алексей.*)

Заслуживает внимания те ответы, которые позволяют предположить, что некоторые участники СВО воспринимают украинцев, скорее, как жертву — как жертву манипуляций американцев, которые сражаются с Россией их руками. Подчас респонденты высказывали сожаление о том, что россияне и украинцы оказались по разные стороны линии фронта. Несколько респондентов использовали для характеристики политики США в этом противостоянии один и тот же термин: «сравливают народы». Свою часть вины несут, по мнению опрошенных, и правящие круги Украины, которые приняли сторону американцев.

Это какой-то американский план — сравнить два народа. Притом, что до войны мы спокойно ездили друг к другу, у меня там родственники, да и у многих. [Это] украинская верхушка, которой наобещали всякой ..., повелась на американцев. *Алексей.*

Америкосы и нас, и ... [*украинцев — В. Ш.*] втянули в это, сравнили, можно сказать. *Дмитрий.*

... [*украинцы — В. Ш.*] сами виноваты. Поверили американцам, они им наобещали, и затем пошли на русских. *Вячеслав.*

Важной проблемой является оценка воздействия массовой культуры на политическое поведение граждан. В своем исследовании мы поставили одной из задач приблизиться к пониманию того, влияют ли кинообразы военнослужащих США на восприятие американской

армии российскими военнослужащими. Мы выяснили, во-первых, смотрят ли информанты американские фильмы, в которых идет речь об армии США, во-вторых, какими именно они видят американских военных в этих фильмах и, в-третьих, доверяют ли они этим фильмам. Все участники интервью отметили, что голливудские фильмы об армии США смотрели, но особого доверия к содержанию таких кинокартин не выказал никто.

Да, смотрел, конечно, и сейчас военные фильмы смотрю. Пока маленький — веришь в это, хочешь быть таким же. Но это чушь, с возрастом понимаешь это. *Дмитрий*.

Все кино про них — бред. Я кино про их военных смотрю так, краем глаза. Чаще всего становится смешно, и самые серьезные фильмы смотришь как комедии. Во все это не веришь. *Алексей*.

По словам респондентов, в этих фильмах военнослужащие США — настоящие патриоты своей страны, на их стороне всегда правда; они сильные, храбрые, неунывающие, «крутые». («Видел, конечно, там они делают что хотят, всех побеждают, правда на их стороне», «По кино американцы патриоты все, любят свою страну»). Интерес представлял и вопрос о том, изменилось ли мнение информантов об армии США после того, как они стали участниками нынешнего военного противостояния. Некоторые респонденты отметили, что американская армия и в реальности сильна («У них большая армия, много высокоточного оружия, их базы во всех уголках планеты, хорошие инструктора, большой опыт участия в локальных войнах. Это факт» *Вячеслав*; «У них ракеты опасные, это я знаю точно, чего только *Himmars* стоит» *Алексей*). Другая часть подчеркивала роль кино как инструмента пропаганды: как для внутреннего потребления — для того чтобы привлечь американцев на военную службу, так и для всего мира — с тем, чтобы все думали, что в действительности американские воины именно такие, каким их изображает Голливуд.

Про кино мнение не изменилось, как раньше считал, так и сейчас считаю, [что это] пропаганда обычная. Может быть, за счет пропаганды они и такие патриоты, но это все напускное. Насчет их армии не знаю, там не служил (улыбается —

ВШ). <... > Они, якобы, храбрые, сильные, неунывающие, крутые, но это пропаганда, чтобы народ в их армию привлечь, и по миру кино пустить, чтобы думали, что в реальности они такие же. *Иван*.

С возрастом понимаешь, с опытом, что не получится так гладко, как у них. *Дмитрий*.

Наконец, что же думают респонденты о морально-психологических качествах американских военных? Те позитивные характеристики, которые — в соответствии с голливудским кинообразом — предлагались им интервьюером (храбрость, сила, мужество, патриотизм, товарищество), были ими отвергнуты. Американцы, по мнению опрошенных, трусы: они «никогда не будут воевать лоб в лоб»; если возникает опасность, то «они все бросают и бегут, предавая своих»; «правда на стороне тех, против кого они воюют». Наконец, американцы, суммируя мнение большинства респондентов, слишком практичные, часто хитрые и лживые. Как показали исследователи ранее, в образе военных противника подчеркиваются характеристики, противоположные тем, которые приписываются «своим» [Рябова, Панкратова, 2019]. Наше исследование эту закономерность подтвердило. Приведем несколько суждений.

По кино они патриоты все, любят свою страну, но как только почувствуют, что не вывозят в реальной жизни, если подумать, то все бросят, всех «своих» предадут и ...[*сбегут — В. Ш.*] куда подальше *Константин*.

Силы в них нет, очень часто предают, вот. *Алексей*.

Видел конечно, там они делают что хотят, всех побеждают, правда на их стороне, якобы, но это не так. Если разобраться, то как раз правда на стороне тех, против кого они воюют в фильме. Здесь американцев в бою не видели, они никогда не будут воевать лоб в лоб. Трусы. *Вячеслав*.

Амерские военные — трусы, никогда сами вперед не пойдут, их оружие и ведение боевых действий заточено на дистанционные действия. *Дмитрий*.

Они хитрые, я бы так сказал. Чужими руками воюют, ничего не будут делать без своей выгоды. Я не знаю, какая у них идея, кроме идеи денег. Как наемники. *Константин*.

Подводя итоги исследования, подчеркнем, что результаты интервью показали: участники СВО оценивают украинский конфликт в контексте противостояния на международной арене России и США и интерпретируют его как продолжение соперничества двух сверхдержав периода Холодной войны. Информанты, на основании собственного опыта, характеризуют экранный образ американского военного в кинематографе США как не соответствующий реальности и в действительности выполняющий функцию пропаганды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023.

Рябова Т. Б., Панкратова Е. В. «Cold warriors» глазами современных россиян: рецепция кинообразов маскулинности американских военных периода холодной войны // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 29–40.

Туркин И. А., Рябова Т. Б. «Холодная война» в символической политике современной России: официальный дискурс // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк, 27–28 октября 2022 г. / Под ред. С. В. Беспаловой. Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. Т. 7. С. 323–325.

КИНОГЕРОИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН И АМЕРИКАНЦЕВ⁵⁴

Рябова Татьяна Борисовна

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

riabova2001@inbox.ru

Клещенко Людмила Леонидовна

НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

ludmila.popova2011@yandex.ru

---

⁵⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей восприятия произведений массовой культуры периода Холодной войны в России и США. Авторы показали, что и россияне, и американцы (первые чаще, чем вторые) идентифицируют киногероев Холодной войны в кинематографии своей страны как «своих».

Ключевые слова: Холодная война, советский кинематограф, американский кинематограф, идентичность, социальные представления

SOVIET AND AMERICAN COLD WAR MOVIE HEROES IN THE CONTEMPORARY RUSSIANS AND AMERICANS' SOCIAL VIEWS

Riabova Tatiana Borisovna

Herzen University St. Petersburg State University of Economics

Kleshchenko Liudmila Leonidovna

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg

Herzen University

Abstract. The article presents the results of a study of the external influence of Cold War culture on contemporary Russians and Americans. The authors show that both Russians and Americans (the former more than the latter) identify Cold War film heroes in their country's cinematography as «us».

Keywords: Cold War, Soviet cinema, American cinema, identity, social views.

Актуальность исследования связана с тем, что в настоящее время существует лишь небольшое число работ, посвященных современному восприятию кинообразов, созданных во время Холодной войны [Рябова, Панкратова, 2019]. Между тем такие исследования помогли бы понять, в какой степени произведения массовой культуры тех лет способны влиять на сегодняшние социальные представления, в том числе в таком значимом аспекте, как взаимное восприятие россиян и американцев.

В статье изложены некоторые результаты эмпирического исследования, проведенного в России и США в 2023–2024 гг. Одной из задач исследования стало изучение специфики восприятия кинообразов Холодной войны современными россиянами и американцами. Методом сбора материала было избрано полустандартизированное интервью, которое проводилось в обеих странах по идентичному опроснику ($n = 28$). При отборе информантов учи-

тывались такие их характеристики, как пол, возраст, образование, политические ориентации (в России мы опрашивали пропорционально сторонников «партии власти» («Единой России»), президента В. В. Путина) — «лоялистов»; приверженцев левых взглядов; сторонников правых взглядов (ЛДПР), сторонников либеральной идеологии и политически индифферентных граждан; в США — сторонников республиканцев; демократов; независимых избирателей). Среди российских информантов дополнительно учитывался территориальный признак; они рекрутировались в трех городах: Санкт-Петербурге, Иванове, Махачкале⁵⁵.

Прежде всего, информантов просили поделиться своим мнением о том, в какой степени продукция масс-культуры эпохи Холодной войны оказывает влияние на отношение современных россиян и американцев друг к другу. При ответе на этот вопрос мнения разделились. Большая часть информантов сочли это воздействие неэффективным. При обосновании подобной позиции, во-первых, высказывалась точка зрения, что образы, созданные в столь отдаленном прошлом, категорически устарели и не могут восприниматься всерьез («от них юмористический эффект, мне кажется, больше» *Антон, 22, СПб, ЛДПР*). Во-вторых, подчеркивалось, что изменился социально-политический контекст: трансформация политических систем России и США, изменения структуры системы международных отношений. В-третьих, отмечалось, что сегодня существует большое разнообразие развлекательного контента, а потому возможности влияния произведений массовой культуры Холодной войны ограничены — им просто сложно выдерживать конкуренцию.

При этом, заметим, возможность такого влияния не на себя, а на других респонденты не отрицали. Так, некоторые американские информанты согласились с тем, что у их соотечественников действительно не хватает исторических знаний: «Мои ученики удивляются, узнав, что Россия больше не коммунистическая» (*Джон, 28, дем.*).

Те, кто оценил возможность влияния исследуемых образов на современных россиян и американцев как высокую, объясняли это тем, что инерция мышления Холодной войны по-прежнему ока-

---

⁵⁵ Благодарим за участие в сборе данных А. Березуцкого, Е. Просолову, М. Мроз, С. Вернигору, И. Туркина.

зывает сильное воздействие на формирование политических установок. Информанты, которые обосновывали актуальность образов Холодной войны для современности, использовали в основном такой аргумент, как «ничего не поменялось». Объяснение сути этой преемственности определялось политическими предпочтениями респондентов. Для российских либералов образы СССР вполне актуальны для описания современной российской действительности, так как политическая ситуация современной России и СССР видится им схожей; для «лоялистов» «ничего не поменялось» означает продолжение биполярной конфронтации СССР и США. С возобновлением этой конфронтации связывают актуализацию кинообразов Холодной войны и многие американские информанты.

Дополнительный свет на возможности влияния образов массовой культуры Холодной войны на современность может пролить ответ на вопрос, в какой степени респонденты ассоциируют себя с героями художественных произведений — например, кинофильмов. Следует заметить, что в период советско-американской конфронтации усилия обеих кинематографий были направлены, среди прочего, на создание позитивной коллективной идентичности. Производство образов «своих» и формирование чувства принадлежности к сообществу предполагало создание привлекательного образа этого сообщества, равно как и эталонной модели его представителя. Соответственно, обе кинематографии стремились создать позитивный образ американца и советского человека. Советская идентичность основывалась на приоритете классового принципа над национальным, признании равенства представителей всех национальностей и рас; свобода, верность, религия, семья, мораль, патриотизм были важными составляющими американской идентичности [Рябов и др., 2023].

Идентифицируют ли респонденты (и их соотечественники, по их мнению) себя с персонажами кинематографа Холодной войны, советского и американского? Считают ли они киногероев «своими», сопереживают ли им?

Среди тех информантов, кто признался в том, что идентификации с киногероями Холодной войны не происходит, были и россияне, и американцы. Среди россиян к таковым относились прежде всего те, кто негативно относился к СССР — главным образом, молодые люди либеральных и националистических взглядов. При

этом, некоторые из этих групп опрошенных уточнили, что, хотя и не считают советских героев «своими», все же могут соперничать им: «Безусловно, это положительные герои, никогда наш человек не выведен как отрицательный герой, поэтому ты всегда им соперничаешь!» (*Ирина, 59, СПб, «либерал»*). Это обусловлено спецификой конструирования образов «своих»: наделяемые положительными качествами, они не могли не вызывать сочувствия. Отдельные респонденты сочли необходимым заметить, что советские герои не являлись гомогенной группой; они указывали, что, хотя в целом ассоциируют себя с советскими героями, важно, чтобы это были «не злодеи» (*Алексей, 23, СПб, индиф.*). В данном случае символические границы, связанные с моральными нормами, проводимые внутри сообщества, оказывались для респондентов более значимы, чем границы, отделяющие национальных «своих» от «чужих».

Среди опрошенных американцев, которые ответили на вопрос отрицательно, чаще встречались сторонники демократической партии и левых взглядов, а также молодежь.

Большинство же российских респондентов ассоциировали себя в той или иной степени с персонажами советских кинофильмов, идентифицировали их как «своих». Среди признаков, которые позволяют распознать «своих», называли особенности внешности, поведения, отношение к представителям других народов и рас, а также отношение к деньгам. Наиболее устойчиво ассоциируют себя с советскими персонажами россияне старшего возраста, коммунистических и консервативных взглядов («Конечно, конечно. Я же советский человек!» *Арсен, 55, СПб, «лоялист»*), а также молодежь коммунистических взглядов. Жители Иванова и Петербурга чаще ассоциировали себя с советскими персонажами и соперничали им, чем жители Махачкалы.

Среди американских информантов сторонники партии республиканцев делали это чаще, чем сторонники демократов. Как отмечают исследователи, такие ценности, как семья, религия, патриотизм были важными составляющими американской идентичности в период Холодной войны [Tickner, 2001], потому информанты, которые сегодня не являются носителями данных ценностей, в меньшей степени идентифицируют себя и с американскими киногероями Холодной войны.

При этом большинство тех россиян, кто идентифицировал себя с советскими персонажами, не уверены, что так же делают их соотечественники. Отвечая на вопрос о том, как, по их мнению, воспринимают советских киногероев окружающие, они ссылались на поколенческие и идеологические различия: «Тут нужно смотреть по социальным группам, по политическим взглядам» (*Владимир, 20, СПб, сторонник левых взглядов*). Пожилым людям и людям среднего возраста информанты чаще всего приписывали советскую идентичность, в то время как в отношении молодых россиян высказывали сомнения («Ну, я за всех не скажу, но, во всяком случае, те, кто близок мне, мы как бы одинаково воспринимаем сейчас... ассоциируем... ну, это старость, наверное, Советский Союз мы застали, и ассоциируем себя с ним. А молодежь, может, вообще никак не ассоциирует» (*Ольга, 59, СПб, «лоялист»*); «Люди моего возраста все так думают» (*Иса, 61, Махачкала, «лоялист»*). Среди современных американцев идентификация себя с персонажами американских кинофильмов Холодной войны менее распространена, но все опрошенные были уверены в том, что их соотечественники ассоциируют себя с киногероями этих картин. Респонденты объясняли это следующим образом: «Если бы я был более типичным американцем, я бы отождествил себя с Джеймсом Бондом или кем-то в этом роде... Я уверен, что во время Холодной войны многие американцы отождествляли себя с Рэмбо в очень упрощенном смысле» (*Тони, 70, дем.*). Заметим, что возраст американских информантов сказался на их оценках в меньшей степени, чем возраст опрошенных россиян.

Подводя итоги, подчеркнем, что, как показало исследование, нередко киногерои Холодной войны были столь убедительны, что оказались способны вызывать сочувствие, а порой и симпатию, у зрителей и сегодня. Большинство опрошенных россиян ассоциировали себя в той или иной степени с персонажами советских кинофильмов, идентифицировали их как «своих». Отчасти это относится и к американским респондентам. Вместе с тем, важнейшими факторами, которые оказали влияние на идентификацию опрошенных с киногероями, стали возраст и политические предпочтения. Среди россиян чаще ассоциировали себя с советскими персонажами люди старшего возраста, коммунистических и консервативных взглядов; среди американцев — республиканцы чаще,

чем демократы (возраст, при этом, был менее значимым основанием дифференциации, чем политические взгляды). Оценки информантами возможности влияния кинообразов Холодной войны на современных россиян и американцев также были связаны с возрастом: молодежь в обеих странах чаще выражала скептическую позицию относительно возможности влияния кинообразов Холодной войны на жителей современных России и США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Рябов О.В., Белов С.И., Давыдова О.С., Кубышкин А.И., Рябов Д.О., Рябова Т.Б., Смирнов Д.Г., Спутницкая Н.Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023.

Рябова Т.Б., Панкратова Е. В. «Cold warriors» глазами современных россиян: рецепция кинообразов маскулинности американских военных периода холодной войны // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 4. С. 29–40.

Tickner J. A. *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*. N. Y.: Columbia Univ. Press, 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белова Анна Валерьевна — доктор исторических наук, Тверской государственный университет, зав. кафедрой всеобщей истории; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, ведущий научный сотрудник,

Быстрова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, главный научный сотрудник

Гончаренко Валерия Юрьевна — Российский государственный гуманитарный университет, аспирант

Давыдова Ольга Сергеевна — кандидат культурологии, Университет ИТМО, доцент

Дагаева Кира Игоревна — Московский педагогический государственный университет, аспирант

Дзюба Елена Вячеславовна — доктор филологических наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, профессор

Журавлева Виктория Ивановна — доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, зав. кафедрой американских исследований

Канаев Артем Алексеевич — НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, аспирант

Клещенко Людмила Леонидовна — кандидат политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, доцент; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, научный сотрудник

- Кубышкин Александр Иванович** — доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор
- Кузнецов Иван Константинович** — НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, магистрант
- Куликова Марина Николаевна** — кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент
- Лебедев Александр Львович** — кандидат исторических наук, Ярославский государственный медицинский университет, руководитель медицентра
- Левин Ярослав Александрович** — кандидат исторических наук, Самарский государственный технический университет, доцент
- Лекаренко Оксана Геннадьевна** — доктор исторических наук, Томский государственный университет, зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений
- Невзоров Максим Вадимович** — кандидат политических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, доцент
- Нечипорук Дмитрий Михайлович** — кандидат исторических наук, Тюменский государственный университет, старший научный сотрудник
- Осипов Сергей Викторович** — кандидат исторических наук, Ульяновский государственный технический университет, доцент
- Пахомова Светлана Владимировна** — Московская высшая школа социальных и экономических наук, преподаватель; Музей истории евреев в России, научный сотрудник
- Просолова Екатерина Викторовна** — кандидат исторических наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, младший научный сотрудник
- Раздобреев Олег Валерьевич** — Сургутский государственный университет, аспирант

- Райкова Вера Алексеевна** — кандидат исторических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, доцент
- Рогозинникова Юлия Владимировна** — кандидат филологических наук, Государственный аграрный университет Северного Зауралья, старший преподаватель
- Романов Илья Эдуардович** — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, студент
- Ромашин Матвей Игоревич** — Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, старший преподаватель
- Рябов Олег Вячеславович** — доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, ведущий научный сотрудник
- Рябова Татьяна Борисовна** — доктор социологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, ведущий научный сотрудник; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, профессор
- Селезнев Алексей Тимофеевич** — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, студент
- Сергунин Александр Анатольевич** — доктор политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор
- Смирнов Дмитрий Григорьевич** — доктор философских наук, Ивановский государственный университет, зав. кафедрой философии
- Спутницкая Нина Юрьевна** — кандидат искусствоведения, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С. А. Герасимова, ведущий научный сотрудник
- Туркин Илья Андреевич** — Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, магистрант

Фельдт Алексей Евгеньевич — кандидат исторических наук,
Северный (Арктический) федеральный университет им.
М. В. Ломоносова (Архангельск), доцент

Фоминых Алексей Евгеньевич — кандидат политических наук,
Марийский государственный университет, доцент

Шейман Владимир Владимирович — магистр политологии, не-
зависимый исследователь

Юдин Кирилл Александрович — кандидат исторических наук,
Ивановский государственный химико-технологический универ-
ситет, доцент

Научное электронное издание

ИМАГОЛОГИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ:
«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ
СССР И США

Сборник научных статей

Публикуется в авторской редакции

Технический редактор *М. Г. Столярова*
Дизайн обложки *С. В. Лебединский*

Подписано к использованию 25.11.2024.
Тираж 100 экз. Объем 2,38 Мб

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

